

№ 12

2008

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ



Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Н. Иванов. «Жизнь, что испытывала нас...». Стихи	3
Г. Ударцев. «Потомки, помните о нас...». Стихи	41
О. Шеметова. «Разлука является тайной...». Стихи	69
Поэтическая мозаика. Стихи М. Искакова, Е. Игнатовской, М. Кохновича, Е. Демидовой (Елецкой), Н. Устьянцевой	78

Проза

А. Пройдаков. Целитель. Повесть. Часть первая	11
А. Агарков. Забияки. Рассказ	49

Наш общий дом

В. Минин. Нечего нам делить **74**

Наследие

А. Биданова. Почтение к поэту — для народа честь **83**

Культура. Общество. Личность

В. Сон. Легенда земли целинной **88**

В. Владимиров. Возвращение к истокам **92**

Далёкое — близкое

Г. Кудайбергенов. Его Величество Случай.

Сват (окончание) **125**

История без купюр

В. Могильницкий. Чёрные розы маршала **144**

Искусство

Б. Кадыров. Языком плаката **151**

В семейном кругу

Д. Джумагельдинова. Еркегали по прозвищу «Кошмарик».

Повесть (окончание) **153**

Природа и мы

П. Заболотских. Этюды (*В ловушке; Грибная пора;*

Ну, здравствуй, дружок!; Незадача; Простые радости;

Берёзы в полушалках; Воробьи и колодец) **183**

Из почты «Нивы»

Письмо **В. Голубова.** **91**

Содержание журнала «Нива» за 2008 год **188**

Изоальбом «Нивы»: репродукции из альбома «Киноплакат Казахстана».



Николай ИВАНОВ

“Жизнь, что испытывала нас...”

Обелиски

Стремительно меняет Время даты,
Но будут жить в веках солдаты,
Исполнившие свято долг.
Не жгла бы память — я умолк.

Им кланяюсь стихами низко.
Они всем павшим —
обелиски!

Интернациональный долг

Труба охрипшая играла
В январский холод марш “Славянку”.
Нас на перроне генералы
Напутствовали спозаранку.

Они басили, что в Афгане
Расправила крыло беда,
И мы должны на поле брани
Спасти чужие города;

Что безопасности державы
Грозят военные зарницы,
И родина вручила право
Нам защитить её границы.

**Николай
Иванович
ИВАНОВ**

родился и вырос на Псковщине. После окончания в 1977 году Ленинградского высшего артиллерийского командного училища проходил службу в Среднеазиатском военном округе. В 1980-1981 годах служил в Афганистане. Затем проходил службу в Киевском военном округе, Южной группе войск, Прикарпатском и Ленинградском военных округах. С 1996 года — в Вооружённых силах Республики Казахстан. Закончил военную службу в 2006 году в звании полковника на должности заместителя командующего Ракетными войсками и артиллерией ВС РК по боевой подготовке. Ныне проживает в г. Ушарал Алматинской области.

В № 12 “Нивы” за 2007 год опубликована его небольшая подборка стихов. В том же году в Алматы выпущена поэтическая книга Николая Иванова “Сублимация Любви”. Предлагаем читательскому вниманию большую подборку стихов из раздела “Обелиски” данного однотомника.



Нас рассадили по вагонам,
Благословив на подвиг славный...
И марш рыдал вслед эшелонам,
Как плач скорбящей Ярославны.

Термез

Три дня для нас жильём вагоны.
Пейзаж приелся — степь да лес.
Без остановок эшелоны
Спешат в прифронтовой Термез...

С платформ сгружают танки, пушки;
Термез портянками пропах,
Но мирно квакают лягушки
В январских мутных арыках.

Жизнь мирным чередом идёт
Под беспощадным южным зноем...
Автобус в госпиталь везёт
Бойцов, израненных войною.

За переправой на реке
Судьба и нам готовит встряску;
Солдат, сжав автомат в руке,
Толкает детскую коляску.

В Термезе всё перемешалось —
Война и мир в одном клубке.
Нам до войны осталась малость —
Пройти понтоны на реке.

Свят отчизны приказ.
Не погибло в нас доблести семя.
Выбор выпал на нас.
Мы не держим обиды на Время.

Воедино слилось —
И просчёты, и доблесть солдата.
Мы гордимся, что нам довелось
Защищать честь афганского брата.

Рубикон

Брошен вызов судьбе — перейдён рубикон;
Изогнулись под сталью понтоны.
Смотрят лики святых с укоризной с икон,
Как уходят в Афган батальоны.

Батальоны идут, громко стонет река,
Как в предчувствии будущих бед.
На прощание с берега чья-то рука
Одиноко махает им вслед.

Играла с нами в чёт-нечёт
Война совсем не понарошку,
И кто-то больше не придёт
Домой проторенной дорожкой.

Дружба

Во фляге воды —
Один глоток.
Другу отдам.
В магазине —
Последний патрон.
Другу отдам.
Из сухпайка —
Один чёрный сухарь.
Другу отдам.
Выйти из боя —
На двоих один шанс.
Другу отдам.

Восьмидесятый год

О нас в газетах не писали.
Мы были, как частица — не,
Хотя без страха воевали
На необъявленной войне.

Скупое начальство на медали.
Начальству было не до нас.
А мы о главном горевали,
Что вдруг не выполним приказ.

Мы не искали жизни сладкой.
Наш быт размерен был и прост.
О доме вспомнив, мы украдкой
Со щёк стирали капли слёз.



Была мужская дружба свята.
В бою надёжен АКаэМ.
И славу русского солдата
Не запятнали мы ничем.

О нас ещё не говорили.
В стране всем было не до нас,
А мы историю творили
За часом час,
за часом час.

Похищенная правда

Газеты от войны отгородились,
А значит и от нас — кавычками.
А мы в бронежилеты нарядились
И обрастаем новыми привычками.

Нас утром проклиняет муэдзин,
Щекочут нервы не учебные тревоги.
Пытаются поймать в капканы мин
Чужие бесконечные дороги.

А дома, как и прежде, тишина.
Жизнь не меняет старые привычки.
Для многих эта странная война,
Как и в газетах, втиснута в кавычки.

Что жизнь в Афгане не дороже пули,
Им даже не приснится и во сне.
Как хочется, чтобы когда-нибудь вернули
Похищенную правду о войне.

Последний патрон

Прижился, как собака в конуре,
Патрон последний у меня в кармане.
Я знаю, что меня он не обманет,
Когда придётся туго на войне.

Если меня обложит смерть флажками
И сдаться в плен предъявит приговор,
Рукой дрожащей оттяну затвор —
Патрон последний встанет между нами.

И я, судьбу ни сколько не кляня,
Ему скажу спасибо, пока жив,
За то, что от бесчестья спас меня,
Коробку черепную разможжив.

На мой вопрос, дай, родина, ответ,
Скажи мне прямо, без обмана:
“Ты ждёшь меня домой иль нет
С войны, что мы ведём в горах Афгана?”



Скажи мне, не таясь, без экивока,
Одно из двух — я всё тебе прошу:
“Тебя, солдат, забыла я до срока”,
Или — “Сынок, я о тебе грущу!”

И хоть война целует прямо в душу
Холодным поцелуем жаркой пули,
Я клятву, что тебе дал, не нарушу.
Меня войны напасти не согнули.

Постиг я зло, любовь, добро и грусть;
Обкурен ненавистью, словно анашой.
Скажи мне, родина, ты ждёшь, что я вернусь,
Пускай с израненной, но светлою душой?

Журавли

Ни войны для журавлей, ни границ.
Журавлиный клин в Россию спешит.
Перед клином я падаю ниц,
И в гортани от спазмов першит.

Через пару-тройку вешних деньков
Клин заслышит колокольный стозвон.
Разорвать бы цепь военных оков,
Да домой за журавлями вдогон.

Дома встретить бы зарю и закат,
Да в объятиях любимой сгореть.
А потом хоть к чёрту, хоть в ад,
И не страшно в бою умереть...

Земля стонет под разрывами мин,
Пулемёты в ущельях трещат...
Над горами курлыкает клин —
Журавли в Россию спешат.

Тюльпаны

Весна, как и любовь, всегда желанна.
А на войне потребность в ней вдвойне.
На минном поле расцвели тюльпаны
Во имя жизни и назло войне.

Мы на войне свои заученные роли
Сыграем до конца все, как один.
Но пусть всегда цветут на минном поле
Тюльпаны мирные вместо разрывов мин.

Тринадцать тысяч

Награды, слава и почёт
Вернувшимся домой.
А сколько их уж не придёт,
Загубленных войной?!



Тринадцать тысяч человек
Пожар войны унёс.
В стране не счесть опухших век
От безутешных слёз.

Тринадцать тысяч молодых,
Погибших мужиков.
Тоскуют по ночам без них
Тринадцать тысяч вдов.

Страна устала от потерь,
От цинка на гробах.
Тринадцать тысяч матерей
С проклятьем на губах.

Метёт свинцовый суховей,
Берёт разбег джихад.
Тринадцать тысяч сыновей
На алтаре лежат.

Тринадцать тысяч на войне
Зачёркнутых судеб.
Но почему тогда в стране
Не все одеты в креп?

Улетая в Россию к далёким родным
Из афганского хмурого края,
Я хотел навсегда всё, что связано с ним,
Позабыть, больше не вспоминая.
Только память, увы, обмануть не дано.
Не расстаться до смерти мне с нею.
Крутит память о прошлом немое кино,
И опять я Афганом болею.

Я вернулся

Повороты, посты, опалённые скалы,
Скорбной грудой железо сгоревших машин...
Я тебя забывал на крутых перевалах,
Чтоб вернуться к тебе не убитым —
живым.
Я тебя забывал, ты прости, если можешь.
Было много работы, где опасность не в счёт.
Рядом гибли друзья, нет которых дороже.
Я вернулся живым.

Обнимай у ворот!

Душу терзает тоска.
Уезжаю в Союз по замене.
Как пуля у виска,
Два года пролетели.



Прощай, Афган, навек.
Иду по аэродрому.
“Антей” берёт разбег.
Я скоро буду дома.

Дарю улыбки всем.
Вернулся и не ранен,
Но сердце насовсем
Оставлено в Афгане.

Ностальгия

По горным дорогам, вздыбленным взрывами,
Пройтись бы туристом, за жизнь не боясь.
Пройтись по ущельям, афганскими нивами,
И памятью вновь надышаться бы властью.

У скал безымянных, что ветром продуты,
Где раны войны не успели зажить,
Со временем прошлым, хоть на три минуты
Остаться, чтоб заново всё пережить.

Я видел Афганистан

Я видел Афганистан
сквозь узкую прорезь прицела.
Я видел Афганистан
сквозь триплекс бронированных машин.
Я видел Афганистан
сквозь пыль, что над трассой висела,
Когда мы карабкались на перевал,
резину срывая с шин.
Я видел Афганистан
сквозь разящие взрывы снарядов.
Я видел Афганистан
сквозь слёзы, когда гибли друзья.
Я видел Афганистан
сквозь чужие колючие взгляды.
Как жаль, что тогда по-другому
его видеть было нельзя.

Здравствуй, родина!

Здравствуй, родина!
Мы живы.
Возвратились издалёка.
До чего же ты красива,
Зеленá и синеока.

Без тебя мы изнывали
На афганском поле ратном.
Воевали и не знали,
Возвратимся ли обратно.



На опасных поворотах
Поджидали нас душманы.
В снах, отрывочно-коротких,
Снились русские туманы.

Снилось волшебство берёз
На полях твоих родимых.
А ещё — бусинки слёз
На щеках наших любимых.

Под гитару на привалах
От любви к тебе сгорали,
И на диких перевалах,
Как герои, умирали.

Здравствуй, родина!
Мы живы.
Возвратились издалёка.
До чего же ты красива,
Зеленá и синеока.

Ветераны

Я и друг, мы оба — ветераны
Афганской необъявленной войны.
Но скорбит душа и беспрестанны
Об Афганистане мои сны.
В чёрных снах который раз в атаки,
Презирая смерти страх, идём.
И глоток последний тёплой влаги
Раненым солдатам отдаём.

В снах сквозит немая грусть по дому,
Скорбный клин летящих журавлей,
К лайнеру шаги по аэродрому,
Лица вечно молодых друзей.

В жизни успокаиваться рано.
Жизнь даёт очередной изгиб.
Я и друг, мы оба — ветераны.
Только я живой, а друг погиб.

Вечная память

Со временем стираются детали,
Но никогда нам не дано забыть
Страну, за чью свободу воевали,
И дружбу, что верней не может быть.

Судьба нас по Союзу разбросала.
Жизнь без войны взяла над нами власть,
Но позабыть не сможем перевалы,
Где кровь друзей на скалах запеклась.



Алексей ПРОЙДАКОВ

Целитель

Повесть

Часть 1.

ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ

Глава 1. В чём истина?

... и знай, то, что уходит с твоих глаз, ничто не гибнет, но всё возвращается в лоно природы, из которого вышло, чтобы вновь возродиться.

Из письма Сенеки — Люцилию

“В 15 лет я обратил свои мысли к учёбе.

В 30 лет я обрёл самостоятельность.

В 40 лет я освободился от сомнений.

В 50 лет я познал волю неба.

В 60 лет я научился отличать правду от неправды.

В 70 лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуалы”.

Так говорил великий Конфуций в шестом-пятом веках до нашей эры. Просто в понятие “ритуалы” вкладывал иное значение, чем принято сейчас. Честное слово, древние были умнее нас! Они изрекали такое, смысл которого до сих пор непреходящ. Они были религиознее нас — тогда предмет поклонения был осязаем. Они более нас почитали традиции и следовали ритуалам, потому что и тем и другим обладали.

Сегодня мы обожаем подмены.

Свою полную духовную опустошённость оправдываем жертвованиями на постройку культовых сооружений. Которые, в свою очередь, выдаём за символы духовности.

Религия и духовность — это рядом, это близко, но — это не одно и то же.

Духовная культура — понятие многогранное и включает в себя не только знание молитв, но и произведений классики: литературы, музыки, архитектуры, философии, многого другого. Точнее, всё вышеозначенное — музыка, только её воплощения различны: в звуках, строках, сооружениях. А ещё точнее — элементы той музыки, которая где-то существует глобально, всеобъемлюще, ею всё пронизано. И ТАМ — она не редкое явление, а среда, в которой живут.

Сюда она прорывается, возможно, запланированно, как намёк на схему истинного творения, который и закладывает в нас понимание размера и глубины оригинала.

Её нам отпускают малыми долями, через отдельно взятых (иногда не лучших) представителей рода человеческого.

Так появляются гении, чаще — таланты.

Но всё идёт ОТТУДА.

Молитвы — тоже произведения, раскодированные в слова символы общения с высшими силами.



Всё идёт СВЫШЕ.

Дружба и Любовь — тоже дар. Даже более. Скорее всего, в прошлой жизни с теми людьми, которых мы нынче любим и уважаем, нас связывали очень близкие, возможно, родственные отношения; за них мы волновались, переживали, готовы были рисковать, жертвовать жизнью. И рисковали и жертвовали.

Когда один год сменяет другой, происходят загадочные, почти мистические вещи: мы становимся добрей, лучше и чище, нас тянет к истокам, мы больше времени стараемся проводить с родными.

Вышеприведённые слова мудреца древности относятся как к человеку, так и ко всем его деяниям, вызывая потребность взглянуть на них со стороны, оценивая и взвешивая: а всё ли так?

Дело сжимает время и дело удлинняет жизнь; его отзвуки будут ещё долго колебать эфир после нашего ухода. Что ж, всё закономерно, ибо в этом мире мы только гости. Годы идут, их не остановишь. Процесс старения отработан до тонкостей, но морщины на лица нам садят самые близкие люди.

Мы приходим и уходим, а всё остаётся. Год ушёл, год пришёл — и так всегда.

И, наверное, наступает пора задать несколько вопросов самому себе. Задать так, чтобы никто не посмел обвинить тебя в напыщенности, патетике или фразёрстве.

Задать несколько вопросов...

Какими они могут быть?

— В мире много слёз и чему ты более способствовал: их уменьшению или наоборот?

— Стали люди счастливее от общения с тобой, или?..

Их может быть много. Чем острее совесть, тем больше будет вопросов. И если ты готов на них ответить беспристрастно, это и станет означать, что к тебе неслышно приблизилась мудрость жизни, что молодость прошла и наступила зрелость. Зрелость в мыслях, поступках, суждениях; зрелость, рождающая чувство ответственности перед людьми.

“Всё в мире зависит от того, сделаю я этот шаг или другой, скажу слово или промолчу...”.

Всем придётся задать себе несколько вопросов, рано или поздно, и храни нас Бог в наших ответах.

1

Она ворвалась в мою жизнь неожиданно. Просто однажды пришла в редакцию газеты, которой я тогда руководил, с какой-то бумагой от руководителя департамента медицины города Экибастуза.

Была умна, проницательна, умела изысканно одеваться, и эта изысканность была непривычной взору провинциала-журналиги.

Всё в ней казалось непривычным. Облик респектабельной дамы не сочетался с рассуждениями уставной монашки.

Странно звучали слова о том, что люди должны любить друг друга, что нельзя на зло отвечать злом, что земная жизнь человека коротка, а мы ещё её укорачиваем сами; что идёт Битва на уровне душ, где-то вокруг нас, а мы ничего не ведаем; не в силах объяснить, почему иногда становимся



добрыми, терпимыми, улыбчивыми, готовыми объять весь мир... Ей были известны ответы на все вопросы. Да и вопросы ставились так легко и обыденно, что, воображая себя грамотным и умным, ты вдруг начинаешь думать, что это не совсем так.

Ведь тебе невдомёк, что ты — центр Земли и именно ты — объект великой Битвы; ты и тысячи тебе подобных. Из-за тебя бушуют катаклизмы, отзвуки которых лишь изредка прорываются к нам в виде снов.

“Ничего не бывает просто так”, — часто повторяла она.

Значит, не бывает и просто снов: всякое сновидение информирует. Отключённый от сознания мозг способен улавливать сигналы, идущие в подсознание и даже на более тонком уровне, ибо при бодрствовании всё это заглушается именно сознанием. А сознание наше — мелочно и суетливо, лениво и нелюбопытно.

На мир приучены смотреть только тем зрением, которое нам дано от рождения, не пытаясь его расширить. Но даже видя, мы остаёмся просто созерцателями: картинку “в кадре” различаем, но то, что “за кадром”, для нас остаётся полным неведением.

Но ведь — это близко, это рядом, надо только протянуть ладонь: кадр — за кадром, горизонт — за горизонтом... А пройдёшь пару шагов — и горизонт отодвигается, кадр смещается вглубь.

“Если что-то происходит, значит, должно было произойти”.

Мне эта фраза казалась безнадёжной и унылой: мы не в силах противостоять? Почему?

Ведь мы — люди... Стало быть, от нас совсем ничего не зависит?

“Не ищи причин в ком-то, сначала разберись в себе. Разберись в себе, поможешь родным, затем друзьям. Представляешь, как изменится мир? Понимаешь, каким может стать?”.

Каноны, установки, афоризмы, прочая словесная эквилибристика. Всё очень просто, но в понимании материалиста, этот мир уже ничто не спасёт.

“Многие думают именно так. А ведь мысль материальна и её отрицательная направленность, уныние и истекающая из них безысходность несут в себе такой негатив, который вряд ли поможет этому миру измениться”.

Если мысль материальна, то что говорить о Слове? Слово... сказал и — звук — исчез, уже не вернёшь, не поправишь, не изменишь.

Мне, с шестнадцати лет работающему со словом, казалось, что я о нём знаю всё. И знал, что написанное можно исправить, неверное слово заменить на иное, но не задумывался, что сказанное однажды уже нельзя — никогда — не поправить, не изменить.

“Вот именно: не поправить, не изменить. Поэтому к словам надо относиться особенно трепетно, считая их — Законом”.

2

Так мы беседовали. Разговоры утомляли, казались беспредметными.

Она то исчезала, то появлялась и никогда не объясняла причин. А если я спрашивал, она отвечала: “Просто так надо”.



От неё пахло сиренью. Запах завораживал, потому что не был парфюмерным, и это только усиливало магию восприятия. В своём непреклонном стремлении кое-что вдолбить в мою голову она проявляла изрядные усилия, но никакой беды в этом не наблюдалось. Скорее наоборот, меня умиляли её попытки.

Я тоже что-то знал, считал себя эрудитом, сносно оперировал цитатами из Библии.

Иногда подтрунивал и ёрничал, иногда напускал на себя важный вид и нёс откровенную чепуху.

Многое мне тогда было недоступно.

А для неё не существовало пустых разговоров, пустых фраз и пустых слов. Ко всему — отношение вдумчивое и серьёзное; всё надо обсмотреть со всех сторон и подвергнуть фонетическому анализу.

Шуток не признавала, комплименты воспринимала почти враждебно.

Чуть позже все эти рассуждения, словопрения стали менее захватывающими.

Времени на беседы оставалось всё меньше. Я то утопал в редакционной суете, то делал вид, что утопаю.

Она всё поняла и вскоре перестала приходить.

У меня отлегло от сердца. Отлегло, потому что я не понимал цели её приходов.

А потом мне приснился сон.

Я шёл по коридору квартиры и вдруг впереди себя в полной темноте, но очень отчётливо увидел человека: взгляд безумен, волосы взлохмачены, руки трясутся. “Господи! — подумал я. — Как он оказался в моей квартире?”. Замер. Сердце подкатило к горлу и глухими толчками в нём колотилось. Нащупал выключатель и, теряя силы, включил свет.

Стою против зеркала, но при освещении совсем другой.

В свои почти “полтинник” я считал невозможным пересмотр установок на жизнь. Поздно. Она уже либо состоялась, либо нет. Да и стыдно: был таким, стал меняться; а человек должен быть упорным, твёрдым и...

А если всё было ошибкой?

Если взгляды были порочны?

Если думал, что бодрствуешь, а спал?

Если душу переполнил гной и ты уже начинал чувствовать его обратное влияние на мозг, а выхода нет?

А если смешные, наивные утверждения этой женщины о добре и зле, о конечном торжестве справедливости, о возобладании духовного над материальным всё-таки своевременны и современны?

Ведь не всё утонуло в деньгах и роскоши, славе и блеске. Должно же за всем этим внешним скрываться внутреннее. Вечное. Не подверженное тлению.

Я всегда над этим смеялся.

А может быть, не всегда?

А может быть, не смеялся, а просто хотел быть как все?

А что значит “быть как все”?

Кто они — “все”?



3

“Когда вы уходите из этого мира, вы ничего с собой не берёте, даже своё физическое тело. ТУДА уходит только душа, прошедшая горнило земной жизни, очищенная, освобождённая.

Так где же правда? Посмотри на звёздное небо, вдохни чистый воздух и представь себя в нездешнем краю, где нет корысти, зависти, где всегда звучит чудная музыка, где чистота помыслов и стремлений — норма.

Так в чём истинный смысл?”.

— Истина в том, что надо воспитывать и обеспечивать детей, выводить их в люди. А для этого необходимы и деньги, и имущество, и много-много всего.

Я был раздражён.

— Вы-то выдаёте себя за эдакую бессребреницу, но одеваетесь со вкусом и ведёте себя как светская дама. Кто вы на самом деле?

— Я — целитель... В том, что ты говоришь, есть смысл, но не надо всё это ставить во главу угла и поклоняться только этому. В погоне за этим находится полмира, а средств для всех не хватает, и люди начинают воровать и обманывать ближнего. Решать, кто главнее. А ведь из этого самого “кто важнее, кто главнее” и произошло первое преступление на Земле. С тех пор их было великое множество, чернота вокруг планеты неспроста.

— Очевидное нельзя отрицать, каждый выживает как может, — ответил я, всё более распаляясь. — Вам хорошо, вы — одна и всё ваше имущество умещается в дорожной сумке. Сегодня вы здесь, а завтра — неизвестно где.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Тогда послушай. У меня всё это было, — она повела рукой вокруг. — И всему этому я знаю настоящую цену. Но всё рухнуло в одночасье, зыбким оно оказалось. Быть зависимой от внешних обстоятельств, то есть от кого-то, я более не желаю. Меня предал муж, которого я любила многие годы и которому была верна. Тогда со мной было очень плохо, я была и поражена, и потрясена. Я хотела умереть. Но вместо этого на меня снизошёл дар. Мне приснился Святой Целитель Пантелеймон. Но это отдельный разговор. С тех пор я иду по этому пути. Училась, получала лицензии, сертификаты. Всё имущество я отдала детям, благо, они уже взрослые и смогут толково им распорядиться. Да, у меня всего лишь пара сумок, но я помогаю людям и, знаешь, получается. В этом смысл моей теперешней жизни. Я просто им объясняю очевидное, чтобы они поверили в себя. Естественно, беру за это небольшую плату, мне тоже надо жить на что-то, хотя потребности мои невелики.

Какие они “все”?

Она — тоже “все”?

Я вспомнил, как иногда легко было рядом с ней, как душевно и певуче звучал её голос...

Ведь первое время я даже не пытался вслушаться в смысл слов — так только, иногда вставлял колкие замечания, больно её ранившие. Я видел. Но она опять возобновляла разговор, думала достучаться...

... Утром я долго собирался, но всё-таки позвонил; мне ответили, что “целительша уехала и не сказала, куда и насколько”.



Глава 2. Мир творят чистые помыслы

Один зарабатывает на жизнь тем, что умеет делать.

Другие делают то, что делать вынуждены.

Мне в жизни посчастливилось, как мало какому ремесленнику.

Мне платят за ремесло, которое я искренне, по-настоящему люблю.

А. Сапковский “Крещение огнём”

Когда неверие захлестнуло всё и вся — Тьма безгранично господствовала повсюду, сея разорение и смерть. Попытки в подвалах инквизиции становились всё изощрённее; беспрерывно горели костры, сжигая светлые умы человечества.

Но приходили пророки, являлись мессии, они-то и не дали окончательно пасть миру людей.

Безоговорочное господство Тьмы пошатнулось. Люди теперь испытывали только её рецидивы, в стремлении вернуть утраченные позиции: борьба началась за отдельные человеческие души.

Мир, расколотый на два лагеря, опять сошёлся в единоборстве, но уже на другом уровне. Мирное сосуществование двух диаметрально противоположных миров всё-таки оказалось невозможным; ибо Свет — Добро, а Тьма — Зло, хотя и находятся в одной плоскости.

Столкновение миров всегда грозит катастрофой. И если между двумя цивилизациями всегда возможен компромисс, слияние: мыслей, взглядов, мировоззрений, — то между двумя разными Мирами возможна только борьба, до победного конца.

Всё зависит от того, что выберут люди.

А люди колеблются, люди ищут простых и доступных развлечений, люди деградируют и становятся настолько корыстными, что торгуют и телом и совестью.

Это случается, когда ожирение души достигает немыслимых размеров, когда выхода из этой благополучной, на первый взгляд, жизни — нет, когда опустошённость вначале появляется в голове, а затем меняет внешний облик. И вот однажды, с каким-то непонятным восторгом, скажешь ты светло и здорово: “Всё!”. Но мгновение спустя тебе станет ясно, что не светло и не здорово ты сказал, а слово “всё” выросло из твоего горла, как корча.

И душа твоя сделается домом, из которого каждый день уходят дорогие тебе люди. И каждому хочется крикнуть вослед: “Воротись!”. Но будешь ты только долго кривляться, потому что не в состоянии преодолеть отвращение к самому себе. Ты был бы рад и сам покинуть этот дом, только бы не видеть, как уходят дорогие тебе люди.

Но уйти от себя невозможно.

После этого твоя возможность выбора уменьшится неимоверно: Тьма или Свет. Ничего не поделаешь, мы так устроены, мы должны быть заполнены или тем, или другим, — третьего для нас не существует.

И ещё, ты обязан будешь выбирать, ибо от твоего выбора зависит судьба мироздания.

И если первое сулит лёгкое и быстрое блаженство, то второе — долгий и суровый путь Очищения и Покаяния.

А пока ты мыслишь над выбором, почувствуй, как бездарно уходит время земной жизни; сколько несправедливостей произошло за это время; познай, что за неё в ответе — ты и только ты.



Ты уже в центре борьбы.
Помни о том, что ты — творение Бога, а не его противоположности.
И ещё, помни о том, что борьба идёт столетиями, не прекращаясь ни на минуту.

1

Это была пора золотой осени — времени года, мне особенно дорогого. Тусклые оттенки души становятся прозрачными и яркими красками. Хрустальная даль преломляется под лучами светила и выдаёт доселе невиданные, незримые в обычное время грани.

Всё обострено: чувства, желания, мысли; всё приобретает ранее неведомые стороны, готовясь встретить суровые степные морозы.

А воздух! Какой осенью воздух!

Солнце напоследок дарит людям такую ласку, такое умиротворение. И — ни ветерка.

Я любил в такое время года ходить пешком на работу. Идёшь, на душе спокойно, знаешь, что в редакции тебя ждут милые люди, способные быть соучастниками твоих замыслов, соавторами идей и успешно воплощать их в жизнь.

Вчерашний день, когда я узнал о внезапном отъезде “целительши”, не выбил меня из колеи: я утонул в обычной суете, делал повседневные дела, подписывал рядовые бумаги, вычитывал тексты...

А когда выходил покурить, в минуты блаженного отдохновения в голове стучало:

Как о воде протекшей будешь вспоминать.

Можно сказать, что я ожил.

Так думалось и так казалось.

Отъезд Йен (так я называл её про себя, по имени чародейки А.Сапковского, вначале с иронией, потом просто привык) повлиял на меня благотворно. Перестали давить эти “не делайте зла своему ближнему, даже если он этого заслуживает”, “любите врагов своих”.

Я перестал чувствовать себя глупцом — эта роль не для меня, я привык быть над всем: суетой, обстоятельствами, обыденностью... Но появляется человек, который только одним своим присутствием перечёркивает всё, ради чего я старался долгие годы: надо всё начинать заново. Не поздно ли?

Мудрый боится и удаляется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян.

Хорошо, во многих отношениях я был готов кое-что пересмотреть, но моё отношение к Слову!

Разве не был я к нему бережен и трепетен?

Разве не берёг и не лелеял?

Да, я относился к нему так, как меня учили всю мою сознательную жизнь — материалистически. Написанное — одно, как говорится, “не вырубешь топором”, но сказанное — звук. Сказал и — ушло, исчезло навсегда.

Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения.



К Слову — ясно, что же касается отношения к людям, то здесь наверняка не обошлось без накладок. Скажем, к той сизой физиономии, которая копается в контейнере с мусором, я не могу (при всём желании) относиться так же, как к своим ребятам на работе. Они “пашут” весь световой день, невзирая на усталость, они творят, они питают семьи...

Я не прав?

Тогда бросьте в меня камнем.

Я отношусь к людям согласно их достоинств, только и всего. Правда, иногда кричу на сослуживцев, матерюсь даже, но не унижаю, не оскорбляю.

Прошу тебя, будь терпимей. Не надо кричать, ругаться нет нужды. Люди и без того осознают, и каждый по-своему переживает. Плохое же настроение идёт по цепочке, передаётся от человека к человеку. В результате Мать-Земля принимает всю эту чернуху, а ей и без того тяжело.

Это точно, но, родные мои, что ж вы хотите? Мне уже под пятьдесят и не могу я в угоду заезжей гастролёрше переделывать себя под корень в то время, когда у меня уже взрослые дети. Даже если она тысячи раз говорит только правильные вещи. Как мои дети посмотрят на перемены во мне? “Папа стал другой” — представляете?

Я сбавил шаг и призадумался.

А если папа станет лучше, душевней?

Если у него появится время для них, потому что по-другому станет его планировать?

Если он перестанет выдвигать самому себе различные трудности, которые потом героически преодолевает в выходные дни?

Если в его манере общения появится заботливость и мягкость?

Если он перестанет корчить из себя великого деятеля и станет обычным писакой?

Если он, наконец, начнёт признавать какие-то авторитеты, и тогда некоторые сложности исчезнут сами по себе?

Если...

Я встряхнул головой, как конь у озера, и посмотрел вокруг: почти пришёл на работу.

Тут я невольно стал выискивать в своей биографии хоть какие-то позитивные моменты.

Их было много. Я успокоился.

Минусы тоже были, но проскальзывали почти бесшумной тенью.

А если покопаться? Если углубиться и извлечь из тайника памяти... Нет. Сегодня — не день избиения младенцев.

Мысленно я опять вернулся к Слову. Это больше всего не давало покоя. Я — работник прессы, стало быть, работник Слова. Я мало знаю о Слове? Быть может. Допускаю.

Но слабость людей как раз на этом и зиждется. Сами придумали Слова, сами разделили их на хорошие и плохие. Теперь какие-то слова вслух говорить прилично, а какие-то лучше вообще не произносить. Где логика? Зачем придумали?

Слово состоит из звуков. Маленькое — из одного-двух, большое — из десяти и более.

Звук всё равно остаётся только звуком.



Словом можно убить и можно вылечить.

Это как прикажете понимать? Далее.

Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от беса душу свою.

Проще говоря, “за базар” надо отвечать.

Это по-нашему, по-современному, по-экибастузски.

А где же непорочность языка, где борьба за чистоту оного?

И Слово стало плотью и обитало с нами.

Чистые слова — чистые мысли.

А если наоборот?

Если говорю одно, а делаю другое, то не потому что плохой — расклад паршивый.

Всё равно тепло, даже при смягчающих обстоятельствах.

А где вы видели, что “разрушенный” изнутри человек говорил дельное? Он несёт чушь, ахинею, которую малограмотные, но фанатично настроенные люди пытаются выдавать за предсказания, пророчества...

Пророки — особая каста бессребреников, они всегда были одиноки и безумны. Но в минуты, когда на них капало с небес, они выдавали такое, от чего можно было только хвататься за голову. Но это для тех, кто верил.

Так из чего сотворено сознание пророков? Из какой глины слеплен мозг, с одной стороны полностью деградировавший, с другой — отмеченный Создателем?

Человек состоит из энергий. Значит, мысль энергетична, она живёт, действует и творит. Вот только что? — какие помыслы в тебе, таков ты сам.

Иначе говоря, что задумал, то совершил.

2

... Это было до обеда. Но ближе к вечеру я всё чаще ловил себя на мысли, что гляжу на входную дверь, ожидая прихода Йен.

И находил в этом нечто ненормальное.

Я не хотел этого и вместе с тем — жаждал.

Я ждал, что она войдёт, улыбнётся и — в кабинете сразу станет светлее. И я услышу очередные рассказы из целительской практики...

“Пришла сегодня женщина, настаивала, чтобы никто не узнал о том, что она ко мне обратилась. Уверена, все её знают... Жена или любовница кого-то из ваших бонз”.

Потом присядет, спросит, как у меня сложился день и, не дожидаясь ответа, продолжит:

— Представляешь, пришёл сегодня мужчина, кинул на стол триста тенге и заявил: “Лечи меня. У меня денег с собой больше нет, но сторгуемся”.

— А вы?

— Выгнала, — ответила она равнодушно. — Он говорил на “ты”, во первых. А во-вторых, я таких — не осознавших — не пользую. Идите, говорю, подумайте, в чём были неправы, потом, если что-то до вас дойдёт, приходите.

Она немного помолчала, сосредоточиваясь.



— Я же отдаю им свою энергетику, — сказала, отчаиваясь. — Просто так её не восстановишь...

Когда такие порывы проходят, я подаю ей чай, и мы беседуем на разные темы.

Наши беседы вошли в привычку, и я уже не мыслил вечеров без этих словопикировок.

Она говорила, я возражал: иногда аргументируя, иногда выделяваясь.

Я считал себя носителем прогрессивных идей, а её — погрязшей в позапрошлом веке.

3

Вечером я тихо шёл домой по тёмной аллее, деревья которой были опалены последним жаром уходящего в зиму солнца.

Асфальта тротуара не было видно из-за навалившейся листвы, которая хрустела под ботинками просяще и жалобно.

О них моё слово, о них и слеза моя, и грусть моя древняя, словно сказание.

О, осень! Как жёстко ты напоминаешь о том, как мне хочется вернуться домой, к беззлобному небу и чистому озеру.

Я боялся признаться себе в том, что Йен мне попросту не хватает.

4

Утро было туманное. Тучи обложили землю, укутав всё влажным, плотным, тусклым.

Тихо моросил дождь.

На душе тоже царил сумрак. Осиротело глядели дома, даже в которых горел свет.

А те, где люди либо спали, либо уже ушли на работу, вовсе казались брошенными.

Я всегда любил такую погоду, всегда внутренне радовался хмурому небу и отсутствию солнца; мне нравился мокрый асфальт и кучи листьев, дымящихся у дорог и тротуаров.

Скользили по щекам дождевики.

Прохожие, едва различимые под зонтами, спешат по своим делам и им невдомёк, что человек ищет человека.

Господи! Добавь немного света! Дай мне возможность увидеть, вдруг она пройдёт рядом со мной...

Я всегда любил пасмурную погоду и полумрак. Над этой моей странностью коллеги даже подшучивали: кому по душе хмарь, у того на душе нечисто. Почему я не любил солнечный свет? Не знаю. Больших грехов на мне нет, я не вор и не убийца, прятаться мне не от кого, да и незачем. В самом деле, злодей или вампир? Крови не пью, а зла... Зла я не делал. Если кого-то, когда-то огорчал — простите от души.

Деля зло ближнему, не осознаёшь, что делаешь это зло только самому себе.

Мне показалось, я слышу её голос.

Это вы, мадам?



Откуда вы свалились на мою голову?

Всё прожитое время я был уверен, что делаю всё правильно.

Почему же теперь в сомнениях? Наверное, в самом деле что-то совершал не так, рассуждал не так, поступал не так. Настолько НЕ ТАК, что мне (дабы на путь истинный наставить) прислали Человека. И Человек этот — Йен.

Наверное, наступила пора посмотреть другими глазами, переоценить ценности...

Вот и разгадка, вот что удлинит несчастьям нашим жизнь на столько лет...

Тяжкие раздумья преследовали меня всё это время, но я точно не знал их истока. А теперь мне ведомо, что он в моей бурной молодости.

Всё было. Всё помню.

Дрался, кричал, пил, ругался. Просил прощения. Было поздно.

Закрутилось колесо. Спрыгнуть с него казалось невозможным, настолько всё это засело во мне. И ничему и никому было не под силу вытащить наружу всю эту безобразную массу грязи, нелепицы, пустоты.

Жизнь теряла смысл даже тогда, когда он в ней появлялся.

И вот приехал человек, доселе мне неведомый. И под воздействием её мелодичного голоса, её незримых манипуляций, зажжённой свечи и неистребимого запаха сирени, — всё это попёрло из меня наружу.

Я стал переоценивать ценности.

Я стал думать, а ценности ли это?

Я стал строже к себе относиться.

Я стал терпимее к людям.

Я стал более независим с начальством.

Я вспомнил о своих детях.

Я стал думать, что кроме работы на свете есть ещё что-то.

Я стал плакать, когда есть повод.

Я стал склонен к самопожертвованию.

Я стал помогать людям.

Но следом за этими мыслями кто-то нашёптывал другое: “Чего ты дёргашься как марионетка? Ну и что? Приехала баба, наболтала всякого и уехала. А ты теперь соображай, мучайся, как придурок. Она же разъезжает по городам, стрижёт “бабки” и охмуряет таких доверчивых простаков... Вот так”.

“Да, — подумалось мне, — в самом деле подозрительно получается. Не хочу, не буду...”

Работать по-прежнему, делать своё дело, мысли — побоку. Я ведь взрослый человек, и на меня не так-то просто воздействовать; не та-ак просто выбить меня из седла. Я — человек самостоятельно мыслящий, тем и горжусь”.

Но следом за такой уверенностью опять крались сомнения.

В её словах, несомненно, что-то было...

5

В теологии я не силен, в экстрасенсорике — тем более. Библию знаю плохо, но кое-что я всё-таки вычитал и запомнил, после того как услышал от Йен.

Это всё о Слове. Опять о Слове. О Слове, в котором я считал себя докой. Я думал, знаю о нём ВСЁ. Или очень много.



Оказывается, и здесь меня ждало разочарование.

*Кто не согрешает в Слове, тот самый совершенный, могущий обу-
дать и всё тело.*

Как вам это выражение, уважаемые плясуны на фразе, торгующие пафосом? А уж сколько раз “согрешившие в слове”, можно со счёта сбиться. И где уж нам до “человека совершенного”, дорогие коллеги?

Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков...

Вот и выходит, что Слово — всему начало и всему конец.

Самое замечательное во всём этом то, что человек, не имеющий ни-
какого отношения к письму, заставил меня иначе посмотреть на Слово.

Словом возвышают и унижают, возносят и низвергают, приводят в восторг и ужас... Словом лечат и калечат.

Раздумья, раздумья...

Где им начало?

Где их конец?

6

Воспоминаний в этот день было предостаточно, я ими жил. О чём-то вспоминал с удовольствием, о чём-то с негодованием, о чём-то со стыдом. Стыдно было восстанавливать в памяти свою физиономию, когда я изображал эдакого убитого работой журналюгу, которого все домогаются, а он отбивается от предложенных тем, выбирая на вкус. Стыдно было вспомнить снисходительность, с какой я выслушивал Йен. А она продолжала говорить, хотя всё видела и понимала.

Одного не пойму, почему она тогда не отвернулась от снобствующего субъекта?

Каким вдохновением горели её глаза, когда она рассказывала о поездках в Боровое!

— Идешь по лесной тропинке, подставляешь лицо солнцу, насыщаешься его энергией, добром, светом. Мне хорошо! Мне никого и ничего не надо. Только я и природа. Только она восстанавливает мою энергетику: солнце насыщает меня, делает сильнее и даёт возможность принимать в себя негатив своих пациентов. А они, в большинстве своём, приходят ко мне с такой чернотой в душе! Моя задача — избавить их от этой черноты. И вот, помимо всего прочего, чтобы ускорить процесс восстановления их энергетической оболочки — ауры, я им рассказываю о речке, соснах, траве, солнце... Словом, о том мире, в котором я живу всегда.

Она живёт в созданном ею мире, и он не материален. Она сама сотворила свой мир и пребывает в нём, по необходимости, независимо от времени года. Он светится в её глазах. Он так же чист. С ним хочется встретиться, хотя бы с его частичкой.

Какие помыслы, такой мир.

Её мир — солнечный, сплетённый из узоров добра и справедливости. Она делится этим Миром с другими людьми, пытается заронить в их душах его часть, которая потом даст всходы. Даже если нет, человек просто узнает, что он — этот Мир — существует, что есть не только пустота, алкоголь, наркотики, а ещё что-то красивое и светлое, насыщенное яркими красками и, увы, большинству пока недоступное.



На меня Йен растратила столько сил и времени. Зачем? Не знаю. Я могу пойти только от “наверного”. Наверное, она узрела во мне столько грязи, неуверенности в себе, своём завтрашнем дне. И это, несмотря на видимое благополучие.

Мне и самому стало казаться, что не всё так хорошо.

Я всегда боялся:

- несчастий с родными;
- подножек недоброжелателей, друзей;
- измены;
- финансовой неустроенности;
- глупости, подлости людской;
- многого другого.

Она пыталась вселить в меня уверенность, но так и не достигла цели.

Она говорила, что всё плохое кроется внутри нас и только в нас, что все перемены надо начинать с себя.

Представляешь, когда это пойдёт по цепочке — от человека к человеку, как быстро может измениться ситуация. Каким может стать мир в короткие сроки!

Когда-нибудь обязательно станет. Но выправляться ситуация начнёт после того, как неизмеримо возрастёт число Целителей Мира.

Может быть и я смогу стать хотя бы проводником их идей. Кто знает.

Но почему я? Других много. И не менее, а более достойных, ждущих своего часа.

Ибо во все времена, на всех континентах рождаются одинокие люди, которые с их бескорыстностью, правдивостью, человеколюбием, непротивлением, добротой, напоминают обитателей иных миров, где давно забыты распри, зависть, корысть, насилие.

И они, наверное, не понимая, где находятся, начинают говорить здесь обычные для них, но непривычные, а порой и враждебные нам, истины. Они не понимают, за что их начинают гнать, преследовать и бить.

И всё кончается казнью.

А потом их возводят в ранг святых.

Нет, любезный щелкопёр, её помыслы чисты так же, как чисты и бездонны её глаза.

Я вспомнил, Йен никогда не кричала, даже не повышала голос. Она вначале просто говорила, а потом, видя, что до меня не доходит, терпеливо пыталась втолковывать, как глупейшему из глупых.

Чистые помыслы творят мир! Искажённые — разрушают. Прежде всего самого человека. Потом всё вокруг него.

А я со своим прагматизмом добавил:

— Чистые помыслы творят чистый мир, грязные помыслы творят грязный мир. В этом суть, в этом истина.

— Истина на данный момент заключается в том, — с грустной улыбкой сказала Йен, — что у тебя сейчас болит голова и ты вспоминаешь, есть ли в ящике таблетки. Оставь, пожалуйста, твои головные боли не таят в себе опасностей.

Она подошла ко мне сзади.

— Представь себе какую-нибудь приятную картину: лес, озеро, трава. Вспомни детство.



Я криво ухмыльнулся, но попытку сделал.

Она положила мне на голову обе руки, они были влажными и тёплыми.

... Я шёл по высокой траве. Справа виднелись дома моей родной деревни, впереди зеленел Малый Карагач — лес моего детства: я шёл туда, шёл за ягодами. В руках у меня маленькое ведёрко, которое дала мама для земляники. На мне красные штанишки, которые я называл “костянкой”, с одной помочью, белая подрванная рубаха.

И шёл я именно по тому месту, где через тридцать пять лет будет “новое” кладбище, на котором навеки упокоится мой отец.

Я вздрогнул и очнулся.

— В чём дело? — тревожно спросила Йен. — Тебе хуже?

— Кладбище, — вымолвил я с трудом. — Шёл по будущему кладбищу, где папа...

— Успокойся. Тогда ведь кладбище там никто не планировал, правда?

Я молча кивнул, всё ещё тяжело дыша.

— Успокойся, — повторила она, — всё хорошо. Как голова?

Голова моя была светла и чиста, как будто в ней никогда не появлялись дурные мысли.

— Что вы сделали?

— Лучше расскажи, что ты видел.

Подобных случаев было несколько.

Не раз я испытал на себе её целительский дар, но не придавал этому значения. Почему?

Считал само собой разумеющимся? Считал, она мне обязана? Чем? Тем, что я часами её выслушиваю? Это я должен быть благодарен. Она смогла разбудить во мне то, чего никто не смог: мне захотелось на природу, в лес, на озеро, меня потянуло на родину.

Если бы не всё так стремительно менялось.

А всё, к сожалению или к счастью — не знаю, меняется и не всегда в лучшую сторону. Слишком много в нашей жизни телевизора, а с развитием и совершенствованием телепрограмм и телевидения его становится всё больше и больше, даже неудобно как-то.

Не очень-то уверенно я чувствую себя в мире компьютеров и сотовых телефонов. С моей точки зрения, они являются продуктами инопланетных технологий. Ну не мог человек, с его ограниченностью и тупостью, создать подобное. Век техники на Земле насчитывает смехотворно малые несколько десятилетий. Технические новшества, даже безобидные (а безобидными они не бывают), основательно калечат и душу и волю человека. Конечно, техника основательно проехала и по мне, но я сумел сохранить в себе гуманизма. Говорю об этом без лаптевого пафоса, я действительно так думаю, но гордиться этим не собираюсь, выпячивать тем паче, — просто я так думаю. Правда и то, что я гораздо лучше чувствую себя в лесу среди деревьев, чем в городе среди людей...

А как часто я выезжаю на природу?

Когда в последний раз был за городом?

7

О мире, про который Йен упоминала не единожды, я тосковал.

Я полюбил его за нетронутость и первозданность.

Она называла его Раем.



Было такое время на Земле, когда жили только Адам и Ева. Их жизнь протекала легко и свободно, не перегружённая запретами. И всё это прекратилось в тот момент, когда они совершили первый грех. Возродить Рай в силах людей. Невозможным это станет только тогда, когда человек перестанет искать причины своих неудач в ком-то, а будет искать в себе. Это и станет настоящим триумфом, торжеством. Словом, это будет настоящее.

— Или тоска по настоящему, — отвечал я. — Сказочный ваш мир придёт не сразу. Надо готовить для него даже не почву под посев, а выкорчёвывать пни под будущую распахку.

Многое произойдёт за это время. А были люди, которые уже пытались делать что-то подобное, как-то приблизить. Но настоящее приходит не сразу. Надо чтобы хоть что-то было за плечами. Когда в жизни отойдёшь немного подальше, тогда и начинает тянуть к этим носителям настоящего: стихам Есенина и Рубцова, песням Высоцкого, прозе Шукшина. И это — даже не дело вкуса или эстетики, это — правда жизни, выверенная временем. Так и в вашем сказочном мире. Времени пройдёт достаточно и голов полетит немало.

— И всё-таки это будет.

— Когда?

— Когда-нибудь. Наша задача сделать для этого хоть что-нибудь, хоть как-нибудь.

— Как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь, — процитировал я, — мы сойдёмся в чудесном краю.

— Обязательно, — убеждённо сказала Йен, — конец света отменяется раз и навсегда.

Нечем было возразить на эту наивную веру. Хотя, может статься, это не она наивная верующая, а я — наивный маловёр. Я ей сказал, что «если таких, как вы, не будут бить по рукам всякие теологи, власти и органы, а дадут полную свободу действий, только тогда что-то сдвинется с мёртвой точки».

Ведь, если говорить о нас, простых смертных, из прежней жизни я вынес следующее.

«Раньше мы умели рассуждать, мы любили рассуждать, нас этому учили в институтах. И прав был тот, кто рассуждал идеологически выверенней. Теперь мы от рассуждений отошли, занялись делом, а по рукам нас бьют те, кто умеет рассуждать».

Она улыбалась и хлопала в ладоши.

— Да, — говорила при этом. — Хорошее оправдание для бездействия.

Я отвечал, что не стремлюсь в бессмертие. Я своё отхватил и в сорок восемь лет у меня совсем другие планы.

Поневоле начинаешь думать о том, что оставишь детям. И тобою уже движет не тщеславие, не жажда известности, не стремление утвердить своё «я». Речь идёт о том, как тебя будут помнить: стыдиться или гордиться, восхвалять или порицать. В общем, время собирать камни, дабы что-то из них построить, — хотя бы мозаику.

Она ответила, что строительство — дело благородное, но относительно другого.

— Меня не волнует, кто и что обо мне скажет. Важнее то, что я сама о себе знаю и как я сама себя чувствую.



Она сделала глубокую паузу.

— Я отвечаю за свои действия только перед Творцом.

Я опешил, потом глуповато улыбнулся и спросил:

— Извините, конечно, но не громко ли сказано?

— Сказано как есть, — ответила она. — Важно не как сказано, а суть сказанного: Он живёт во мне, и когда у меня иссякают силы, я обращаюсь к Нему, прошу помочь, и Он помогает. Неизменно.

— Знаете, — сказал я, будучи уверенным, что меня водят за нос, — ваше утверждение выглядит слегка странновато, я бы даже сказал смешновато. Оно напоминает вечные ссылки священников на Господа Бога и Священное Писание, когда самим сказать уже нечего, а выглядеть запредельно мудрым необходимо... Но они хоть облечены саном. А вы?

Она снисходительно улыбнулась и ответила:

— Я ничем не облечена, кроме совести.

— Хорошо, — ответил я, гася искры раздражения. — Давайте не будем углубляться, эта тема для меня настолько сложна и серьёзна... Лучше логически продолжим: Он помогает. А кто ещё?

— Никто не помогал, — ответила Йен печально. — Скорей наоборот. Конечно, помогала мама. Чем? Детство было трудным, мы с сестрой делали всё сами, мама работала сразу в нескольких местах, вот я и была заместо старшей. Наломаетесь за день — сил нет. Отец к тому времени умер. Дома никого, сестрёнка ещё маленькая. Вот я беру в руки фотографию отца и сижу с ней, — Йен всхлипнула. — Всё ему расскажу и плачу, плачу... А что было делать? Дача нас кормила, а обрабатывала её одна я: носила воду, копала землю, собирала урожай. Но это бытовое. Плохо по-настоящему делалось тогда, когда меня стал предавать муж. Предавал он меня садистски, сознательно и целенаправленно. А приходя домой, изучающе смотрел мне в глаза, пытаюсь в них найти ответ: делаю я так же, как он, или нет? Имеет ли он полное право уже называть меня так, как ему хочется?

Она глубоко вздохнула, вспоминая.

— У меня было несколько путей: запить, загулять, опуститься, то есть отомстить ему той же монетой. Ни по одному из них я не пошла. Мстить? Кому? Ему или себе? Кому от этой мести станет хуже? Стать таким же, как он, или остаться человеком? Соблазнов было много: сауны, машины, рестораны... Нет, дорогой, у человека всегда есть выбор, он однозначен: порядочность. Сейчас я помогаю многим, в том числе и тем, кто оказался в подобной ситуации. И знаешь, что я им советую прежде всего? Оставаться человеком! Самый основной секрет современной целительской практики — убедить остаться человеком, при любых обстоятельствах! Не превращаться в скотину, которую сегодня поведут пастись в одно место, завтра в другое, а послезавтра — на убой. Всё надо начинать с себя. Выстоять, не поддаться ничему, сохранить своё достоинство. А что будут про тебя говорить — дело десятое. Я про себя знаю всё. Я и только я!

Эта неожиданная горькая исповедь произвела на меня гнетущее впечатление. Но теперь я знал, почему Йен в нашем городе. Она бежала, бежала от своего прошлого.

— Я заслужила право быть независимой. Я заслужила право говорить то, что говорю. Пусть тебя не шокирует мое постоянное “я”, просто так удобней. Да и потом, я — это я и никого больше. Так вот, если я прошла путь искушений и соблазнов и не съехала, значит то же самое по плечу любому.



Она невидяще глядела на картину, висевшую напротив, думала о чём-то мне совсем непонятном и — была непостижимой, была прекрасной, была... счастливой.

— Сейчас я думаю, что всё оно так и должно было сложиться. Случилось то, что должно было случиться. И каждый получит по заслугам его. Если бы не всё произошедшее, я жила бы как все... Знаешь, ко мне в кабинет приходят люди. У каждого какие-то проблемы, и все они надеются на меня, как на последнюю инстанцию. И я не могу обмануть их надежд. Я отдаю им все свои силы, всю энергетику. Как радостно видеть потом, как их лица светлеют, омолаживаются, в глазах появляется блеск... Это и есть счастье. Поверь мне, я — счастливый человек. И не надо смотреть на меня с жалостью.

— Извините, — смутился я немного, — но это не жалость, а сочувствие. Вы ошиблись. Конечно, вы счастливы, независимы и свободны.

Если человек будет чувствовать себя совершенно свободным, то его жизнь будет складываться совсем иным способом.

8

... Это было утро воспоминаний и неожиданных открытий в этих воспоминаниях, на какое-то время преданных забвению под гнётом обстоятельств, неотложных дел и нехватки времени.

Впрочем, сейчас всё это для меня не имело значения. Я знал, в городе её нет. В её кабинет беспрестанно звонят пациенты, требуя своего целителя. А целитель исчез, ничего никому не сказав. Значит, все разговоры о счастье оказывать людям помощь, равно как и всё остальное, оказались фарсом, ловушкой для легковверных, вроде меня.

Я усомнился в ней, в её словах о любви ко всему сущему. Она говорила, что лечит Любовью.

Она говорила, что Любовь — двигатель всего... Она говорила...

Я уже ничему не верил.

И это было ошибкой.

Их ещё будет много — ошибок, по отношению к Целителю.

Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. Не радуется неправде, а радуется истине. Всё покрывает, всему верит, всё переносит. Любовь никогда не перестаёт.

Глава 3. С кем ты, человек?

**Человек в природном состоянии
обладает не столько познаниями,
сколько способностями познания.**

III. Монтескье

... Битва шла столетиями, не прекращаясь ни на минуту.

Тьма жаждала безграничной власти, ибо физическая тьма на одной половине планеты одну половину суток её не устраивала. И тогда она стала рисовать картины, выдавая их за свет, и многие поверили, потому что от настоящих они ничем не отличались. А когда поверили, нужда в них отпала и они стали тем, чем назначено от века — Тьмой.



Вот так и идёт битва: на одной стороне планеты — Света с Тьмой, на другой — Тьмы со Светом.

Глупость людей необратима, доверчивость — беспредельна, иначе не объяснишь их привычку вновь и вновь сталкиваться с одним и тем же обманом, но непременно принимать его за Истину. Тьма в совершенстве владеет оружием, которое мы сами старательно вкладываем ей в арсенал, и имя ему — неверие. А полное несоответствие слов и дел людских выливается либо в порочную слепоту, либо в порочное двусмыслие.

То и другое замешано на пороке и является естественной реакцией на ложь, которой охвачено всё и вся.

Тьма жаждет.

Постыдные людские дела основательно подорвали веру в самого человека, заставили усомниться в его предназначении и породили моральный хаос, который и является прямым путём на ту сторону.

Неизбежность — вот что ставит нас в тупик, заставляет бесполезно метаться в поисках выхода, расшибая тело о глухие стены.

Но даже если он откроется, то приведёт лишь к неизвестности, а неизвестность — это и есть Тьма, только увеличенная во сто крат.

Вывести из неё может только искренняя Вера в Свет. Или, хотя бы, искреннее желание Веры.

Тьма жаждет.

Её гонцы рассеяны повсюду и активно работают, поддерживая иррациональный уровень катастрофы, предлагая собственные рецепты спасения, которые напичканы всем: наркотиками, алкоголем, развлечениями.

Отсутствует и напрочь отрицается в них только приход человека к Свету и даже разговоры о нём старательно и умело пресекаются всеми.

Идолы, другая нечисть, которая имеется в арсенале представлений малочисленных народностей, ни у кого не вызывает нареканий. Напротив, все твердят, что их культуру надо беречь и развивать. Но стоит только заговорить о Боге и Душе, и ты сразу оказываешься под ударом. И прежде всего тебя бьют свои же. Одни — потому что считают тебя недостойным рассуждать о столь высоком. Другие — потому что считают подобные рассуждения собственной монополией.

И тогда мы начинаем говорить о том, за что не бьют и не издеваются. Об общедоступном. И нас поощряют: нет никаких тёмных сил — выдумки. Живите проще. Наслаждайтесь.

Они-то знают, что самый страшный обман, придуманный тёмными силами, в том и состоит, что их, якобы, не существует.

Так людей превращают в стадо.

И это традиционно.

Даже мифологично.

Как разговоры о скором конце света.

Смешные, на первый взгляд, разговоры.

Ведь Земля существует миллионы лет и лишь изредка (по космическим меркам) подвергается экзекуциям со стороны Высших Сил.

Конец света возможен только в наших душах (потому за них и идёт такая война) и означает только одно — приход во Тьму.

В системе перевёрнутой логики любые катастрофические последствия преподносятся как доказательство действий тщательно законспирированного врага.



А он — в нас самих.

И не надо быть футурологом, чтобы вообразить картину ближайшего будущего.

Если наше сознание не переменится.

Если мы не повернёмся душой к Свету.

Тьма жаждет.

Битвы идут.

Но каждый должен выбрать сам, с кем он.

Если выбираешь Свет — условие одно: живи, как учил Создатель.

Идут битвы за души.

Тьма сулит неземное блаженство.

Но надо помнить, что враг Добра несёт только ложь.

С кем ты, человек?

1

До приезда Йен в наш город практической магией занималась лишь одна женщина, тихо и незаметно: лечила от запоев заклинаниями, искала украденное с помощью космических сил, помогала наладить бизнес...

Получалось неплохо, никто не обижался.

Но затем на въезд в Экибастуз всяких магов, гадалей, чародеев словно сняли запрет.

Газеты запестрели объявлениями: “Лечу”, “Помогу”, “Приворожу” и т. д.

... и пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое.

Йен была бесстрашна. Могла ночью по звонку на “сотку” сорваться и ехать в другой конец города на зов страждущего.

К тому времени её постоянная клиентура уже чётко обозначилась: добрая слава делала дело.

Мне её бесстрашие совсем не нравилось. Я пытался предупреждать, остерегал. На всё это она с улыбкой отвечала:

— Ты своими страхами только нагнетаешь обстановку, закладываешь в свои слова определённую программу. Если говорить, что такое может произойти, такое обязательно произойдёт.

— Вы просто не знаете нашего города.

— А что? Город как город. Наш гораздо больше и страшней.

Я только пожал плечами и согласился, добившись — единственно — обещания “быть на связи”.

2

Тот день был не самым удачным — срывался номер газеты из-за непоставленных обязательных материалов. Работники редакции сбились с ног, подыскивая равноценную замену. Редактор, то есть я, брызгал слюной, грозился всех уволить и даже топал ногами. Кипение. Нервы. Стрasti. Словом, нормальная работа газетчика в обычном режиме выхода.

... Всё сделали вовремя.

Все вздохнули с облегчением, позволили себе расслабиться, посидеть в тишине, попить чаю.



Кто не работал в печатном издании, тот никогда не поймёт истинную цену этим минутам отдохновения; тот не постигнет затихающую бурю в глазах корреспондентов и корректоров.

Напряжение снято, все смеются, веселятся после очередной одержанной победы.

Никто не вспоминает о том, что уже завтра начнётся новый номер и всё повторится сначала.

Это и есть вечный праздник газетчика.

Это и есть настоящий праздник творчества.

Это — незабываемые мгновения, когда желание работать вменено не обязанностью, а потребностью души.

Я помню, такие приливы одолевали меня последний раз после очередной поездки в родное село Трудовое Акмолинской области. То ли родина заряжает энергией, то ли желание как-то помочь землякам диктует, но обычно мои труды после поездок “домой” отличаются хорошим качеством. И получается буквально всё, за что бы ни взялся.

Поездки на родину — вещь загадочная, почти мистическая, ибо она таит в себе целую дюжину ответов на вопросы, но не отвечает на один: почему? Почему иногда мы бросаем всё (пусть ненадолго) и сломя голову летим туда, где находится место нашего рождения?

Зачем? И чем тебе это поможет, ведь всё осталось в прошлой жизни.

Дома, который построил отец, уже нет, он разрушен и место пустует.

А у нашего села теперь есть хозяин, оно приватизировано.

Приватизированы поля, которым мой дорогой отец отдал всю жизнь; приватизировано озеро, в котором я ловил своих первых окуньков; даже тополь, который я посадил перед уходом в армию, и тот приватизирован.

А раньше это принадлежало всем нам.

Когда все уgomонились и разошлись по домам, пришла Йен. Тихая, молчаливая.

Я не стал расспрашивать, налил чаю и стал ждать.

Я видел её уставшей после потока посетителей; видел и беззаботной, когда не было никого. Но такой мне её видеть не приходилось: она была опустошена.

Ей не хотелось пить чай. Она просто грела руки о чашку, слегка покачивая головой в такт мелодии, льющейся из радиоприёмника.

— Что-нибудь произошло? — спросил я как можно тише.

Она не ответила.

Тогда я вышел из своего кресла и сел напротив.

— Извини, — прошептала она чуть погодя, — я тебя слышала. Я просто вспоминала Боровое. Я всегда его вспоминаю, когда мне тревожно. А сегодня именно так. Знаешь, там над Голубым заливом озера Большое Чебачье — это недалеко от самого Борового, высятся скалы Буйлюктау. С его вершин такие виды! Озеро в кайме лесистых гор, величавая Кокше-Синюха и то самое произведение природы, которое называют Жеке-Батыр, или Одинокий Рыцарь. В самом деле, посмотришь и кажется, что богатырь, не успев даже снять шлем, почил в вечном сне на изумрудном одеяле леса. Сейфуллин писал, что это был дозорный, охранявший гору от врагов. Он вздремнул совсем ненадолго и в наказание превратился в каменного исполина.

Её глаза наполнились слезами, она всхлипнула.

Такой Йен я ещё не видел.

— Послушайте, — я попытался хоть что-то из неё выудить, осторожно подбирая слова, — вы мне сегодня не очень нравитесь. Более того, вы меня тревожите. Вас кто-нибудь обидел?

— Я сама себе иногда кажусь Одиноким Рыцарем, — не слыша меня, продолжила Йен. — Стоит хоть вполглаза вздремнуть и — окаменеешь.

— Да вы меня слышите?! — вскричал я поражённо. — Что произошло?

— Пока ничего, — безразлично ответила она. — Но вот-вот произойдёт.

3

Предчувствие — одно из свойств человеческой натуры, которое трудно поддаётся систематизации или описанию. Просто включается какой-то рычажок, и ты заглядываешь в будущее — краешком глаза, на одно мгновение. И тебя начинает что-то тревожить, заставляя подальше держаться от чего-либо, кого-либо. А бывает неосознанное, инстинктивное, срабатывает чувство самосохранения, которое тоже можно отнести к разряду предчувствий...

Случается и так: происходит тревожное, трагическое, необратимое, а ты — ни сном ни духом не ведаешь. Так было, когда умер мой отец: я ничего не предчувствовал; не дал он о себе знать, наверное, как всегда, не хотел меня беспокоить.

Предчувствие животных — вещь особая, запредельная. Верный пёс покойного дяди Паши — Атос — выл по ночам, видя смерть своего хозяина ещё тогда, когда он её и сам не задумывал. А может, он выл не о дядьке, а о себе, ведь последний свой вздох он испустил на могиле, не отходя от неё и не подпуская к ней никого...

Почему такие мысли полезли в голову?

Ах да, Йен меня тревожила, и не по-детски.

Чего-то она недоговаривает.

Вообще Йен после приезда стала другой, порой даже трудно узнать. Кажется рассеянной в мелочах, неуверенной в себе.

Ведь с её Даром мысли других можно разгадывать как сканворды, а скользкие ситуации обходить задолго до того, как они начнут проявляться.

Мне вспомнилось её появление у меня в редакции после отсутствия.

Она вошла, как входила обычно — тихо и незаметно. Встала у двери, ожидая, когда я оторвусь от бумаг. Вошла так, будто мы расстались вчера и не было отчуждения почти в месяц.

Я вычитывал репортаж с открытия очередной торговой точки, поэтому настроенье было не самое лучшее: новый торговый центр, чёрт возьми! Когда же мы начнём открывать новые фабрики и заводы?

— Илья, зайди чуть попозже, — пробубнил я, лениво протягивая руку за чашкой. — Сегодня у нас хрен знает что творится, а шеф ещё захотел... — и поднял голову.

Она радостно, но немного настороженно улыбалась.

Я встал, меня качнуло, и протянул к ней обе руки.

— Боже мой, глазам своим не верю! Это вы?

Напряжение с её глаз спало, она шагнула навстречу.

— Я просто не знала, как меня встретят.



— Что за вздор? Я скучал без вас, — вырвалось у меня, — по нашим беседам, — поправился тут же и спросил: — Когда приехали?

— Позавчера.

Она коротко рассказала о причинах.

— Позвонили ночью, сказали: маме очень плохо. Мне пришлось бросить всё и мчаться спасать её. Спасла. Но понадобилось время. Потом встретилась с родными, друзьями, побыла с детьми.

— Могли бы хоть позвонить или эсэмэс сбросить, — пробурчал я недовольно. — Ваши клиенты меня уже достали. Реклама идёт, вас потеряли.

— Мы с тобой однажды уже говорили об этом, — мягко перебила Йен, — никто никому ничего не должен. Помнишь?

— Я-то помню, но это — ваша клиентура.

— Мне пора, — сказала Йен. — Дорабатывай, а вечером я жду тебя в кафе, там и поговорим.

— В каком кафе?

— “Патю”, это недалеко и вполне прилично.

— Договорились.

Она ушла, оставив запах сирени, а я ещё долго сидел ошарашенный, не зная что думать обо всём этом и как оценивать.

Йен не давала о себе знать целый месяц.

Я смутно подозревал, что за ней тянется какая-то жгучая тайна, помимо натянутых, проще говоря, никаких, отношений с “бывшей половиной”.

Но даже в страшном сне я не мог вообразить, что это за тайна.

Я видел её фотографии двухлетней давности: круглолицая, полная, вполне довольная жизнью женщина, в которой не было ничего общего с Йен.

Не верилось, что это она, настолько разительными были перемены во внешности, произошедшие с тех пор как она стала целителем.

Внутренние перемены, пересмотр духовных позиций влекут за собой и перемены внешние. Сейчас я живу светло и радостно, я с восторгом встречаю каждый новый день. Я живу среди людей и для людей, и они ко мне тянутся. Я живу волею Творца и по Его законам. Поэтому меня теперь трудно узнать, тогда я жила немного иначе. Я действительно переменялась: внутренние перемены отразились на внешности.

4

... В квартире пахло ладаном и смирной. Но полутьму эти запахи не делали менее гнетущей, она ощущалась почти физически и была озаряема лишь несколькими свечами.

— Ну здравствуй, целительница, — услышала Йен голос из-за чёрной шторы, перегораживавшей залу пополам.

— Я — целитель, — смертельно побледнев, ответила она высокой черноволосой женщине, вышедшей из-за шторы.

Чувствовался негатив.

Разило злом.

Хотелось бежать.

Но Йен точно знала: не побежит, не отступит, не отречётся.

Пахнуло ветерком. Качнулось пламя свечей, и блёклый, рваный свет выхватил лицо из темноты.

— Эдгара Сауловна, — мгновенно узнала Йен.

Это было два дня назад.

— Хочу к вам записаться на приём, — слышался в трубке трудно различимый голос. — У меня проблемы.

— Одну минуту, — ответила Йен, — я посмотрю по записям. В пять вечера вас устроит?

— Благодарю, устроит.

Она была в длинном цветном платке и чёрных очках. Назвалась Эдгарой Сауловной.

— С недавних пор, — жаловалась она, — я чувствую недомогание. Душа болит. Но, к сожалению, я не знаю, что такое душа, где она находится, а потому не могу объяснить врачам причин. Я растратила кучу денег, но взамен не получила ничего. Говорят, целительская практика достигла ощутимых результатов. Мне вас порекомендовал доктор Кашецкий.

— Да, я знаю Валентина Антоновича, мне его имени вполне достаточно. Расскажите о ваших недомоганиях.

— Я долгое время связана небрачными узами с одним из первых руководителей города. Всё было в порядке, всё нас устраивало. Но меня словно глазили, боюсь, что так и произошло.

Она всхлипнула и продолжила:

— Я в бессилии, я не знаю как дальше жить и что делать. Вы должны мне помочь, я умоляю вас, мне очень плохо. Вас некоторые называют настоящей волшебницей, а я — состоятельная женщина и смогу вас отблагодарить достойно.

Следующим днём в назначенное время она не пришла, но вечером позвонила на мобильник:

— Я немедленно высылаю за вами машину! — кричала почти истерически. — Если вы не приедете, я не знаю что со мной произойдёт, но это будет на вашей совести. Вчера мне стало немного легче, но сегодня — должно быть — наступил криз. Приезжайте!

— Успокойтесь, — ответила Йен озадаченно, — я приеду.

Мрачного вида сопровождающий проводил её на третий этаж и молча открыл дверь.

— Итак, что у вас такого произошло, дорогая Эдгара Сауловна, из-за чего мне пришлось расстроить все свои планы?

— Многое произошло, — насмешливоотреагировала визави, — но многое ещё произойдёт. Разве вы не догадываетесь? Ну... Никакая я не Эдгара Сауловна. Я — Марта. Марта Рользингер.

Теперь Йен поняла причины всех своих опасений последнего времени. Она подсознательно чувствовала неладное, а теперь точно знала, что попала в ловушку. И Бог знает, чем всё это закончится. Излишняя доверчивость, повышенный синдром “скорой помощи” сыграли с ней в этот раз злую шутку.



Но она — целитель. Она примчалась на помощь женщине, которой плохо.

Про Марту Рользингер, приехавшую в Экибастуз из России, ходила недобрая слава.

Её имя связывали с чёрной магией и даже сатанизмом. Только Йен знала про Марту много, но не знала всего.

— Марта, — вымолвила Йен, — коварная и непредсказуемая, опасная и подлая... Она же носит имя Порочной Девы, её же называют Эльзой Боудин. И так далее и тому подобное. Настоящего вашего имени не знает никто, потому что у вас его нет. Только не гордитесь, Эльзу я знала, она — не вы.

— Полтора года назад на Украине, да? — вдруг лучезарно улыбнулась Марта. — Ты тогда была ещё из числа начинающих магов. Вспомни, что я тебе сказала на хуторе Лебяжьем?

— Да будет Хаос, — ответила Йен.

— Из которого мы синтезируем Порядок, — закончила Марта. — Это я. Просто я способна к изменению внешности. “Баксы” способны на всё. Каких-нибудь три тысячи и новое лицо налицо. Неплохой каламбур, да?

— Правда, внешность легко изменить, — печально согласилась Йен. — Но ни за какие деньги вам не удастся приобрести ни любви, ни верности, ни чести.

Марта засмеялась, и довольно искренне. Её всегда забавляли эти игры и она умела в них играть. Она специализировалась на вербовке нового “пушечного мяса” для Лиги Магов, за которой, в свою очередь, стоял мощный международный анклав “Обратная сторона Земли”. Она играла хорошо, чувствуя за собой силу.

— Меня всегда поражала наивная вера, — сказала Марта. — Если учесть, что современная особь верит только в “баксы” и ей не нужны красивые сказки о Душе и Боге, ей нужны красивые тела и шикарные столы, мощные машины и роскошные особняки, — с такими даже работать не надо, им надо лишь пообещать всё это. Одному из сотни — дать, а остальные будут стараться только за порошок и пойло. Я люблю современный мир, он так же прост и примитивен, как в средние века.

— Вы слишком упрощённо принимаете этот мир, — ответила Йен. — Видите его только таким, каким хотите видеть. Но однажды, когда Лига, использовав вас на все сто, выбросит на помойку, вы придёте к людям. И они — те, которых вы устрашали и предавали, обманывали и грабили, примут вас, обогреют и не дадут пропасть окончательно, потому что многие живут по Заповедям Христа.

— Плевать они хотели на ваши заповеди! — крикнула Марта.

Молчание висело в комнате несколько минут. Они стояли друг против друга и, казалось, слушали вой ветра на улице.

Чёрные глаза Марты пронзали Йен насквозь. В какой-то миг она почувствовала, что воля и решимость начинают слабеть.

Молчание становилось опасным, но Марта сама его нарушила.

— А неплохо я вас околпачила, дорогая целитель, милая моя неожиданная конкурентка на целине непаханых душ этого вшивого городка.

— Вы мне не конкурент, — ответила Йен и стала про себя творить молитву.

— Это тебе не поможет, — зловеще пообещала Марта. — Ты мне мешаешь, значит тебе придётся отсюда съехать, или...

В кафе “Патю” посетителей в этот час было немного. Играла музыка, не давя на уши, бесшумно скользили красивые официантки в униформе; приятно пахло вкусной едой, напитками и свежим декабрьским вечером.

Я сидел один, курил и пил кофе.

Со времени назначенной встречи прошло уже более полутора часов, — Йен не было. “Ну что ж, значит, так надо”, — подумал я её словами, заплатил за кофе и пошёл к выходу.

Но что-то толкнуло меня ещё на одно действие. Я достал сотовый телефон.

Ответ последовал не сразу, только после автодозвона.

— Вы где пропали? — спросил я недовольно. — Жду давно. Что за шутки? Неужели нельзя было предупредить?

— Я скоро буду, — ответила Йен. — Только не уходи, прошу тебя. Очень прошу.

— Берите такси, я встречу.

“Странные дела, — подумалось мне, — чтобы она о чём-то просила — небывалый случай. Значит, что-то стряслось”.

Уже потом, сидя напротив меня и выпивая — рюмку за рюмкой — вино, она рассказывала о произошедшем. Говорила быстро, будто боялась не успеть, но говорила не всё, это я заметил. Ясно было главное: столкновение произошло. “Началось”. Что началось, как началось — непонятно. Но — началось...

Именно так я подумал.

— Давай всё-таки присядем, — неожиданно смягчилась Марта.

В углу зажгётся свет, явив взгляду два кресла и журнальный столик с напитками и фруктами. “Дешёвый трюк. Базарные штучки”.

— Вы начинаете нас беспокоить, любезнейшая госпожа целитель, — вкрадчиво заговорила Марта, переходя на деловой тон. — Пока вы сшибали копейки в Астане, влача жалкое существование под покровительством уважаемого Макенкули, вы были неопасны, поскольку он вас контролировал. И вот вы появляетесь в Экибастузе, городе, намеченном нами ещё пять лет назад, да ещё в совершенно другом качестве. Целитель! Вы хоть знаете, кому собираетесь противостоять?

— А почему вы всё время говорите “мы”? — спокойно спросила Йен. — Я лично больше здесь никого не наблюдаю.

— Ты не ёрничай, а лучше посмотри в угол, — злобно ответила Марта. — Кое-что, может, и увидишь... Посмотри!

Йен продолжала шептать про себя молитвы, но головы не повернула, она ясно воображала, что можно там увидеть.

— В отношении вас, — продолжала Марта спокойно, — нам почти всё ясно. Непонятно, как вы смогли одурачить Макенкули. Почему расстались? Ведь между вами царил полный лад и покой.

— Разногласия, — ответила Йен. — Мы по-разному смотрели на исцеление людей. Для него это всего лишь средство наживы, для меня — цель, идеал, стремление повернуть их лицом к Богу, давая понять, что всё в их руках, только живите по Заповедям.

— Профессор Матиевский, Новосибирская школа космоэнергетики, — чётко определила Марта. — Там вы получили звание прогрессора.



— Иван Алексеевич тоже, но не только он. Есть учителя и повыше.

— Кто же? Нароков, Раскин?

— Нет.

— Кто же, чёрт возьми?!

— Иисус Христос.

Марта раздражённо вскочила с кресла и прошла в дальний — нео-свещённый — угол комнаты.

— Посмотри сюда! — крикнула она. — Посмотри, здесь никого нет, не бойся, здесь ты ничего не увидишь. Почему? Потому что ничего нет и твоего Бога тоже!

Йен продолжала молиться, не поворачиваясь.

— Хорошо, — Марта вернулась на место. — Я не пугать тебя сюда вызвала, а всего лишь предупредить.

— Вы считаете себя правомочной?

— Лига Магов дала мне это право.

— Вы знаете, я больше не вхожу в Лигу, а потому мои действия ей не подотчётны.

— Вы тоже знаете, что из Лиги никто не выходит просто так.

— А я вышла, потому что не согласна с её методами лечения и оздоровления. Я больше не лечу заклинаниями, магическим пассами, а лишь Любовью и Словом Божиим.

Марта изучающее смотрела на Йен.

— Слушай, девонька, ты в своём уме? — спросила серьёзно. — Ты за кого себя принимаешь? За кого вы все себя принимаете? Что за чушь собачья? Вы хоть Библию читать правильно научились? Вы хоть в Заповедях, наконец, разобрались, жалкие ошибки Всемогущего? Может, ты и в церковь ходишь?

— Бог один для всех и не нужны ему рукотворные храмы, — ответила Йен, — и богатые жертвоприношения. Между Богом и человеком не должно быть посредников. Он живёт в душе каждого из нас, мы часть Его и все мы Его родные дети.

— Поцитируй, поцитируй ещё что-нибудь! — хохотнула Марта. — Да я забыла больше, чем ты знаешь. Целители! — внезапно крикнула она. — Люди хоть имеют представление, чьим именем вы их исцеляете?

— Я исцеляю Словом Божиим, — ответила Йен, опять чувствуя, что слабеет. — И только Именем Его.

— Ну да, конечно, тебе ж деньги не нужны, ты и так богатая. Рекламу тебе даёт этот щелкопёр... Кстати, между вами что-то происходит?

— Конечно, — ответила Йен. — Непонимание, обиды, недоговорённость, боль, надежда и страх.

— Да, умеешь ты изящно выражаться, за это тебя и ценит Макенкули... Кстати, всё-таки, как ты его одурачила?

— Я его не дурачила, — всё больше слабея, ответила Йен. — Я ему дала денег.

— Вот как! Много?

— Много.

Марта медленно прошлась по комнате, изучающее вглядываясь в Йен.

— Знаешь, есть ещё один вопрос: как вам удалось спасти Пескова в Белоруссии, две недели назад? Он ведь был обречён. Нами обречён.

— Секрета никакого нет. Со мной была великая Клаудиа, а спасли мы его только Божиим Словом.



— Так просто? В самом деле не врешь?
— Это было непросто. А врать я давно разучилась.
— Это с тех пор, как ты в Астане последний раз забухивалась и наставляла рога своему идиоту?

— Не смейте так говорить! К этому никто из вас касательства не имеет.

— Утихомирься, я грубо шутканула, согласна.

Она, казалось, приняла решение и перешла на деловой тон.

— Короче, я проверила твои методы лечения и мне показалось, что ты слишком стараешься, выкладываешься, тратишь много сил. В результате пропускная способность — мизерная. Её надо увеличить.

— Ничего я не стану увеличивать, — отвечала Йен будто в полусне. — Я наоборот буду улучшать качество исцеления.

“Господи, — молилась она. — Сделай так, чтобы сейчас кто-нибудь позвонил. Сотвори чудо”.

Звонок раздался немедленно. Мой звонок.

После того как сработал автодозвон, Марта нетерпеливо крикнула:

— Кто это такой настойчивый?

— Из газеты, щелкопёр, как вы говорите. Я же прежде чем ехать сюда сообщила ему, где меня искать, если что...

— Ну так ответь...

— Я скоро буду, — ответила Йен. — Только прошу, не уходи, очень прошу.

— Да, девочка, на сердце у тебя пурга, — насмешливо сказала Марта. — Да. Однако, к делу. Работать будешь так, как угодно нам. Вот моя визитка, если что-то понадобится.

Йен визитку приняла, решив, что это ни к чему не обязывает.

— Работать я буду так, как Господь даст, — сказала она, вставая. — Ибо только от него зависит всё сущее.

— Я вижу, ты теперь совсем другая, — удивилась Марта. — Скажи, с чем это связано?

— С любовью, с огромной любовью к людям.

— Только не надо мне морочить голову. Я — старая кошёлка, выдававшая в своей жизни такое!.. Я всей этой высокопарной чушью сыта по горло. Впрочем, тебе решать. Переживёшь сегодняшнюю ночь, тогда, возможно, поговорим о какой-то даже совместной работе.

— Переживу или нет, всё в руках Отца, — ответила Йен убеждённо. — В любом случае ни о какой совместной работе не будет и речи.

— Ах вот оно что! — вскричала Марта, чувствуя, что теряет инициативу. — Да знаешь ли ты, стоит мне вполголоса позвать своих, и от тебя даже твоего красивого поясного ремешка не останется...

— Бросьте, — равнодушно махнула рукой Йен. — Вы можете себе представить ответную реакцию Общества Целителей. Вам в любом случае — конец. Так что хотите казнить — казните, но только избавьте от вашего общества. Всё? Я пошла. Меня ждут.

Марта растерялась:

— Как, пошла? Мы договорились?

— Нет, — ответила Йен, не оборачиваясь. — Я не договариваться с вами приезжала, а помочь вам, но, судя по всему, это бесполезно. Прощайте.

Дверь открылась и закрылась.



— Жаль, что не договорились, — сказала Марта, почти удовлетворённо. — Теперь ты к утру превратишься в ледышку. А с Обществом Целителей пусть Лига Магов договаривается.

5

Йен захмелела, но согреться ей так и не удавалось, скорей, наоборот. — Не пойму, что со мной? — потерянно говорила она. — Потрогай руки, пожалуйста.

Руки были холодными.

Кафе уже заполнилось. Музыка гремела, люди веселились. И никто не догадывался, что совсем рядом, в эту минуту и секунду, происходит трагедия.

— Во, дамочка успела набраться, — сказал кто-то из молодых, видя, как я одеваю Йен, а её кидает по сторонам. — Слышь, папаша, это твоя мамочка?

— Слышь, сынок, — ответил я серьёзно, — ты проблем ищешь?

— Да, а что?

К нему кто-то быстро подошёл, что-то сказал, и мальчишка исчез в зале.

Этот инцидент прошёл как бы мимо меня, потому что Йен уже начинало колотить по-серьёзному.

— Соберитесь, прошу вас, — я пытался говорить ободряюще. — Сейчас приедем домой, примете горячую ванну, согреетесь и всё будет хорошо.

— Не получится, — ответила она, клацая зубами. — Это Марта, Лига... Спасения нет.

— О чём это вы? Это в чьём голосе такая безнадега?

— Ты представления не имеешь, с чем я сейчас столкнулась. Лучше бы тебе уйти и держаться от всего этого подальше.

— Не дождётесь, — огрызнулся я. — Сначала втянули меня, заинтересовали... А теперь всё без меня: битва миров, битва за души. Я тоже буду участвовать.

Я впервые оказался в ситуации, когда речь идёт о каких-то потусторонних выяснениях отношений, между... Кем и кем?

Йен... Простая, улыбчивая, добрая, но... Теперь я понимал, почему она была недоступной моему пониманию.

— Вы просто простыли, — говорил я ей в такси. — У вас оэрсэ или пневмония. Йен, милая, успокойся.

— Кто это Йен?

— Вы.

— Почему?

— Это имя одной колдуньи из Сапковского, вы на неё очень похожи.

— Я не колдунья.

— Я знаю, извините.

Горячей воды в квартире Йен не было. Поэтому я уложил её в постель, укрыл одеялом, шубой, другими тёплыми вещами.

Но Йен сковывал мороз, она что-то бормотала деревенеющими губами, пыталась что-то сказать, но сил не хватало.



— Ну подскажи, — просил я, — хоть намекни, что надо делать.

Я наклонился к ней, пытаюсь разобрать, и почувствовал, что изо рта у неё идёт холодный воздух. “Это Марта, — вспомнилось мне. — Спасения нет”.

— То есть как нет спасения? — крикнул громко. — Мы ещё поборемся!

Появилась шальная мысль вызвать “скорую”. Но я давно живу в этом городе и знаю, что “скорая” приходит не скоро.

Йен “заразили” нетрадиционно, значит и лечить её надо как-то по-другому. Как? Библия! Где она?

Библия лежала отдельно от других книг.

... Я читал Святое Благовествование от Матфея, наугад, попав на пятую главу.

“Увидев народ, Он взошёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его”.

Мне казалось, Йен становится хуже. Дыхание хрипло рвётся из лёгких, разрывая их.

А холод! Физически с тех пор я больше никогда не ощущал такого холода.

Я читал быстрее, торопливее, но старался слова произносить чётко, проникновеннее, всем сознанием желая, чтобы меня услышал Создатель.

Но он не отвечал, и мною овладело отчаяние. Я ещё держался на осознании того, что одним неверным движением души, одним неверным словом могу всё порушить.

Но всё уже произошло.

Надвигалось неотвратимое.

И не по моей вине и не моей волей, а очень похожим на то, что величают “судьбой”, “роком”. И перед их грозным желанием я был немощным и никчёмным.

Внезапно Йен дёрнулась, видимо, силясь подняться, но колкие токи ледяного ветра пронесли по комнате и вновь пригвоздили её к постели.

Я тоже ощутил этот поток, который никак не походил на природное явление; Библия выпала из рук. Я ощутил неизбежное, закрыл глаза, думая, что увижу такое Нечто, после чего к разумной деятельности уже никогда не окажусь пригодным.

Хлопнула электрическая лампочка, осыпав мелкими осколками.

Я это только почувствовал, потому что видеть ничего не мог.

... Не знаю, через какое время зрение вернулось. Но Йен не было. То есть тело лежало на кровати, но абсолютно неподвижное.

В мертвенном свете луны лицо казалось умиротворённым, но каким-то гладким и прозрачным. Как лёд. Исчезли морщинки под глазами, а глаза остались открытыми; только в них уже не было боли, страха, отчаяния. Борьбы тоже не оставалось. Совсем.

“Вот и всё, — прошептал я, и через несколько секунд повторил как можно тише: — Вот и всё”.

И удивился сам себе, ведь я — материалист: почему живые всегда опасаются нарушить вечный покой мёртвых, то есть нарушить то, что остаётся единственным незыблемым и постоянным во всём этом мире?

И слышался мне голос. Но было ли это голосом внешним, или мысли оформились в чёткую словесную схему, или разум зашкалило — неизвестно.



А что есть разум?

Глазогорящей гиеной приволокнутся худые времена. Небеса перекроют тучи, сквозь которые не сможет пробиться даже тонкий солнечный луч.

И всё покроет холод.

Он завладеет телами и душами, помыслами и стремлением.

Сильные погибнут, а слабые станут оплакивать их участь, но бороться не смогут.

Уделом человека делается отчаяние. Так свершится наступление мрака и беззакония, о котором твердили избранные, которым не верили. И только одинокие подвижники найдут в себе силы; но сначала им надо будет уйти, чтобы потом возвратиться.

И первыми оказаться под ударом...".

В окошке розвел восток.

Посланники света уже скользили по хрупкому снегу, постепенно выметая ночь.

Но это не утешало.

Краешек сознания сигнализировал мне о какой-то Битве, вновь набирающей разрушительную мощь, и ещё о том, что я — в центре этой Битвы.

И мне, до дрожи в затылке, до боли в коленях, до невероятной страсти захотелось найти ответы. И я неуверенно подошёл к последнему ложу, где неподвижно лежало то, что ещё совсем недавно называлось "Йен".

— А ведь вы бросили меня одного, наедине со всем этим, — сказал я подавленно и горестно, словно впервые убедившись в том, что я — один, что я — не воин.

Я шёл полусумрачной улицей, мимо сиротливо ютящихся домов с тёмными проёмами окон, по школьному стадиону, пустому, а потому непривычному; мимо монумента с Вечным огнём.

Из телефона-автомата позвонил в полицию, назвал адрес Йен и сказал, что в квартире — труп.

На быстрые вопросы дежурного — повесил трубку, лениво подумав: "Завтра я отвечу вам на все ваши вопросы".

Я слишком устал и хотел отдохнуть.

И пошёл — к покою и отдыху, как мне казалось.

Но я шагал навстречу боли и отчаянию, презрению и забвению, изменам и подлости, предательству друзей и торжеству врагов.

И ещё многому такому, о чём лучше не знать. Но всё это отыскивало меня в грядущую дождливую весну, пакостное серое лето, слякотную мокродымную осень.

... День наступал постепенно, осторожно выдавливая остатки темноты из самых периферийных закоулков.

Всё кончилось.

Всё только начиналось.

Конец 1-й части.



Геннадий УДАРЦЕВ

“Потомки, помните о нас...”

Тот уголок земли...

Ты меня не забыла, родина?
 Ну а я, разве я забыл
 И Чумыш, и село Забродино,
 Где когда-то я жил да был?
 За лесами, горами, долами
 Мой давно затерялся след.
 Был крещён я огнём и холодом,
 Много горестей знал и бед.
 Сколько лет колесил по свету я!
 Оторвавшийся от сохи,
 Я связал свою жизнь с газетами,
 Заказные слагал стихи.
 Но каким бы я ни был грешником,
 Вдалеке, на краю земли,
 Видел домик с дуплом-скворечником,

Геннадий Серапионович УДАРЦЕВ

родился 23 ноября 1938 г. на Алтае. С детства познал нелёгкий труд колхозника, затем выучился на токаря. После службы в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке окончил Барнаульский машиностроительный техникум.

С начала шестидесятых годов его трудовая биография связана с журналистикой. Работал на Алтае в редакциях районных газет “Ленинский завет” и “За коммунизм”, а через несколько лет Г. Ударцев по приглашению переехал в Целиноград, был литсотрудником газеты “Целинный край”, а после её закрытия — заведующим отделом областной газеты “Целиноградская правда”, где и трудился до выхода на пенсию по состоянию здоровья.

Стихи начал писать в период армейской службы. С тех пор его произведения стали публиковаться во мно-



гих периодических изданиях России, а затем и Казахстана, в том числе в журналах “Простор” и “Шмель”, вошли в различные коллективные сборники. Геннадий Ударцев с 1991 года постоянный автор “Нивы”. Его перу принадлежит около десятка поэтических книг, вышедших в Акмоле-Астане (“Крутояры”, “Тропики сердца”, “Корни”),

несколько лет назад в Москве увидел свет его сборник стихов “Верь в счастливую звезду”. А к 70-летию Г. Ударцева творческое объединение “Истоки” выпустило поэтическую книгу “Там, где цветёт багульник”, подборку стихов из которой мы предлагаем читательскому вниманию.

Редакция “Нивы” поздравляет Геннадия Серапионовича со славным юбилеем и желает бодрости духа, мужественного преодоления хворей и недугов, долголетия и новых творческих свершений.



Кур, купающихся в пыли.
В красно-белых играя конников,
Я, как птица, взлетал в седло —
От цветущей в логах черёмухи,
Помню, было белым-бело.
Нет, меня не забыла родина,
Как и я её не забыл.
Как живёшь ты теперь, Забродино, —
Уголок, что так сердцу мил?

Друзья, порадуемся жизни,
Пока встречаемся, живём.
Пускай цветут и зреют вишни,
Наш украшая общий дом.

Пускай нас радуют всё больше
Дарами хлебные поля,
И да задержимся подольше
Мы на груди твоей, Земля...

Караван нашей жизни

Вверяясь дню грядущему,
На крутосклоне лет
Всему живому, сущему,
Я братский шлю привет.

Ещё пока что движется,
Пылит мой караван.
А как живётся, дышится
На белом свете вам?

Мы с колыбели поняли —
У жизни не в гостях,
А жить по этой формуле,
Конечно, не пустяк.

Мы все такие разные,
Но в стынь, в жару, в туман,
Не признавая праздности,
Ведём свой караван...

Что наша жизнь? Совсем как тот "Титаник".
Пусть не у всех каюты — первый класс.
Плывём, и может быть, уже в тумане
Наш айсберг поджидает где-то нас.

И что с того? Не плачем, не рыдаем
И волосы в отчаяньи не рвём.
Поём, смеёмся, любим и страдаем —
Плывём себе и, стало быть, живём.



Что впереди? Загадывать не надо.
Давно известно — каждому своё.
Воспримем жизнь как некую награду
Во всей непостижимости её.

Цветёт багульник

*Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо...*

(Из песни)

На сопках розовый багульник
Весенним днём зацвёл опять.
Не торопи мгновенье, путник, —
У нас такая благодать.

Зато зимой с овчинку небо,
Калина красная в снегу.
Сибирь! И всё же, где б я не был,
Её забыть я не смогу.

Она, чей нрав я знаю с детства,
Мне подарила счастье жить,
И я, куда бьётся сердце,
Клянусь, как сын, её любить.

По лесной тропе

Щекочет лицо паутина,
В паучьих тенётах дубняк.
Рубинами вспыхнет рябина,
И снова лесной полумрак.

Надев набекрень свои шляпки,
С весёлой полянки дразня,
Как гномы из сказок, обабки
Лукаво глядят на меня.

С тропинки сойдёшь, и зайчишка
Шарахнется в ближних кустах...
Висит за спиною ружьишко,
Ненужное в этих местах.

Таёжное счастье

На зорьке играет свирель,
Бурёнок на луг зазывая,
Где ночью скрипел коростель —
Певец притаёжного края.

Дома из тяжёлых листьев,
Из звончатых брёвен сосновых.
Здесь пристань таёжных бродяг —
Охотников и звероловов.



Суровый глухой уголок...
Но слушают пихты и ёлки,
Как гулко электродвижок
Стучит, словно сердце, в посёлке.

Пусть кто-то родился в Крыму,
А каждый таёжник гордится,
Что выпало счастье ему
В великой Сибири родиться.

Горькая вишня

Так сложилось, так уж вышло,
Что весна, как миг, прошла.
Облетела наша вишня,
А ведь как она цвела!

Мы у вишенки встречались,
Не предчувствуя беды,
И расстались — лишь остались
С горьким привкусом плоды.

Что же делать — так уж вышло...
Через год, через другой
Все тропинки к нашей вишне
Зарастут полынь-травой.

А где-то шла война

Сугробы осели, опали,
Пришёл долгожданный марток.
И мать вместо вязаной шали
Надела свой лёгкий платок.

И вот она, радость — однажды,
Как помню, восьмого числа,
Красуля, кормилица наша,
Телёночка нам принесла.

Он робко поднялся на ножки
И сделал два первых шажка,
А мать ошарашенной кошке
Парного дала молока.

Как много их, праздников разных,
Но как бы ни мчались года,
Я этот семейный наш праздник
Забыть не смогу никогда.

Отзвенели, отзвучали голоса
Наших давних, самых преданных друзей.
Блеск былой твои утратили глаза.
Но с годами ты мне стала лишь родней.



Если хочешь, ты сама меня спроси,
Что ты значишь столько лет в моей судьбе.
Как вращается Земля вокруг оси,
Так все мысли — о тебе да о тебе.

Но забыть ли дорогие имена?
Где теперь вы, нашей юности друзья?
На денёк бы в те вернуться времена,
Только сделать ничегошеньки нельзя...

Отшумели берёзы,
Сбросив на зиму лист.
Где вы — майские грозы?
Скоро снег и морозы,
Ветра яростный свист.

Где вы — летние зори,
Дым ночного костра,
От рыбацких историй
У реки или моря
Тихий смех до утра?

Где вы — детство и юность,
Чудо первой любви,
Бесшабашность, бездумность,
От измен — неразумность
И кипенье крови?

Где ты — прежняя ярость
Споров, схваток с судьбой?
Что в итоге осталось?
Беспошадная старость,
Вечер жизни, отбой?

Людская круговерть

Жизнь — это всё-таки праздник,
Жаль, что бессмертия нету.
По обстоятельствам разным
Кануть придётся нам в Лету.

Числа, несметные числа —
Даты рождения, смерти...
Господи, много ли смысла
В этой людской круговерти?
Или с рожденья до тризны,
Вплоть до прихода безносой,
Так и протопать по жизни,
Не задавая вопросов?



Незыблемость

Я — уходящая натура,
Вот отцвету, и нет меня.
Но под небесным абажуром
Не потускнеют краски дня.

И пусть придёт пора прощаться —
Как без меня, так и со мной
Под люстрой солнечной вращаться
Не перестанет шар земной.

Мой звёздный мальчик

Памяти сына Коли

Милый мальчик мой, никто не вечен,
Спи спокойно, жди, до скорой встречи.

Рухнул мир, когда тебя не стало.
Что тебе при жизни не хватало?

Вот живёт, женился друг твой Лёха..
Без тебя мне плохо, очень плохо.

Ты стремился в небо словно птица.
Но с мечтой, увы, пришлось проститься.

В двадцать первый век вступают люди.
Что с того? Тебя-то в нём не будет.

Что мне гром орудий, фейерверк ли,
Ведь от слёз глаза мои померкли,

Ведь глаза слепы, как у Гомера.
Где она, моих страданий мера?

Но не всё мне плакать безутешно —
Наша встреча в нетях неизбежна..

В крошечной тьме...

В крошечной тьме, во мраке ночи
Живу, как сыч, в лесной глуши.
Живу, а сердце кровоточит
И вопиёт: стихи пиши!

И я пишу, верней, диктую
То, что рождается в душе.
Про красоту земли, какую
Вовек не видеть мне уже.

Я, повидавший жизнь и солнце,
Стал так беспомощен и сир,
Что даже малого оконца
Мне не осталось в светлый мир.



Но я не плачу — нет, не плачу,
Надежда теплится во мгле,
Что всё ещё я что-то значу
На этой милой мне земле, —

Что, как и прочие, не даром
Земным я воздухом дышу,
И людям тем уж благодарен,
Что к их числу принадлежу.

Стремглав сменяются года,
Всему на свете свой черёд.
Моя закатится звезда,
Твоя, сверхновая, взойдёт.

Она одна, всего одна,
Неповторимая, твоя,
И дай-то Боже, чтоб она
Была счастливей, чем моя...

Давай поверим...

Е. В.

Не бывают годы лишними,
Как и деньги в кошельке.
Прошагали бы по жизни мы
Лет до ста рука в руке,
А потом не в землю стылую —
Прямиком на небеса...
Ну давай поверим, милая,
Что бывают чудеса.

Ах, сердце, плачь не плачь —
Иллюзий не осталось,
И время, как палач,
К нам не проявит жалость.

Ты, как земной родник,
Не уставало биться,
И вот приходит миг,
Увы, остановиться.

Но что взывать к судьбе?
Давай уйдём красиво,
И я скажу тебе
Последнее спасибо.



Твори добро

Бессмертье... Кто на это уповает?
Мы все уйдём — иначе не бывает.

Вот суетишься, пашешь или пишешь,
А глядь — свалился, глядь — уже не дышишь.

Душа, что обреталась в брэнном теле,
Гостит уже совсем в ином пределе.

А где она, в аду ли, в райских кущах,
Того, увы, не ведомо живущим.

Но говорят, в Эдем узки ворота,
Твори добро и верь: тебе зачтётся.

Потомки, помните о нас

На нас зима дохнула холодом...
Потомки, помните о нас.
Как вы, мы тоже были молоды,
Как вы, влюблялись, и не раз.

Но одноклассниц звали дурами,
Не посерьёзнили пока,
А на уроках физкультуры мы
Валяли сами дурака.

А жизнь брала своё — мы выросли,
Не затерялись средь людей,
Все испытанья века вынесли
И в люди вывели детей.

Сломив земное притяжение,
Мы проложили к звёздам след,
И мы горды, что достижениям
Таким, как эти, равных нет.

Всё, что мы в жизни нашей сделали,
Предназначается для вас.
И так не много мы хотели бы —
Потомки, помните о нас.



Антон АГАРКОВ

ЗАБИЯКИ

Рассказ

Наша маленькая, в двадцать дворов, улочка отправила тем годом в школу четырёх новобранцев. Первый раз в первый класс пошли двое Толек, один Колька, ну и я, Антоха Агапов — ваш покорный слуга. Расскажу обо всех, а начну с Толяна Калмыкова. Потому что дом его номер один и стоит крайним на улице у самого Займища. Потому что он выше всех в нашем квартете, сильней, отважнее, благороднее. Последнее утверждение спорно — себя бы поставил на первое место. Но вот пример, и судите сами.

Встречаемся на улице жарким летним полднем.

— Куда, Толян?

— Котят топить. Пошли со мной.

— Что?! Ну-ка покажи.

Он показал.

В картонной коробке тыкались слепыми мордочками, топорщили голые хвостики четверо котят.

— Топить? Ты что, фашист?

— Не-а. Мне рупь соседка заплатила.

— А мать за рупь утопишь? За трояк?

— Отстань.

— Слышь, отдай мне их.

— Зачем?

— Не топить же — выкормлю.

— Без кошки они сдохнут.

— Я из бутылочки через соску.

— Не отдам — мне заплатили.

— А если я тебе, фашисту, морду набью?

Только спрятал коробку за спину и с любопытством посмотрел на меня.

— Набьёшь — отдам.

Желание драться с Калмыком отсутствовало напрочь.

— Ты вот что... Ты больше ко мне не приходи, и я с тобой больше не вожусь — таких друзей в гробу видал.

Мы разошлись в разные стороны.

Я не сдержал слово. Как-то сам собой забылся инцидент, а долго дуться на Толяна было невозможно — слишком интересно с ним. Прошёл месяц. Приходит Калмык с известной уже коробкой, а в ней все четыре весёлых пушистых котёнка, вполне самостоятельных.

— Те?

— Те. Я их выкормил из соски, теперь твоя очередь заботиться — найдёшь им хозяев.

— Врёшь — поди, кошку у соседки кормил, а она их.

— Держи, Айболит, — он сунул мне коробку в руки и удалился с независимым видом.

Знаете, как я его после этого зауважал — просто кумиром стал моим, примером для подражания. Звал Толяном, а вообще-то кличек у него было предостаточно. Калмык, Калмычонок — это понятно. Сивым его звал старший брат



Бориска. Волосы у моего друга были белые-белые, как у ветерана-фронтовика. Дрались братовья не часто, но жестоко. Разница в три года давала старшему Калмыку преимущества в росте, силе, инициативе. Но Толян был упёртым — он поднимался и снова шёл в бой, вытирал кровь и продолжал наседать. В конце концов, избитый до полусмерти (наверное, лишка загнул), Толян терял терпение и облик поединщика — ударившись в рёв и слёзы, хватал, что под руку подворачивалось — нож, дубину, топор. Борька позорным бегством покидал усадьбу — благо ноги длинные. А вот характер слабенький. Только никогда не пользовался плодами побед, чтобы подчинить старшего брата: исправно слушался его до следующего конфликта.

Ещё его звали Рыбаком. Страсть эта фамильная. Дед, работающий пенсионер, на рыбалку и охоту уже, понятно, не ходил, но мастрятил внукам какие-то замысловатые капканы, силки, вентера. Однажды сделал арбалет с луком из стального прутка и такими же стрелами. Только пошёл с ним на болото, растерял все стрелы, кроме одной, которой подстрелил утку.

Рыбалкой и охотой увлекался у них отец — Борис Борисович Калмыков. Только любил он эти промыслы не за азарт добытчика, не за результаты, а за возлияния у костра. Короче, алкаш был — и всё тут. Любил комфорт не только в доме, где за чистотой и уютом следили наперегонки жена и тёща, но и в полевых условиях. Сейчас поясню, в чём это выражалось. У Толянова отца если лодка, то обязательно резиновая, из магазина. Такие же палатка, сапоги, гидрокостюм, удочки, сети и даже патроны. Хотя для набивки последних у него был полный набор приспособлений — калибровка, капсюлевыбивалка и вбивалка, дозатор, пыжерубка. Он мог дробь изготавливать в домашних условиях: были литейка, протяжка, дроберубка и дробекаталка. Но Борис Борисович предпочитал без хлопот приобретать в охотничьем магазине “Зорька” заряженные папковые патроны. Отец мой его за это недолюбливал и даже презирал, во всяком случае, чурался. Зато обожали окрестные охотники. Дважды в год шумно было у него во дворе от людского наплыва. Мужики тащили свинец во всяких формах его существования, ну а мы, мальчишки, довольно уже сноровисто лили свинцовую проволоку, протягивали её через калибровку, рубили, катали цилиндрики в шарики, вращая тяжеленную крышку чугунной дробекаталки. Мужики угощали Борис Борисыча спиртным, нас — охотничьими байками. Час-другой — и готовы килограммов пять прокатанной в графите дробы. Весело было всем.

Борис Борисыч не брал сынов на промысел. Однако эта страсть у них была в крови. Потеряв последнюю стальную стрелу, Толян забросил на чердак арбалет. А утки, будто прознав об этом, вышли на берег, стали купаться в песке, хлопать крыльями и беспечно крикать. Такого нахальства Рыбак стерпеть не мог. Стащил у отца двустволку, из которой прежде никогда не стрелял. В соучастники пригласил нас с Колькой Жвакиным, пообещав поделиться добычей. Кока встал на четвереньки — подставкой под тяжеленное ружьё. Я упёрся в Рыбакову спину, чтоб отдача — по словам мужиков, немалая — не швырнула юного охотника “к чёртовой матери”.

По неопытности иль из азарта охотничьего, а может, от лютотой ненависти к наглым лысухам, Толян сдуплетил.

Как не готовились, выстрел прозвучал громом небесным. Дробь вспенила воду далеко за береговой чертой. Утки всполошились и врассыпную — кто на крыло, кто бегом до камышей. Я видел, а Колька нет. Он вскрикнул, зажал ладошками уши. А потом и затылок, на который обрушилось



оброненное Рыбаком ружьё. Жвака драпанул домой. Следом Толян — отдача отбила ему плечо. Остался я один с брошенным ружьём и ничуть не пострадавший. Вскоре утки вернулись к берегу.

Вот такие дела.

Удивил меня Толян своим бегством, а вот Колька нисколько. Фамилия у него была Жвакин, а кличек — хоть пруд пруди. Впрочем, чего там — улица. Ноги у него были самой сильной стороной. Не потому что быстро бегал — и этого у него нельзя было отнять — просто привык все проблемы копытами решать. Чуть небо омрачилось, Кока ноги в руки и до дому. Хауз для него и двух его старших братьев был крепостью, которую в отсутствии родителей не раз пыталась взять штурмом уличная ребятня. Они стояли друг друга, братья Жвакины. Никогда не бились за свой авторитет, не дорожили им: главное — добежать до дома. А уж оттуда, из-за высокого забора и крепких ворот, рутай кого хочешь и как хочешь, швыряйся камнями, зелёными грушами и яблоками. Груши на нашей улице редкость, а эти поганцы настаивали их в моче и кидали в толпу. Кока сам признался, а потом бросился бежать, и понятно почему.

У Кольки были белые волосы, даже белее чем у Калмыка. Сивым его звали братовья, а мы — никогда, уважая Рыбака. У него был румянец от уха до уха и белое тело, которое не поддавалось загару. Совершенно. Это было странным. “Ты альбинос какой-то”, — заметил я однажды.

— Альбинос, Альбинос! — стали дразниться мальчишки.

Но призадумались, когда узнали, что альбиносами зовут тигров без полос. Сравнить Коку Жвачковского даже с не полосатым тигром — курам на смех. И не прижилось.

Третьим в нашей компании был Толька Рыженков — Рыжен — парнишка с пшеничным чубчиком, лёгкой косинкой в глазах, влюбчивый до неприличия. Когда нас приняли в октябрята и рассказали о Володе Ульянове, Рыжен заявил:

— Я теперь такой же буду.

Думаете, он стал отлично учиться, слушаться родителей и учителей? Да ничуть — и в мыслях не было. Он стащил у старшей сестры бигуди и завил чубчик.

— Похож? — продемонстрировал нам.

— Одно лицо, — согласились мы.

Эта страсть у Рыжена скоро прошла и появилась другая.

Девочку звали Люба Коваленко — пухленькая, румяная хохлушка-хохотушка. Я бы тоже в неё влюбился, если бы не... Она училась в нашем классе, но жила в другом конце посёлка. Мальчишки там обитали злые, коварные — большие любители подраться. Был бы повод. Люба — это повод. Я это понимал и даже не оглядывался в её сторону — не по Сеньке шапка. А Рыжен так не думал. И влюбившись, пошёл Любочку провожать. Догнал он нас на самом Бугре. Мимо бы пробежал, не заметил — так его пуганули. Нос расквашен, под глазом фингал, в ранце снег вместо тетрадок. Урок да не впрок. На следующий день, зачарованный сияющими глазками и ямочками на щёчках, он взял её портфель и вновь пошёл на Голгофу. И казнь косоглазого “христа” повторилась. И повторялась изо дня в день. Любочке что — весело ей, и перед девчонками формат — вон как мальчишки-то из-за меня.

А Рыжена били с каждым днём всё ожесточеннее.

Скажите: вот он рыцарь-романтик, настоящий герой — так страдать из-за дамы сердца. Но погодите с выводами, дослушайте рассказ.



Герой наш, романтик, звал нас в телохранители, не поверите — даже зарплату обещал. Но лезть в такое пекло за пончик на большой перемене — извини-подвинься. Нет дураков таких. Может, и есть, но мы не в их числе. Жалко было товарища, но так били-то его не за рыжий чубчик и место проживания — с девочкой из другого района хотел дружить, а это не поощрялось.

Однажды всё переменилось.

Чтобы покинуть школу через парадный выход, надо было пройти два маленьких коридорчика. К чему такая анфилада дверей? А кто знает — строителям виднее. Я шёл первым и как всегда беззаботно балаболить о чём-то. Крепкая затрещина опрокинула меня в угол второго коридорчика. Успел только заметить, что бил Рыжен. И в то же мгновение град ранцев и портфелей обрушился на мою недоумевающую голову. Ботинки, валенки и сапоги вонзались в моё скрюченное тело, торопясь и мешая друг другу.

Кока шёл вторым, мгновенно оценил опасность и метнулся назад. Успел бы и Рыбак убежать, но он остался и бился в дверях один против своры одноклассников, не иначе как белены объевшихся. Впрочем, помочь мне он не сумел — вышибли его из дверного прохода, как пробку из бутылки.

Спас меня Илюха Иванистов. Был в классе такой мальчик. Жил с Любочкой на одной улице — Рабочей — но с тамошней братвой не якшался: мнил себя независимым и бесстрашным. Впрочем, второе обеспечивал старший брат Юрка Иванистов, которого, по слухам, даже милиция боялась. Был он бандитом (может, хулиганом?), ходил с ножом и жестоко избивал младшего брата за любую провинность. Но попробовал бы кто посторонний тронуть Илюху — всё, кранты: возмездие наступало незамедлительно и было жестоким, даже изощрённым. Однажды он построил наш класс, достал нож и аккуратно отрезал все пуговицы — все-все, не забыл и на ширинках брюк, положил их в карманы владельцев, пообещав в следующий раз выпустить кишки наружу. Ему верили, его боялись. Поэтому никто не хотел связываться с его младшим братом. Илюха этим пользовался, бесстрашно влезал в любую заваруху, чтобы доказать свою независимость. Встрял и теперь. Продрался сквозь толпу меня терзавшую, встал над поверженным телом и замелтешил кулаками, разбрызгивая по стенам разноцветные сопли — от зелёных до красных. Враги мои отпрянули. Выскочили, короче говоря, из коридорчика и сгруппировались в школьном дворе. Илюха помог подняться, отряхнул от мусора.

— За что они вас?

— Не знаю. Рыжен, наверное, натравил.

Мы выглянули за дверь. Толпа одноклассников, числом не менее пятнадцати, томилась ожиданием. Рыжен среди них за своего, руками машет, хвостиком виляет. Впрочем, вру: хвостика тогда у него ещё не было.

Положение было фигово.

Илюха похлопал меня по плечу — держись, братан! — и смело пошёл на переговоры. Я вернулся в школу и с друзьями по несчастью, поднявшись на второй этаж, осмотрел двор. Увиденное не радовало. Взбесившиеся наши одноклассники стояли воинственной ратью, жаждали крови. Илюха торчал в сторонке, в гордом одиночестве. Впрочем, зная его натуру, нетрудно было догадаться, что мирный исход инцидента — это не совсем то, что его устраивало. Надежды на него не было. Нужно что-то



делать и рассчитывать только на себя — жаловаться, кому бы то ни было, а уж учителям точно, не в наших правилах.

Выход напрашивался сам собой — выпрыгнуть в окно первого этажа, пока враги не оцепили школу по периметру, и драпать до дому без оглядки. План Рыбаку понравился. А про Коку что говорить — ему бы только “костыли” размотать, а там его ни одна собака не догонит.

Дверь класса, окна которого выходили в школьный сад, была распахнута, там гремела ведром техничка. Мы вошли.

— Давайте парты поможем перевернуть.

— Вот молодцы. Вот тимуровцы, — обрадовалась женщина.

Мы с Рыбаком за парты, а Кока шмыг к окну. Дёрнул шпингалеты и — вот она свобода!

— Ах, ироды! Ах, поганцы! Вот я вас шваброй!

Рыбак был уже на подоконнике, и швабра пришлась по мне. Впрочем, я ловко подпрыгнул, и сырая тряпка на палке угодила в ведро. Оно опрокинулось, вода хлынула на пол. Совсем не женская ругань стеганула мою спину, но всё это было уже не важно. Потому что, взлетев на подоконник, я сиганул в распахнутое окно. Потому что скрывшийся с глаз Кока вдруг “вырулил” из-за школьного угла, таща за спиной свору улюлюкающих одноклассников.

— Бей! Ату их! Ату!

Мы бросились в сад, перемахнули высокий забор и поняли, что недооценили врагов. С обеих сторон улицы спешили к нам мальчишки, и не с пряниками в руках. Назад путь тоже отрезан. Мы кинулись в восьмилетку напротив — двухэтажное деревянное строение — с учениками которой перекидывались снежками на переменах. Когда я вбежал в её двор, Кока уже хлопнул входной дверью. Впереди маячила спина Рыбака. А сзади настигало сиплое дыхание Рыжена. Не знаю, откуда у него взялась такая прыть, но летел он как ветер, вскоре настиг и поставил подножку. Рухнул я, а Рыжен, оседлав, принялся мутузить.

— Ага, попался!

Если б он не орал так истошно, мне бы опять здорово досталось. Но его вопли остановили Рыбака. Он вернулся и сумкой так ахнул предателя, что тот кубарем покатился прочь. Толян помог мне подняться, и мы бросились бежать — захлопнули дверь перед самым носом наседающих преследователей.

Теперь оставалось только ждать и слоняться по коридорам, то пустым и гулким, то взрывающимся гулом голосов и топотом ног после звонка.

Уже потемну в компании моей старшей сестры и её подруг беспрепятственно вернулись домой.

Это был не инцидент. Это было начало войны, в которой мы заранее обречены на поражение. Кока наутро сказался больным и в школу не пошёл. Заглянул к Рыбаку. Тот нехотя швырял тетрадки в сумку. Настроение его было понятным. Я поведал наши беды старшему Калмыку — Бориске. Тот боевым пылом не проникся, но обещал что-нибудь придумать. Учился он во вторую смену, и времени для размышлений у него было предостаточно. А мы пошли навстречу неизвестности.

Весь день шли переговоры: на уроках записками, на переменах — визави. Мы пытались дознаться причин вдруг возникшей всеобщей нелюбви к нам. Ясности не было, но чувствовалось — Рыжен помутил достаточно.



Готовы были для разрешения конфликта с любым того желающим. Но только один на один, а не как вчера — толпой против троих. Нам предлагали другое: каждый, того желающий, бьёт разок по морде — по моей, между прочим, и Толькиной тоже — на том и расстаёмся. Это было унижением. Это могло подойти Жвачковскому, но нам — никогда. Однако и бегать каждый день, словно зайцы, было постыдным.

Выходили в школьный двор после уроков с тяжёлыми сердцами. Для себя решили, если не договоримся о поединках — станем спина к спине и тогда будем драться, пока не ляжем костями. Бегать больше не будем.

Нас поджидали. И не только враги. Оказывается, Борька Калмыков всё-таки обдумал проблему и нашёл из неё выход.

Жили на Бугре братья Ухабовы — драчуны и забияки: Колька, Витька, Саня и Женечка. Вот этот младшенький — по-уличному Пеня — парень был, про которого говорят: оторви да брось. Был он, конечно, старше нас и даже старше Борьки Калмыкова. Избалованный авторитетом братьев, лез в любую заваруху. Не главное — кто с кем и из-за чего — но всегда на стороне сильнейшего. Страсть как любил победы. Был он крупнотелым, толстогубым, косноязычным. Под носом и на подбородке всегда блестело. Нерасторопным был. За то и кличку получил. Напросился футбол погонять, а стоял как пень — ни с места. Отсюда и пошло — Пень, Пеня (вместо Женья). Учился в Челябинске, в каком-то ПТУ, но чаще находился дома, болтался по улицам, отбирая деньги у мальшей. Врал о своей учёбе и жизни городской безбожно. Что-де “мусора” однажды их общагу штурмом брали, а они (бравые пэтэушники) натянули резину меж могучих тополей и как из рогатки обстреливали стражей порядка кирпичами, урнами и прочим хламом. Одним метким выстрелом “мусорскую” машину перевернули. Врал ещё, что у “Фантомаса” есть продолжение — “Труп в зелёном чемодане” называется. Что Фантомасом звали корову, которую задавила на дороге машина французских “мусоров”, и человек в ужасной маске им за то мстил. В общем, тип ещё тот, от которого лучше держаться подальше. Но он теперь шёл нам на выручку с маленьким юрким помощником — первоклассником Серёжкой Щипкиным.

В этот момент мы стояли вдвоём против стены алчущих нашей крови одноклассников и никак не соглашались на безвозмездный мордобой.

— А что тут происходит? — удивился Пеня, подходя, и быстро разобрался. — Ага, Бугорских обижают. Ну-ка, Щепка, вдарь.

Щипкин подошёл и треснул крайнего по носу. То был Юрка Семченко, и кровь из его ноздрей брызнула на школьную стену. Юрка сел на корточки, зачерпнул в пригоршню снег и приложил к лицу. Щипкин шагнул к следующему, и процедура повторилась. Кто-то бросился бежать.

— Куда? Стоять! — рявкнул Пеня. — Поймаю и убью.

Ему поверили и остановились. Только Рыжен улепётывал без оглядки.

— Этого зарежу со всей семьёй, — пообещал младший из Ухабов.

Щипкин аккуратно, никого не пропуская, обошёл всю толпу наших врагов. Тому, кто не желал кровоточить с первого удара, он повторял. Упёртым бил и по третьему разу. Впрочем, удар, как говорится, у него был поставлен, а перепуганные мальчишки не сопротивлялись.

После этих процедур Пеня собственноручно обшарил карманы мальчишек — забрал всё, что нашёл. Особенно радовался мелочи.

— Завтра я снова приду сюда в это же время. С каждого — по пять копеек. Кто не принесёт — получит от Щепки. Всем ясно? Свободны.

Мы пошли домой, радуясь счастливому избавлению от напастей, под защитой могучего союзника, строя планы мести для Рыжена. Однако Пеня повёл такие речи:

— Мужики, я вам помог, а долг, как говорится, платежом красен. Короче, по десять копеек в день, и ни одна собака вас не тронет. Даже можете лупить их, когда захотите, как Щепка. Или это же он будет проделывать с вами.

Десять копеек. Эту сумму мне давали на школьный буфет. Остаться без обеда, или Щипкин расквасит мой нос. Я покосился на юркого перво-классника. Да что он может без Пени? Прибить его щелчком — плёвое дело. Тем не менее гривенники мы аккуратно отдавали каждый учебный день самому Пене, а в его отсутствие Щипкину. Толян спёр у деда трояк, и Пеня на месяц освободил его от податей. А я голодал, отдавая деньги на обед. Впрочем, сильно отощать или умереть с голоду не дали одноклассники, вчерашние враги, а теперь собратья по несчастью. На большой перемене, забившись в укромный уголок у спуска в подвал я, как Шахерезада, рассказывал какую-нибудь выдуманную историю. До звонка успевал закончить вчерашнюю и начинал новую. В благодарных слушателях не было недостатка. В благодарных, потому что, скинувшись, они покупали мне пончик за четыре копейки, а то и два, а то и три, а то и все четыре.

Рыжена мы отметили в тот же день. Надо отдать должное — парень не был трусом, как, скажем, Кока. Он вышел на болото играть в хоккей. Как ни в чём не бывало. На что рассчитывал? Только ему известно.

— Ну, что? — спросили мы.

— Бейте, — согласился Рыжен.

Кока отказался от экзекуции — последствий побоялся. Я встал на-против Рыжена. Он улыбался, глядя в мои глаза своими раскосыми. Он ничуть не боялся. Или делал вид, и это у него получалось. Я сделал лож-ный замах, и Рыжен качнулся, чуть не упав, потому что был на коньках. Ударил его в подбородок, когда Толька выпрямился, утратив бдительность. Он хряснулся на спину, и гул треснувшего льда далеко прошёлся по окрестностям. Шапка откатилась. Рыжен поднял её и сам поднялся. Улыбка его осталась лежать на льду. Наступила очередь Рыбака. Он ударил креп-ко и ещё пнул пару раз лежавшего. Счёты были сведены.

Потом его подловил Пеня и собственноручно отлупил. Крепко. Наложил дань в двадцать копеек. Сначала Рыжен отказывался, и Щепка бил его каждый день. Потом где-то стал доставать деньги — наверное, крал — и жизнь его немного полегчала.

Обнаглел Пеня до беспредела на новогодней ёлке. В наши подарочные кулёчки он только запустил свою лапу — правда, после этого там мало чего осталось вкусного — печенье да ириски. А у ребят с Рабочей улицы отобрал подарки напрочь. Щипкин — малолетний жадина — принялся было девчо-нок наших потрошить. Но те так завизжали, что сам Пеня сказал:

— Оставь.

Никакая кровавая драка не спаяла бы так наш классный коллектив, как эта всеобщая беда. Рыжен, плативший двугривенный налог, мог бес-препятственно провожать Любочку — никто его не трогал. Никто не зади-рался к нам. Все мучительно искали выход из создавшейся ситуации. И, кажется, нашли.

Однажды в класс явилась женщина в форме. Сказала, что работает в детской комнате милиции. У неё, мол, есть сведения, что гражданин



Евгений Ухабов отбирает карманные деньги у школьников и заставляет их красть у родителей.

— Вы не бойтесь, — убеждала она. — Вам достаточно только подписать одну бумагу, и Ухабов загремит в колонию для несовершеннолетних преступников.

— Он никогда не узнает о нашем разговоре, — заверяла милицейская дама.

Первым кинулся из-за парты Рыжен. А потом другие. И я подписал. И Рыбак — правда, последним. А вот Кока Жвачковский сдерживался — мало ли чего. Впрочем, он не кривил душой — Пеня его не трогал: как-то незамеченным проскользнул он меж загребущих ухабовских лап.

После этого визита Пеня действительно исчез куда-то. Заскучал его подручник Щепка. Били его в школе каждый день. Сам виноват — понаделал врагов.

Появился Ухаб в конце зимы, и мы затряслись от страха. В школу боялись ходить. Боялись и ходили. Месяц прошёл, Пеня никого не трогал. Щипкин, правда, нос задрал, но ни к кому не лез. Мы уж подумали: изменились времена — проучили “мусора” хулигана. Но однажды...

У нашей одноклассницы Любы Гайдуковой, девочки ничем не приметной, разве что на цыганку здорово похожей, был старший брат Мишка — нигде не учившийся и не работавший переросток — дурачок, наверное. Неутомимый как крот. Жили они на крайней улице, там зимние метели такие сугробы наметали, что домишко их скрывало с крышей. Мишка Гайдуков целыми днями ковырялся лопатой в сугробе. Такие лабиринты сооружал, в путанице которых сам только и мог разобраться. В его подснежье, по слухам, была Палата — огромный зал с застеклёнными для света окнами. Взрослые парни устраивали там пиршества, а нам, ученикам начальной школы, дорога туда была заказана: старшие гоняли и самим страшно — заплутаешь в Лабиринте и замёрзнешь. Однако влекло.

Вдруг Любочка эта передаёт нам приглашение от брата — посетить его знаменитые ходы. Сам приглашает, сам покажет. Такой случай! Нам, дуракам, задуматься — с чего бы это он? Да откуда у третьеклассников ум? Уши да чуб, за которые удобно таскать, да лоб, которым можно стучать о школьную доску, вгоняя в тупиц знания.

Короче, приходим. Даже Кока, которому вдруг изменило природное чутьё опасности. Мишка улыбается, пряча глаза под цыганский чуб. За собой манит. Лезем. Вереницей. Тыкаемся головами друг дружке в задницы. Темно, страшно. Ходов действительно неисчислимое множество — ответвления и вправо, и влево. Мишка уверенно ползёт на карачках вперёд. И вот, наконец, знаменитая Снежная Палата. Над головой дыра застеклённая. В ней — препротивная ухабовская харя.

— Ну что, голубчики, попались? Вылазь, Мишка.

Гайдуков — как тот мавр, сделавший дело, — молча в одну из тёмных дыр. Мы следом:

— Эй, эй, эй!..

Рыжен первым за ним кинулся, ему и прищемило затвором руки в узком проходе. Сверху Пеня сунул в щель широченную доску, и оказались мы в снежном плену. Господи, не выдай!



Вернулись в Снежную Палату. Рыжен хнычет, Кока подтягивает. Первому руки прищемило, ему больно. А второй от трусости в слёзы ударился. Мы с Рыбаком в переговоры вступили.

— Жень, отпусти.

— Ага, сейчас, — радовался нашей беде и своей удаче толстогубый Ухаб. — “Мусорам” меня сдали, сволочи. Всё про вас знаю. Замёрзнете, поганцы, — я вас собакам скормлю.

Хныкать хотелось уже всем. Однако Рыжен примолк, испуганный, зато Кока за всех старался.

Мы осмотрелись. Узилище было достаточно обширным. Скрещённые доски, подпёртые столбиками в четырёх местах, удерживали белый свод, высокий настолько, что стоя рукой не дотянуться. По периметру что-то вроде банного полка или боярского седалища. Впрочем, и лежать можно, вытянув ноги. Тряпки там какие-то забыты, солома. На полу “бычки”, фантики конфетные, пробки от бутылок — остатки пиршества.

Может, собрать солому с тряпками — костерок запалить. Кто предложил? А кто ж у нас глупее мамонта? Конечно — Рыжен. Если от дыма не задохнёмся, то с потолка капать начнёт — промокнем, замёрзнем и окочуримся раньше времени. А что делать? Сидеть и ждать, пока Пеня своей дурью натешится? Или прикинется замёрзшими — сам за нами полезет. Мысль, конечно, интересная, но попробуйте полежать недвижимым на снегу. Нормально? То-то.

Рыжен хитрый, похватал тряпки, солому сгрёб — лёг. Ну, лежи, брат, мы за тебя покричим.

— Эй, Жень! Только Рыженкову плохо. Его в больницу надо. Выпусти нас.

Кричали, кричали — в мутном окошке никого. Может, разбить его? Разбить, встать друг другу на загривок, и верхний, наверное, дотянется и вылезет в дыру. За помощью сбегает. Я легче всех — мне и лезть. Да и ненадёжен Рыжен для Рыбака, а ему, как самому здоровому, держать на плечах лазутчика.

— Надо темноты дождаться, — размышляю вслух. — Сейчас Пеня увидит и всю затею испортит.

— До темноты мы замёрзнем.

— Давайте прыгать.

— А может, он ушёл?

— А может, не ушёл.

Пеня не ушёл. Он курил с Гайдуком на лавочке у дома и напрягал свои извилины, не зная, как поступить с нами. Выпустить и отметить? Ну, отметить — это уж точно. А вот выпускать не хотелось — когда ещё заманишь в такую ловушку. Бросить, чтоб замёрзли? На Гайдука свалить? Ему ничего не будет: он дурак — и, наверное, справка есть. А вдруг “мусора” докопаются? Вот такой небогатый выбор терзал Пенину душу сомнениями. Голова у него даже заболела от умственного переутомления.

Как всегда в подобных случаях, на помощь приходит Провидение.

Узкой тропкой меж сугробов пробирался Андрей Шилаев. Шёл из магазина домой совсем близко от злоумышленников. Пеню просто озарило.

— Слышь, Шилай, рабов надо? Бери — недорого — в хозяйстве пригодятся.

Андрей был старшеклассником, если вас интересуют его годы. Человеком самолюбивым, гордым, независимым. Пени он ничуть не боялся,



скорее наоборот. Андрюха мог постоять за себя и презирал уличных атаманов, науськивающих мальцов.

— Каких рабов?

— Пойдём, покажу.

Мы встрепнулись, когда померк свет единственного окна. Готовы были напрячь голосовые связки, вымаливая прощение и свободу, но воздержались, приметив новое действующее лицо. Одним взглядом оценив ситуацию, Андрей деловито спросил:

— Сколько?

— По полтиннику за штуку.

Покупатель вытащил из кармана монету:

— Хватит?

— На двоих, — торговался Пеня.

Андрей пожал плечами — дело хозяйское — сунул монету обратно.

Ухаб забеспокоился — вид новенького серебряного рубля зажёл в нём алчность.

— Согласен — забирай.

Монетка вновь увидела дневной свет, но не спешила покинуть ладонь хозяина. Шиляев кивнул Мишке:

— Открывай.

Тюремщик наш аккуратно вытащил из щели затвор и утащил домой.

— Вылезайте.

— Андрей, мы не знаем хода — тут лабиринт, — на правах ближайшего соседа обратился к спасителю Рыжен.

— Выведи их, — приказал Шиляев Гайдуку.

Тот покивал головой и нырнул в тёмный лаз. Через пару минут он уже был в Снежной Палате. Следуя за ним, мы, наконец, выбрались на Божий свет.

Пеня овладел рублём и заторопился.

— Ставьте задницы — прощаться будем.

— По полтиннику за пинок, — сказал Андрей, холодно глядя в лупоглазые ухабовские зенки.

— Что-о? — возмутился работороговец. — Да я их так...

— Только попробуй, тронь моё имущество, — Андрей опустил свою авоську на снег.

Затей они драку, мы бы без команды бросились на Пеню и возместили все накопленные обиды. Понять это было не сложно, и мучитель наш побрёл прочь, кляня себя за неудачную сделку. Он вдруг подумал, сколько мог бы зарабатывать, водя нас на верёвке и позволяя каждому желающему лягнуть под зад копеек этак, скажем, за пятнадцать.

А мы, радуясь счастливому избавлению, гуськом брели за благородным Андреем, и Рыжен захлёбывался словами, описывая наши злоключения.

Возле своего дома Шиляев остановился.

— Вас всегда будут бить и унижать, если не научитесь себя защищать. Хотите — научу?

Мы, конечно же, хотели быть такими же сильными, храбрыми и независимыми, как он.

— Иди сюда, — поманил он Рыжена.

Тот встал напротив, улыбаясь. Резкий удар в скулу сбил его шапку. Рыжен покачулся, но устоял.

— Молодец. Теперь ты, — шиляевский палец нацелился в мою грудь.



Недоумевая — зачем он так быстро из героя превратился в мучителя — шагнул вперёд. Моя шапка усидела, но лопнула губа, наколовшись на краешек зуба.

— Молодец. Следующий.

Я отошёл в сторонку, уступая место Рыбаку. Плюнул на снег, и слюна имела алый цвет.

Толян шагнул навстречу экзекуции, а Кока в тот же миг сорвался с места и запылил снегом вдоль по улице в сторону дома. Может, его бегство, а может, ещё какая прежняя неприязнь правила Андреевой рукой — только достался Рыбаку удар, что говорится, от души. Он охнул от зуботычины, раскинул руки, падая. Поднялся не сразу и не на ноги. Стоял на четвереньках, мотал головой, и капли крови летели в обе стороны. Андрей, кинув взгляд на дело рук своих, зашагал домой, бросив:

— Приходите завтра в это время.

Наутро в школе.

— Пойдёшь? — пытал я Рыбака.

— Да на фиг надо. Меня Пеня ни разу не тронул, а этот... Нет, не пойду. Меня пытал Рыжен:

— Пойдёшь?

Я пожимал плечами. Конечно, хорошо быть гордым и независимым, уметь давать сдачи, но чтоб по морде каждый день... Бр-р-р... Какой-то спартанский способ воспитания — пренебрежение к боли, за счёт постоянного её присутствия. Метод привыкания. Но мне известен и другой. Вот, например, индейцы никогда не наказывают своих детей, считая, что физическое воздействие унижает гордость человека, делает его трусом. И вырастают индейские мальчики в могучих и бесстрашных воинов, терпящих любые муки у столба пыток. Лично мне такой метод более по душе.

— Я лучше к Пене пойду, — помахал Рыбак трёшкой перед моим носом.

Он прав: за деньги Ухаб любого другом считать будет. А мне-то где взять — воровать не приучен. И решил: раз уж Судьбе угодно меня колотить, пусть она бьёт руками Шиляева.

Коку Жвачковского такие сомнения не терзали.

В назначенное время пришли мы вдвоём с Рыженом.

— А мне не больно, — вертел головой Толька в томительном ожидании экзекуции. — Я вообще терпеливый.

Конечно, подумал я, с такой-то практикой.

Но Шиляев нас бить не собирался. Более того, он как будто извинился:

— Вы за вчерашнее не дуйтесь: просто проверил — насколько ваше желание стать настоящими мужиками серьёзно. Прописные, так сказать. Добавил, намекая на отсутствующих наших товарищей.

— Ну и видно теперь: кто есть кто.

В углу широкого шиляевского двора была оборудована спортивная площадка — турник вкопан, на нём мешок с песком висел, помост со штангой и большим набором гантелей. Самодельную штангу Андрей поднимал, а мы — разве только вдвоём с Рыженом. Зато испробовали все гантели и выбрали



нам подходящие. По команде наставника мы подтягивались на турнике, отжимались от помоста, работали с гантелями, скакали через девчоночью скакалку, мутузили самодельную "грушу". И так каждый день. И так изо дня в день. Андрей заставлял меня боксировать с Рыженом. И Толька косоглазый так разматывал кулаки, что я и защититься не всегда успевал, а уж сдачи дать... Зато я легко одолевал его в борьбе — сказалась отцова выучка. Андрей наставлял нас не только премудростям поединков, но и хитростям коллективной драки. Оказывается, и тут имели место свои тонкости, дававшие преимущества уменью, а не числу.

В школе, по приказу шефа, мы о тренировках ни гу-гу. Зато над нами потешались. Слух о нашем снежном пленении и необычном избавлении прокатился по классу и выплеснулся в коридор.

— За грошик купленные, — дразнились знакомые.

Или:

— Эй, трёхгрошовый, подь сюда...

Прикусили языки острословы, когда мы втроём — я, Андрей и Рыжен — отлупили десятиклассника Суслая. Суслай — это кличка такая. Может, фамилия у него — Суслов, может, звали — Славка. Не суть важно. Был он здоровым бугаём и гордостью школы — побеждал всех в районе на физических олимпиадах. В смысле, по физике — наука такая о природе вещей. А вы что подумали? Нет, он здоровым был не потому, что занимался спортом, просто ел помногу. Драться совсем не умел. Но начал удачно.

Что они не поделили с Шиляевым, осталось мне не известным. Только на перемене босс предупредил: после уроков дело будет. И вот мы стоим втроём — плечо к плечу — на школьном дворе, и все ученики пялятся на нас в окна. Суслай хлопнул дверью, подходит небрежной походкой — куртка расстёгнута, пиджак тоже, галстук набоку, край рубахи торчит из брюк. Впрочем, он всегда такой — расхлёстанный.

Остановился, жуя чего-то.

— Ну?

А потом вдруг бросил портфель свой огромный в Рыжена и кинулся на Шиляя. Схватил атамана за грудки и ну трепать. Силёнка у парня была — под его лапами затрещали Андреевы латы (в смысле — пиджак, рубашка, куртка). Суслай то рвал их остервенело, то душил противника, стягивая ворот, то просто тряс, как грушу. Андрей крушил ему рёбра тренированными кулаками, а вот в лицо попасть не мог — гордость школы для того расставил локти.

— Агапчик, ноги! — крикнул атаман.

Этот приём мы много раз отрабатывали на тренировках. Я бросился Суслаю под ноги. Андрей толкнул его, и они оба кувыркнулись через меня. Тут, наконец, Рыжен выбрался из-под завалившего его портфеля, подскочил и очень удачно пнул Суслая в косяцу. Тот хрюкнул и затих. Напрочь. Ни звука, ни движения. Мы пинали его — причём Рыжен в лицо, Шиляй по рёбрам, я по толстым ягодицам — а он лежал, как покойник, молча и не шевелясь.

От школьной калитки мы оглянулись. Суслай неуклюже дёргал ногой, пытаясь повернуться то ли на бок, то ли на живот. Школьные окна облепили встревоженные лица.

Андрей стянул с ладони варежку и выставил перед собой.

— Один за всех!

— И все за одного! — мы с Рыженом дружно шлёпнули по ней своими. Вот такие дела.



Андрей учил нас не только мордобоем. Он прилежно занимался в школе и желал, чтобы мы избавились от двоек. С некоторых пор наш день в шиляевском доме стал начинаться с приготовления уроков. Андрей проверял тетрадки, показывал, как надо решать примеры. Объяснять он умел гораздо доходчивее учительницы. По крайней мере, мне становилось всё понятным. А вот Рыжену не очень — непробиваемый тупица. Андрей, побившись с ним немного, плюнул — а со мной занимался даже с удовольствием. Однажды мы так увлеклись, что опрокинули чернильницу на его красивый полированный стол. Ну, это я опрокинул — Андрей разве только руку мою подтолкнул нечаянно. Всё, думаю, кранты — ох и попадёт мне сейчас. От страха голову втянул, глаза закрыл — что-то будет.

— Таня! — позвал Андрей старшую сестру. — Что можно сделать?

Она вошла, красивая, опрятная, совсем-совсем не строгая.

— Как мама огорчится.

Вдвоём с Андреем они помыли стол порошком, но след пятна всё-таки проглядывался. Таня принесла клеёнку:

— Постелите от будущих конфузий.

Она была очень похожа на свою мать, а Андрей — на отца. Вот такая семья.

К тому времени, как мы заканчивали готовить уроки, Таня приносила поднос с чашками чая и сушками. Надо ли говорить, что я по уши был влюблён в неё? Тем более что и она иногда принимала участие в совершенствовании нашего с Рыженом образования. Когда Таня за моей спиной склонялась, заглядывая в тетрадку, её светлые длинные волосы щекотали мою шею и ухо. Я был в те мгновения на вершине горы, называемой счастьем.

С подачи сестры и брата Шиляевых успеваемость моя в школе поползла вверх. По итогам года в ударники даже выбился. Тёзки на осень остались. А вот Кока, тот совсем вылетел — второгодником стал. Но это я слишком далеко вперёд забежал.

Сначала была весна, и снег на поляне растаял. По воскресеньям мы бегали кросс. Втроём. До леса и обратно. Это очень далеко — наверное, несколько километров. Андрей бежал легко. Рыжен не отставал. Впрочем, я тоже. Но после такой пробежки ноги мои болели всю неделю. Только только заживали к следующему воскресенью, чтобы с понедельника снова начать свою препротивнейшую лому.

Под ногами шуршала подмёрзшая трава, похрустывал ледок на остатках луж. В грудь врывался воздух исключительной чистоты и свежести — бодрил душу, закалял тело. На опушке мы подтягивались на ветке берёзы, отжимались от пахнувшей весной, стылой ещё земли, и начинали бег домой. Мнили себя спартакцами. По крайней мере, я. Рыжену, думаю, такой народ доблестный и незнаком совсем был. У Андрея не спрашивал.

После проводов Николая Томшина в армию ватага лермонтовская распалась. Редко мы уже собирались толпой, как было прежде. Ходили вдвоём-втроём в кино и получали там от преступных группировок других улиц. Старшим ребятам костыляли на танцах. Андрей решил вернуть краю утраченный авторитет. По его приказу мы с Рыженом оббегали нашу и все прилегающие улицы, оповестили ребят — первого мая выступаем. И выступили. Целой колонной. Пристроились в конце Первомайской, где учащиеся и трудящиеся демонстрировали свою солидарность со всем



угнетённым миром. Пели песни, кричали “ура!”, махая ветками, флажками, отобранными у школьников. На площадь, понятно, не вышли, но на улице прохожие на нас таращились, указывали пальцами, махали руками, приветствуя. Ну а мы ликовали — Первомай!

После демонстрации встали в кружок, прикидывая финансовые возможности. Думали в лес пойти и решали, что прикупить для похода — вино, закуску, сигареты. Борька Калмыков летит на всех парусах. Следом Олег Духович, друг и одноклассник. Красноармейская братва их прищучила — у Борьки фотоаппарат хотели отнять. Только Калмык-старший дух перевёл, повествуя, как вот они — красноармейцы клятые. Мы стоим стеной — они напротив. Перед Андрюхой один с костлявым лицом, яйцеголовый, начал кульбиты выделывать:

— Знаешь кто я такой?

— Знаю, — говорит Андрей спокойно. — Ты — Колчак.

— Верно. А знаешь....

И дальше полилась неположенная на музыку песня: эх, сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько душ я загубил....

— Что мне до твоей арифметики, — говорит Андрей презрительно. — Придёт время — и тебя прикончат.

— Может, попробуешь? — встрепенулся Колчак.

— Сам сдохнешь.

Красноармейский атаман затруднился с ответом. Все муки — бить или отступить, а если отступить, то как, не потеряв престижа — отразились на его кашеёвом лице. Подсунулся подручный — шу-шу-шу на ухо. Колчак тревожно зыркнул по сторонам, махнул рукой своим и, огибая наш строй, красноармейцы бегом покинули не состоявшееся поле битвы. Причину такого их поведения узнали поздно вечером, когда уставшие и навеселе вернулись из лесу. Бориска-то наш, Калмыков, не поверил, что устоим против красноармейских, и драпанул под шумок. Заметил это кто-то из врагов, и бросились колчаковцы в погоню. Догнали, накостыляли, фотик отняли — а мы-то и не ведали, а то разве б позволили.

Ещё был случай — но это уже летом, на каникулах. Собрались толпой на Миномётку рыбку половить. Миномётка — это яма такая, водой затопленная, раньше шахтой была — глину добывали. Вообще-то это вотчина красноармейских ребят — но наша где не пропадала? По дороге Пушкарь пристал — парень-то уже взрослый и из Больничной ватаги. Из Больничной-то Больничной — а, как ни крути — Бугорский, стало быть, красноармейским враг, а нам друг. Пошёл — ну иди — кому мешает? Только на Миномётке местный бандюган Шаман — ух и здоровенный же лоб! — признал в Пушкаре своего давнего обидчика и ну его лупить. Избил и в шахту сбросил. Пушкарь переплыл на противоположный берег — тут как тут Пеня Ухабов: пинается, не даёт ослабевшему, истекающему кровью парню выбраться на сушу. И началась драматическая гонка: Пушкарь плывёт к другому месту, а Пеня берегом бежит и снова спихивает его в воду. Шаман, будто Наполеон на Поклонной горе, стоит, скрестив руки на груди, глядит с суровой печалью. Вид его трезвил некоторые буйные наши головы. Да и Андрей Шилиев предупредил — не рыпайтесь. Пене накостылять — плёвое дело. Но как против Шамана — он взрослый, здоровый, в тюрьме отсидел. Соберёт дружков и подвесит нас всех за одно место.



Короче, не до рыбалки нам — смотрим, зубьями поскрипываем и не лезем. А Пеня увлёкся — хотел юшки красной добавить — залез в воду и оскользнулся. Да и Пушкарь его за волосы как дёрнет.. Упал Ухаб в воду и ну орать. Вот тут-то узнали мы его сокровенную тайну — не умеет Пеня плавать. Такой здоровый — в армию скоро — а плавать не умеет. Любой карапуз с нашей улицы, только ходить научиться, а уж бултыхается на Песке (на болоте нашем пляж такой для детворы Природа сотворила). Глядишь — уже плавает. А этот урод-переросток тонет. Ну и фиг с ним. Пеня бултыхается на месте, орёт, воду хлебает, а мы потешаемся — потонет или нет. Камни бросаем — хватайся, Пеня! В какой-то момент истошные вопли ухабовские вдруг перешли в утробный рык погибающего зверя. Мы примолкли, но никто и не пошевелился. Красиво, рыбкой, с крутого берега — как был в одежде — прыгнул в воду Шаман. Треснул Пеню кулаком по голове, чтобы не царапался, а потом оглушённого вытащил на сушу. Ухаб встал на четвереньки и ну рыгать. Вода у него обильно лилась через нос и рот, а мне показалось, что и из ушей.

Под шумок Пушкарь выбрался на берег, и теперь его голая спина маячила далеко, где-то возле больничного забора — здорово чесал.

Возвращались домой притихшие, подавленные увиденным — удочки так и не размотали. Андрей поучал:

— Повезло вам, ребята, что не в городе родились. Там правила жестокие — бьют толпой, бьют до смерти. Упал — запинают. Готовьтесь к суровости жизни с малых лет.

Жутко становилось от его слов. Мои школьные успехи радовали отца:

— В институт поедешь учиться — “поплавок” для жизни зарабатывать.

А мне совсем не хотелось уезжать из нашей Увелки: и тут страстей кровавых хватает.

Есть о чём задуматься. Может, начать двойки получать?

Раздружили мы с Шиляем из-за его одноклассницы. Впрочем, это был повод — причина гораздо серьёзнее. И я вам сейчас о ней расскажу.

Папашка у Андрюхи работал водителем в какой-то организации — ну, скажем, в райисполкоме. Потому что ходил на работу в костюме и при галстукe, а водил легковой автомобиль, на котором приезжал домой обедать. Больше своей работы любил он якшаться с “мусорами” — дружинником каким-то числился народным. Ездил с ними в рейды, дежурил на дорогах. Когда после охоты или рыбалки попадались такой заставе, Андрей Андреевич обнимал моего отца:

— О, сосед! С этим, ребятки, всё в порядке, — говорил он “мусорам”. — Я его знаю и ручаюсь — добропорядочный гражданин.

Отец тоже улыбался, пожимая протянутую руку, и говорил — Шакал! — только миновав милицейский пост.

Шиляевы ни с кем не дружили на улице, но и не ругались. Интеллигентные люди, скажете вы. И я так думал. А потом...

Новый учебный год развёл нас с Андрюхой в разные смены. Тренировки прекратились, но мы с Рыженом по-прежнему тянулись к нашему наставнику и готовы были выполнить любое задание. Выпал снег, пришли морозы. И вдруг улица всколыхнулась. Андрей Андреевич Шиляев с двумя молодёжками милицeйскими лейтенантами ограбил и пытался убить приезжего нацмена. Смаковались подробности. В Южноуральске на базаре этот крупноносый посланец Кавказа подошёл к служебной шиляевской “Волге”:

— Продаёшь, дорогой? Беру, не торгуясь.



И деньгами помахал.

— Продаю, — сказал Андрей Андреевич. — Но не эту. Другую. Дома стоит.

Поехали. Шилиев за рулём, покупатель рядом, сзади два мильтона. Кто-то из них и вдарил нацену по кумполу. Деньги вытащили, поделили, а их незадачливого владельца выбросили в снег, аккуратно напротив кладбища — не помер, так замёрзнет. А этот смуглолицый любитель дорогих машин не замёрз и не помер. Оклемався, добрёл до Южноуральска и в милицию. Начальник построил своих — никого не признал пострадавший. Вспомнили, что Увелка такая есть, совсем рядом. Поехали. Там тоже общее построение — и вот они, голубчики, — хватай, крути! Задержали, допросили. Лейтенантики Шилиева вложили. Того тоже к ответу.

И началась борьба: прокурор хочет посадить преступников, а главный мильтон районный заступається — мол, так и так, мусор из избы, честь мундира. Райком партии молчит, приглядывается — последнее слово за ним остаётся. Потянулись дни томительного ожидания. Лейтенанты под домашним арестом сидят. Шилиев старший на работу ходит, улыбается, здоровается — как ни в чём не бывало. У обеих Тань — мамы и дочери — глаза на мокром месте. Андрей Андреевич младший ходит мрачнее тучи, даже с нами здоровается сквозь зубы. Однажды приказал:

— Вечером подтягивайтесь к школе — дело есть.

Пришли с Рыженом. Андрюха одноклассницу свою показал:

— Вон ту козу отлупить надо. Вдвоём справитесь?

Рыжен кивает, а я нет. Это с виду я такой девчононенавистник, на самом деле мне их от души жалко. Может, детство под опекой старшей сестры сказывалось. Может, воспитание отца — браниться он бранился, но никогда трезвый ли, пьяный, не трогал маму и пальцем. И других женщин тоже. Однажды в застолье соседка Мария Васильевна Томшина закатила отцу пощёчину. стакан с брагой лопнул в его руке. Казалось, убьёт её сейчас, а он ушёл из-за стола, и до конца гулянки возился с нами, малышами — хотя дом-то наш был. Почему красавица-соседка треснула отцу? Обременённый теперь жизненным опытом, думаю, что любила она его — собственный-то мужёнок невзрачненький такой. А отец видный был — лицом чист, грудь гвардейская, силёнка в руках была. Как ей было не влюбиться? Год с небольшим — пока не отстроились — ютились они в оставленной нашей землянке. Напрасно Маруся Томшина вздыхала по моему отцу — строгих моральных правил был человек. Ну и получил за холодность свою...

Думаю, что в отца я удался — такое же романтическое, рыцарское отношение к женщинам. А Андрей — морду набейте.

— Не буду, — сказал твёрдо.

Не до философий в то время было нашему наставнику. Взглянул мельком, толкнул в снег:

— Да пошёл ты!

И я ушёл, и больше не ходил к Андрею, в их дом, не водил — как говорят на нашей улице — с ним дружбу.

Ту криминальную историю — если интересно — доскажу. Короче, покончили с собой лейтенантики — от стыда и позора наложили на себя руки. Один повесился, другой застрелился. Будто сговорились — в один день. Шилиева тут же под стражу. Потом суд — и первый тюремщик на нашей небольшой, в двадцать дворов, улочке.



Как-то пригласил меня Рыжен на Рабочую улицу. Распри наши кончились, и я шёл без опаски, даже с интересом. Ребята там в чьём-то огороде у сарайной стены окоп в снегу вырыли, строчат из самодельных автоматов синюшными от мороза губами:

— Тр-р-р-р...

Швыряются самодельными гранатами:

— Бух! Бух!

Падают раненые, их уносят на носилках в сарай. Все попадали. Рыжен последним. Тащить некому — сам заковылял, постанывая. Пошёл и я. В сарае лазарет — лежат герои раненные, чаёк попивают. Две наши одноклассницы — Люба Коваленко и Света Аржевитина — их перевязывают. Меня тоже уложили.

— Куда? — спрашивает Светка.

Я на лоб показал. Света замотала его бинтом, а Люба чай несёт. Лучше бы она перевязывала — нравится она мне, что тут поделаешь. Теперь, после общеклассного замирения, как-то доступнее стала её красота. Могу смотреть, сколько хочу, а она мне улыбается — ведь я лучше всех мальчишек в классе учусь. Нет, Вовку Матвеева забыл. Тот отличник — как попёр с первого класса, до сего года ни одной четвёрочки в четверти не было. Но так он в музыкалке занимается, его никто и за мальчишку-то не считает. А Любочка действительно мне улыбается и, если б только намекнула — пошёл бы провожать её после школы и портфель бы понёс.

— Ну как? — спрашивают меня парни с Рабочей. Рыжен-то примелькался здесь — моё, свежего и неглупого человека, мнение интересно.

— Примитив, — говорю. — Мы этим до школы переболели.

Любочка слушает, улыбается, вторую кружку мне несёт. И меня несёт.

— Если хотите настоящим делом заниматься, могу предложить следующее. У нас на Бугре такие сугробы намечает, а когда дороги бульдозером чистят, такие горы получаются — выше дома. Мы — нас числом меньше — крепость построим, а вы попробуйте её взять. Сабель с копьями надеваем — сражаться будем. Снежками — вместо гранат.

Моё предложение всем понравилось.

Рыжен решил брать быка за рога — очень ему хотелось в командиры выбиться. На следующий же вечер собрал у себя дома всех одноклассников, живущих по эту, Бугорскую, сторону школы, и мальчишек помладше — старшими-то не с руки командовать. Себя объявил командиром, меня назначил начальником штаба, и я тут же принялся за дело. С Толькиной старшей сестрой Люсей, вдруг заинтересовавшейся нашей воинственной вознёй и объявившей себя начальницей медсанбата, склеили несколько чистых листов, и я принялся чертить карту окрестности. Лучше меня её никто не знал — и лес, и болото. Карта получилась — загляденье. Крестиками обозначил пару мест и буквами подписал “Шт” и “Ск”.

— Это что? — ткнул пальцем косоглазый командир.

— Штаб. Склад. Для секретности, — я подмигнул. — Вдруг карта врагу попадёт — пусть ищут и копаются.

Моё творение всем понравилось.

Заминка вышла с названием нашего отряда. Что только не предлагалось — и “Смерть фашистам”, и “Болотная братва”, и ещё чёрт-те что. Моё



первое предложение — “Гёзы”. Так называли себя восставшие против владычества Мадридского престола жители Нидерландов. С испанского это переводилось как “оборванцы”. Слово Рыжену понравилось, а суть его нет.

— Какие же мы оборванцы? — командир полюбовался на себя в зеркало. — Нет и нет. Думайте дальше.

Тогда я предложил назвать наш отряд “Береговое братство” и объяснил его суть. Так называли себя пираты с острова Тортуги в Карибском море. Это подошло всем, и командиру тоже. Во-первых, живём мы на берегу Займища. Во-вторых, пиратом быть куда как хорошо: грабишь себе да пируешь — никаких забот. В общем, воодушевились мы и сговорились собраться в воскресенье с лопатами начать строить снежную крепость.

Карта осталась у командира. Она просто зачаровала его. Этот придурок всерьёз думал, что, если найти место, обозначенное “Ск”, то откроется целая куча необходимых ему вещей. Он припёр карту в школу и похвастался Любочке Коваленко. Та дальше, и пошла цепная реакция. Короче, после уроков меня похитили — захватили в плен и силком утащили в известный сарай. Бить не били, но допытывались, что я знаю по сути дела. Молчал, стойко перенося пытки (щипки и щекотку), мужественно выслушал все угрозы. Правда, был момент, поколебавший моё упорство. На щеке обнаружилась царапина — от ручки ранца в момент моего захвата. Любочка не запаслась аптечкой и просто поцеловала рану. Вот тут-то дрогнуло моё сердце. И когда Любочка попросила — ну, расскажи — я не сказал решительно “нет”, не мотал, отрицая, головой. Если б в ту минуту она предложила — а хочешь меня поцеловать? — и подставила губы, я, наверное, и Родину бы продал. Но она не догадалась, а я, повременив, справился с желанием стать предателем. Ну чего там — ну чмокнула в щёку, я и не почувствовал ничего. Вот если б в губы... И я продолжал упорствовать.

В конце концов меня отпустили с миром. Сказали, что я настоящий партизан, и такого врага следует уважать. И они уважают.

Нож в спину нашему “Братству” вонзил сам командир. Не знаю, что за наваждение на него нашло — ни есть, ни пить, ни спать он уже не мог спокойно — так овладело им желание найти то место, которое так, смех ради, обозначил я на карте “Ск”. Один он боялся идти в лес. С нами?.. Не знаю, почему он не позвал послушный ему отряд, а взял и показал карту врагам с Рабочей улицы. Может, думал, что те его тоже командиром изберут. И станет он, объединив два отряда, классным лидером. А может, даже школьным. А может... Не знаю, чем он руководствовался, но пошёл на сделку с неприятелем.

В воскресенье все собрались, а он не пришёл. В понедельник в школе всё выяснилось, и наш отряд распался — кто-то перешёл к Рабочим, кто-то остался сам по себе, неорганизованным. А я затаил обиду. На следующий выходной, когда эти идиоты, вооружившись самодельными автоматами, пошли откапывать несуществующий склад, я подговорил Халву с Грицаем (мои уличные приятели) пужануть эту ораву. Валерка с Вовкой — здоровья, их издали легко за мужиков принять можно. На это я и рассчитывал, собираясь разогнать два десятка морд.



Следить за ними не стали — мне было известно место, куда они в конце концов притапают, если не конченные идиоты — не заплутают в лесу или не разберутся в такой прекрасной карте. Добрались до заброшенного сада и — ну уплетать побитые морозом дички. Вкусотища! Увлеклись и чуть не засветились. Вдруг слышим — голоса. Я крадучись на опушку поляны, из-за сосёнки выглядываю — они. Идут и карта в руках. Друзья мои без особой фантазии выскакивают из кустов — чуть меня не стоптали — и навстречу:

— Ага! Попались! Вот мы вас!

— Убью! Зарежу! — входя в раж, орал Халва.

И Вовка вторил ему благим матом. В общем, здорово получилось. Горовояки сыпанули прочь. Рыжен, конечно, впереди. А вот Любочка со Светкой отстают — понятное дело: разве девчонки умеют бегать.

В общем, чешем — они от нас, а мы за ними. Впереди канал, когда-то отрытый для осушения болота, да так и брошенный далеко до береговой черты. Преследуемые стекли в эту траншею и пропали с глаз — с той стороны не показались. Головой верчу — жарят каналом, где-то выскочат — слева, справа. Подбегаем — навстречу деревянная граната летит, кувыркается. Точно Вовке в лоб — везёт же парню на стандартные ситуации. Он упал сначала, а потом вскочил, буйволом взревел и в канал. Следом Халва. Когда я поднялся на высокий берег — внизу шло месиво. Приятели мои крушили всех подряд, не жалея и девчонок. Минут пять происходило что-то похожее на драку — одноклассники защищались и даже сдачи пытались дать. Но вскоре сопротивление было подавлено, и искатели склада ударились в бег. Мне было жалко девчонок, а про ребят думал — пусть побегают: лишним не будет. В сердце, правда, закрадывалась тревога — что-то теперь будет со мной, ведь только-только замирились.

Но всё обошлось — жив, как видите.

Можно ставить точку в повествовании. Но хочется рассказать ещё один эпизод. Он произошёл следующим летом.

После суда над отцом Андрей Шилиев стал раздражительным, нелюдимым. Последнему зима способствует. А вот лето нет: хочешь не хочешь, а надо идти на улицу — без купанья, без футбола разве проживёшь. И Андрей вернулся в общество. Постепенно смазалась его отчуждённость. А однажды заявил мне:

— Катись отсюда, а то в ухо дам.

Я хорошо его знал — слов на ветер не бросает. Готов был подняться и уйти, но пришла неожиданная поддержка. Ближайший сосед и друг детства Мишка Мамаев встрял:

— Только попробуй.

С Андреем они были ровесники. Шилиев ростом повыше, но у Мишки очень сильные руки и вятская упёртость. Только вчера он дрался с Колькой Брезгиным. Этот мордвин был старше Мишки и здоровше. За что наскочил на Мамайчика — не знаю. Поначалу Мишке здорово досталось — кровь бежала изо рта и носа. Но он терпел, и бил, бил, бил... В конце концов Брезгин ударился в бег. Убежал и вернулся со старшим братом — Генкой. Этот вообще взросляк — уже в армии отслужил. У Мишки было время убежать. Но он взял в руки дубину и заявил мордвинам:



— Убью, если не обоих, то одного точно.

И братья отступили.

Может, в упоении этой победой Мишка давал мне теперь поддержку, встал на пути мрачного, жаждущего крови Шиляя и смело глянул ему в глаза:

— Только попробуй.

Андрей взвесил все “за” и “против”, плюнул в мою сторону и отступил. Так закончилась моя старая дружба и началась новая. Не совсем точно сказал сейчас: с Шиляем ещё зимой разбежались, а с Мишкой мы давно (сколько себя помню) знакомы и дружны. Только после этого случая отношения наши стали ещё теснее. Мишка — отпрыск многодетной малообеспеченной семьи — зимой жил и учился в южноуральском интернате. Приезжал домой по выходным. Ждал я эти дни с нетерпением. Летом, понятно, были неразлучны.

Мальчишкам нужны наставники. Не отцы — этого нельзя, того не смей! — а старшие ребята, в отношениях с которыми узаконены правила: пошли со мной, делай как я, попробуй лучше моего. Так и получилось: окончив начальную школу, входили мы в подростковую жизнь, имея свой собственный пример для подражания.

Кока Жвакин, как вы помните, остался на второй год и откололся от нас. Да ему кроме братьев никто и не нужен был.

Толян Рыбак, задружив с Пеней, пристрастился к куреву и воровству. Крал деньги дома, в магазине. Шоколадки с витрины. Собирал “бычки” на остановках. Лупил его отец за это. Однажды и мне досталось. Центром их жилища была большая русская печь, а вокруг неё три комнаты и кухня, сообщающиеся дверями. Борис Борисович и в минуты воспитания чад не изменял своим сибаритским привычкам.

— Так, — объявлял он. — Сейчас я тебя выпорю.

Вставал и начал освобождать ремень из брюк. Только занимал исходную позицию (Бориска-то послушным рос). И начиналась потеха. Рыбак бегал по комнатам вокруг печи с криками:

— Папочка, не надо! Больше не буду!

Бориска ликовал на печи — чтоб под ноги или горячую руку не попасть. Женщины — мать с бабкой — забивались в угол и переживали за сына, боясь гнева главы семьи. Отец и сын наматывали круг за кругом. Правила игры были справедливыми — иногда, умаявшись, Борис Борисыч отступал, другой раз Тольке не везло. Однажды мне не посчастливилось заявиться к другу в такую минуту. Увидав открытую дверь, Рыбак решил сжульничать — ринулся на свободу. Меня сшиб на пороге. А потом и ремня ещё досталось. Пока Борис Борисыч разобрался...

Рыжен тянулся за Шиляем. Только Андрей после несчастья с отцом становился день ото дня всё хуже — пристрастился к куреву, спиртному, запустил школьные дела. Погружался, словом, в пучину грехов и Рыжена за собой тянул.

Не буду обременять вас рассказом, — может в следующий раз? — что дал мне Мишка Мамаев, какие привычки привил. Только был он, был и остаётся, человеком правильным. Шибко мне с ним повезло.

**пос. Увельский
Южноуральского района
Челябинской области.**



Ольга ШЕМЕТОВА

“Разлука является тайной...”

Кукла

Да, это было двадцать лет назад...
Мне подарили куклу.
День был странен.
Замедленности вычурный фасад,
Густые кудри,
Город в панораме,
А главное, её спокойный взгляд
Во мне не зародили подозренья,
Что двадцать лет спустя (или назад?)
Всё это вспомню. И забытым зреньем,
Что ожило, хоть отжило давно,
Опять солнцестояние увижу,
Блестящий рот и платье, что длинно.
Но думая устало: “Ненавижу...” —
Незванный образ выброшу в окно.
А он вернётся, будет в дом стучаться
С той стороны стекла, когда темно
И нету никого из домочадцев.

Стук далёкого топора
Погружает в себя вода.
Ночь открыта как дверь. Гора
Зацепилась за провода.

Звук скрывает во тьме следы
От крылатых ничьих авто,
Что летят в даль чужой беды,
Озаряя пустой бетон.

Ольга ШЕМЕТОВА

родилась в Кокчетаве. Окончила художественно-графический факультет университета им. Ч. Валиханова, работала учителем рисования, черчения и дизайна в школе.

Ныне живёт в Москве. В 2003 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького, публиковалась в “Юности”, “Литературной учёбе”, “Дружбе народов” и других литературно-художественных, а также сетевых журналах: “Альтернатива”, “Пролог”, “Журнал литературной критики и словесности”, “Филград”. Участница сборника молодых писателей России “Пролог”, (выпуск 5, Москва, ВАГРИУС, 2006 год.).

Работает шеф-редактором отдела светской хроники в центральном офисе издательского дома “Провинция”.

В “Ниве” публиковалась в 2002 году.



Стук далёкого топора
Скоро стихнет. В иную суть
Погружаясь, скажу: "Пора..."
И добавлю: "Не обессудь".

Чёткий рисунок ветвей по весне
Сделался тоньше, чем лица во сне.
Не потому ли искрится в воде
Солнечный луч, а неведомо где
Тихо луна тает в дымке окон,
И освещая безлюдный балкон,
Белыми пятнами шарит по лбу,
Тем завершая свою ворожбу?
Ей безразличен всяк реюший стяг.
Но у меня остаётся пустяк —
Пропуск в старинный и чопорный круг
Там, где не валится время из рук,
И молодая холодная даль
Выглядит так же, как лета медаль,
Где отчеканен отчётливо Бах
С жёлтой сигарой в прозрачных губах.

Жёлтые дома

Жёлтые дома прячут свои колонны
Там, где управление статистики обнажило небо
И выпускает дворника в земное лоно,
Приоткрывая двери как крышку гроба.
Ветер спокоен. Оранжевая блуза
Смотрится странно на фоне у "Мерседеса",
Который заглох и тем обозначил узы,
Коими связана жизнь с идеей прогресса.
В "мерсе" сидит секретарша, что вертит сферу
Услуг в бесконечно прекрасных пальцах.
Дворник не спорит, а принимает на веру
Всё, что она говорит. Сквозь пустые пальца
Чёрных очков ей не видно начала века,
Так как его закрывает сквозящий угол
Белой руки, над которой струёй "Казбека"
Небо играет и улочка морщит губы.
Шалым винтом — оглушительный рёв мотора,
Чистые окна маркета "У Алины".
Дворник вырастает медленно в глубь простора,
Как богатырь новоявленный из былины.

Разлука

Разлука является тайной, которой в ней нет.
На первое время она припасает паёк,
В надежде, что случай изменит движенье планет,



И мёртвая птица опять на рассвете споёт,
Ожив по причине ритмичного боя часов,
Способных любовь воскресить и соперничать с тьмой,
Бегущей меж пальцев, как локон бежал за висок
От жгучего ветра однажды бесснежной зимой.
Но в этом звучанье не встреча имеет задел,
Застенчиво прячась за взгляд из-под суженных век,
Чтоб локон, описанный выше, слегка поседел
Ещё до того как родиться рискнёт человек.

Идущий

На улице лежит уса́тый клён,
Распиленный посередине веком,
Который, предыдущим закалён,
Прикинулся идущим человеком,
А также всем, чем можно выбить глаз,
То бишь пролезть в ушко иголки в сене.
Идущий, заблудившись в энный раз,
В лежащем клёне чувствует спасенье,
Что ищет неокрепшая душа
Его перед знаменiem с Востока.
Идущий не находит ни шиша
И понимает, как это жестоко.
Событий нет, из фактов выжат сок,
Разбила бабка банку с огурцами...
Идущий вдруг становится высок.
А почему — о том судите сами.

Земная жизнь есть перечень хвороб.
Поскольку я всего не понимаю,
Ладонь вдруг опускается на лоб,
И лето прекращает ось земная.

Комета повторяет свой сезон
И снова одиноко догорает.
Об этом говорил ещё Назон.
И я смирилась с тем, что я вторая.

Лишь ветер избежал паралича...
Бесследно тают призраки над полем.
Назону бы уместней промолчать,
Но он любил, а значит, был не волен.

Кивнули мне, как будто невзначай,
Седые облака в закатной дымке,
Чтоб скрыла от людей свою печаль
И в ночь ушла, где ветер-невидимка



Холодным дуновеньем обожжёт
Моё лицо, и сразу станет легче,
Где в тёмных небесах наперечёт
Далёких звезд блестящий крупный жемчуг,
Где бродят сны по улицам пустым
И с городом я словно незнакома.
И чей-то силуэт в окне застыл,
В пустом окне покинутого дома.

Не зная смысла бытия,
По жизни я иду на ощупь,
Догадку странную тая
От суеты, стараясь проще
Смотреть вокруг, чтоб мир утрат
Любить и вечером молиться,
Ждать ночи, зная, что назад
Не суждено мне возвратиться.
Ждать друга, зная, что всегда
Сквозь сумрак синий электрички
Летят неведомо куда,
И кто-то, тихо чиркнув спичкой,
Быть может, вспомнит обо мне,
А может, навсегда забудет,
И удивляться в тишине
Сплетеньям бесконечным судеб.

Пылящееся небо, звёзд парад,
Кусты сирени, каменные плиты.
Но прошлое нельзя вернуть назад,
И дремлет сад, как будто позабытый
Самим собой. Лишь капает роса.
И страшно одинокому рассвету
Входить в него сквозь чьи-то голоса,
Из темноты и вечности приметы
Невольно различать в усталом сне
Поникших трав и в сумраке, кипящем
Всем тем, что привело его извне
Сюда, в никем нехоженую чашу.

Раздвинуто пространство тишиной.
Разомкнуты невидимые стыки.
Времён и ветра шёпот за стеной
Любой красноречивее улики
Способен обвинить пустую ночь
В бессмысленно растраченном покое.
И тени звёзд не в силах превозмочь



Сиянья снов над чёрною рекою.
И в бесконечность серо-голубым
Ножом сознанья режется начало
Грядущих дней, но неисповедим
Смысл тишины, что ветер умолчала.

Не гаснет яркая звезда
На сумрачно-безмолвном небе.
Пусть где-то стонут поезда,
А кто-то, о насущном хлебе
Забываясь, даже позабыл
Как светят утренние звёзды,
Но ветер вешний быстрокрыл
И ни о чём мечтать не поздно.
Ведь тени старых тополей
Вновь отразятся в лужах странно,
И кто-то, выйдя из дверей,
Войдёт нежданно-нежданно
В бескрайний мир, где бал весны
Так неизбывен и неистов,
Что все забывшиеся сны
Манят сквозь звёзд последних искры.
Небрежно прядь коснулась лба,
Шумит чуть слышно ветер вешний...
Здесь непредвидима судьба,
Но не темно во тьме кромешной.
Здесь звонкий смех приносит свет
И чудеса неповторимы,
И о минувшем грусти нет,
И я, судьбой своей хранима,
Иду неведомо куда
Сквозь зимы, вёсны и печали,
В чужих глазах не видя льда
И слёз своих не замечая.

Снова сырости и мяты
Запах сладкий и пьянящий.
Облака плывут куда-то
Над лесной притихшей чашей.
Я опять слежу невольно
За безудержным скольженьем.
Только мне уже не больно
Окунаться в отраженье
Нерассказанной печали,
Что в глазах рассвета тлеет,
Ничего не замечая,
Ни о чём не сожалея.

г. Москва.



Виктор МИНИН

Нечего нам делить...

В начале сентября 1940 года в село Боровое Курской области пришло письмо, а в нём фотография симпатичного парня — шахтёра Григория Горелкина из строившейся в ту пору Караганды — будущей, как говорили тогда, третьей угольной кочегарки СССР.

На фотографии надпись: “На долгую вечную память папаше дарю, из далёкого незнатного шахтёрского края шлю я вам карточку на вечную память.

С приветом, ваш сын Григорий, 27 августа 1940 года”.

В апреле 1941 года, за два месяца до начала Великой Отечественной войны, Григорий Горелкин был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. А осенью того же года красноармеец Григорий Горелкин пропал без вести в боях на киевском направлении, попав в мясорубку, унёсшую жизни сотен тысяч советских солдат и командиров.

А в 50-е годы в Караганду приехала юная девушка Анна Горелкина — моя будущая мать. Пережив девчонкой гитлеровскую оккупацию и рано потеряв родителей, она приехала в Караганду с нехитрыми пожитками, захватив с собой на память дорогие ей вещи — потёртый кожаный бумажник, а в нём фотографии умершего отца, солдата Первой мировой войны, отравленного немецкими газами в Галиции, пережившего коллективизацию, чудом избежавшего сталинских лагерей, и брата Григория — солдата Второй мировой. А ещё она знала, что в Караганде живёт

**Виктор
Михайлович
МИНИН**

родился 3 декабря 1956 года в Караганде. Окончил заочно факультет журналистики КазГУ имени С. Кирова и двухгодичное отделение Алма-Атинской высшей партийной школы.

В средствах массовой печати республики с 1977 года. Начинал в районных газетах Карагандинской области, работал в восточноказахстанской областной газете “Рудный Алтай”, республиканской газете “Советы Казахстана”, областной газете “Индустриальная Караганда”, советником заместителя акима Карагандинской области по вопросам внутренней политики. В настоящее время — заместитель редактора региональной газеты “Шахтёрская неделя”. Был одним из редакторов энциклопедии “Караганда. Карагандинская область”, редактором трёхтомной “Книги памяти карагандинцев, погибших в годы Великой Отечественной войны”, составитель и редактор “Книги памяти погибших в Афганистане”.

Победитель международного конкурса на лучшую публицистическую работу газеты “Комсомольская правда” (1978 год, второе место), республиканского конкурса “Альянс Банка” “Культурный проект “Моя Родина — Казахстан” (2007 год, 3 место). За материалы о работниках органов правопорядка дважды отмечен дипломом министра внутренних дел республики. Дипломант конкурса областной организации Союза журналистов РК в номинации “За мужество и профессионализм”. Трижды — “Золотое перо” областной газеты “Индустриальная Караганда”.

В “Ниве” выступает впервые.



немало раскулаченных и сосланных сюда боровчан, и помнила, что Гриша в своих письмах сообщал, что жизнь в Караганде хотя и не из лёгких, но сытная — с голоду не помрёшь. Будет возможность — приезжай.

И она приехала. Работала на 48-й шахте запальщиком-взрывником. К сожалению, с годами затерялась фотография, на которой Анна Петровна при полном параде в шахтёрской робе перед спуском в забой.

Когда при Никите Хрущёве женщин-шахтёрок из-под земли вывели на поверхность — дескать, не женское это дело уголь добывать — трудилась почтальоном, затем четверть века — в военизированной пожарной охране, была награждена медалью “За безупречную воинскую службу” всех трёх степеней и редким по тем временам знаком “Отличник пожарной охраны”. А её фотография ещё и после ухода на пенсию висела на Доске почёта управления пожарной охраны УВД Карагандинской области.

Да, со временем были возможности уехать в родную деревню, но зачем? Даже после возвращения из отпуска, во время которого навещала родных курян, и не заикалась об отъезде — от добра добра, как говорят в народе, не ищут.

И даже когда в трудные 90-е годы сотни тысяч казахстанцев уезжали за пределы республики, мои родители, несмотря на то что было куда ехать, вовсе не помышляли об этом: “А зачем, нам и здесь неплохо! Здесь наш дом, здесь наши дети, здесь наша Родина”...

Помню Артек. В далёком теперь уже для меня 1971 году я возглавлял делегацию юных корреспондентов Казахстана на юнкоровской смене в этой всесоюзной детской здравнице. Однажды на вечере интернациональной дружбы представители республик выступали со своими концертами-представлениями: узбеки — на узбекском, татары — на татарском, киргизы — на киргизском языках... Я сидел рядышком со своими московскими друзьями и старателем, правда, не дословно, переводил их выступления на русский язык. Наверное, мои переводы были неточны, но в общем-то, недалеко от смысла оригинала, однако у столичных ребят они вызвали восхищение, тем более что выступавшие подтвердили — да, об этом мы пели и рассказывали.

— Откуда ты знаешь столько языков? — с удивлением вопрошала меня очаровательная москвичка Таня (ныне — народная артистка Российской Федерации Татьяна Догилева).

— Да не знаю я столько языков. А в школе мы изучаем казахский, вот и понимаю немного, чуть-чуть, благодаря ему некоторые другие тюркские языки — они немного схожи. Будешь знать казахский — поймёшь и киргиза, и татарина.

К сожалению, из-за отсутствия нормальной языковой среды, а следовательно, и общения как такового на языке-носителе (среди городских детей-казахов мало кто знал в ту пору свой родной язык) мне не удалось развить свои языковедческие познания. Но и тогда, и сегодня позиция моя однозначна — каждый из нас должен знать не только свой родной язык, но и язык тех, с кем живёшь рядом, с кем общаешься. А благодаря языку, как известно, постигаешь и культуру другого народа, который становится тебе близким и родным.

А ещё помню москвичку Светлану Офицеркину, которая с удивлением спрашивала: “Ты из Казахстана? А тогда почему не казах?”. Мои попытки убедить её в том, что в нашей республике живут не только казахи,



но и представители более сотни других национальностей и народностей, в том числе и русские — много русских — увенчались успехом.

— А у меня родственники живут в Алма-Ате, — в конце нашей “дискуссии” вспомнила Света.

— Казахи?

— Почему казахи? Русские...

После службы в армии была стопроцентная возможность остаться в Москве и получить квартиру в престижном районе советской столицы — нужно было только дать согласие поработать на строительстве спортивных объектов будущей московской Олимпиады 1980 года. Несмотря на заманчивое предложение, отказался — в гостях хорошо, а дома, как известно, лучше. Как говорят у нас, русских, где родился, там и пригодился...

С тех пор прошли десятилетия и мне уже за 50. Да, было всякое за эти годы, в том числе и неприятные моменты. Увы, доводилось слышать и вроде того, ехали бы вы, русские, в свою Россию. Но говорили это люди недалёкие, живущие одним днём. Я не уехал — остался. Хотя осадок на душе был. В Чернобыле в 1986 году мы не делились на своего и чужого — беда была на всех одна, она сплотила нас, а потому плечом к плечу, в условиях радиоактивного облучения, занимались ликвидацией последствий взрыва ядерного реактора многие карагандинцы — казахи, русские, немцы, корейцы... Знаю это не с чужих слов — сам видел.

Но был в том памятном году ещё и декабрь, когда казахская молодёжь вышла на площади многих городов республики. И это выступление отнюдь не было проявлением казахского национализма, о чем поспешили известить весь мир коммунистические бонзы, обвинив в этом пресловутом национализме целый народ.

Спустя несколько дней после тех событий, поздним вечером, я возвращался с редакционного дежурства. Несмотря на время суток, свободных мест в салоне автобуса не было. Похоже, мне стало плохо, что заметили сидевшие неподалёку от меня ребята-казахи:

— Садитесь, пожалуйста!

— Да нет, ребята, спасибо!

Не слушая возражений, они осторожно усадили меня на освобождённое ими место. Вроде бы мелочь, но — запомнилась.

А разве спрашивали мы национальность друг друга, когда в августе 1989 года тысячи казахстанцев и представителей других республик тогда ещё СССР собрались у села Караул Абайского района Семипалатинской области на митинг протеста против испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне, организованный набиравшим силу международным антиядерным движением “Невада — Семипалатинск”? Пожалуй, именно тогда я впервые в жизни увидел, что наяву, а не по книгам, представляет из себя сила народного гнева. Мы, вне зависимости от социального статуса и национальности, были едины в своём стремлении раз и навсегда покончить с ядерным монстром на древней казахской земле.

Делить нам нечего, Казахстан — наш общий дом, о чём недвусмысленно задекларировано в основном Законе Республики Казахстан — “Мы, народ Казахстана...”. И, возможно, придёт день, когда мы, дети разных народов, будем говорить: я — казахстанец. Говорить с гордостью, как, например, американцы — нация, в которой кого только по своему происхождению и цвету кожи нет. Но и за тридевять земель от родного дома граждане

этого великого государства с пафосом заявляют: я — американец. А мы, казахстанцы, чем хуже?

... На международной конференции в Астане, посвящённой десятилетию Стратегии “Казахстан-2030”, глава государства Нурсултан Абишевич Назарбаев в своём выступлении подчеркнул: “Задачи по укреплению мира и согласия в казахстанском обществе стали следующим важнейшим приоритетом долгосрочной стратегии национального развития.

Все наши стратегии остались бы красивыми намерениями, если бы в стране все эти годы не было спокойствия и мира.

За годы независимости мы реализовали собственную модель сохранения и укрепления межнационального согласия, которая называется “казахстанский путь”.

Одним из основных институтов казахстанской демократии и эффективным инструментом достижения межэтнического согласия стала Ассамблея народа Казахстана, которая прошла эволюцию от консультативно-совещательного до конституционного органа.

Наша стратегическая задача на будущее — дальнейшая консолидация общества и формирование единой казахстанской конкурентоспособной нации”.

... Делить нам нечего — мы живём в единой стране, единой большой и дружной семье. И только такой “многодетной” семье по силам претворить в жизнь всё то, что намечено. Ну скажите, почему бы нашей стране и не занять, причём не в отдалённой перспективе, а в обозримом будущем одно из самых достойных мест в ряду наиболее высокоразвитых и конкурентоспособных государств мира!

г. Караганда.





Марат ИСКАКОВ

Марат
Омарбекович
ИСКАКОВ

по образованию горный инженер. В 1965 г. окончил Карагандинский политехнический институт. Автор двух поэтических сборников "Своя дорога" (1997 г.) и "Время памяти" (2006 г.). Живёт в г. Шахтинске Карагандинской области.

В "Ниве" выступает впервые.

Ещё в строю

Ветераны войны!
Столько видено вами.
Столько пройдено
огненных троп и дорог.
И не вычесть из памяти
верной, как знамя,
Роковой и тревожный
военный урок.

Вот горнило судьбы —
пойте, медные трубы! —
Сквозь которое вам
довелось перейти.
Врукопашном "Ура!"
вы кричали всей грудью.
Вы мужали, страдая
на ратном пути.

Не нарушена связь.
Взрывы бомб не утихли.
Стонет гулко земля
от безжалостных ран.
Мёртв расстрелянный лес
и деревья поникли,
Торжествует злодей,
ненавистный тиран.

Ваши судьбы воспеты
В романах и песнях.
И не кончилась будто
поверка в строю.
Вы крепки, ветераны, ещё,
ибо честны,
Ибо молоды вы —
на переднем краю.

Прозрение

Моя судьба, подрагивая клетью,
Ходила по стволам не раз, не два.
То темень ночи на клочки рвала,
То мчалась вверх к божественному свету!

В соседстве с ними годы пребывая,
Темнее недр не видел ничего.
Однако я ошибся глубоко —
Темней душа у злого негодая.

Да, ярче солнца и светлее нету —
Так я считал в невежестве своём.
Но вот душа, что рядом, а не где-то,
Сияла мне светлее солнца днём!

Весна

Приходит всё в движение весной:
Снега в полях задумчиво дымятся,
Проталины то здесь, то там искрятся,
Ручьи журчат, взрывается покой.



Ещё сугробы видятся кой-где,
Украдкою ползёт дыхание стужи.
Но вопреки всему сверкают лужи,
Играют блики солнца на воде.

Капелей звон улавливает слух,
Язык весны торжественен и светел.
Спешит к нему степных просторов ветер,
Крылат и вдохновенен словно дух!

Приходит всё в движение — и зришь,
И чувствуешь: продолжилось, случилось,
Дыханье новизны в тебе открылось
В изломах света вешнего, зари.

Елена ИГНАТОВСКАЯ

Я одна, мы вдвоём
Эту песню споём,
Принакрывшись зонтом тополиным,
Я шепну в тишине:
“Вспоминай обо мне
Серым утром и вечером длинным”,

Я прошу: “Не забудь
Мягкий свет, трудный путь
И созвучие наших желаний”,
И под лунным дождём
Мы с тобой переждём
Боль обид и соблазн расставаний.

И беда — не беда,
Я с тобой, не одна
На ковре из конвертов шуршащих.
Ты при новой луне
Не забудь обо мне
Под воздействием чувств настоящих...

Ты не понятен мне как солнечный поток,
Что проецирует надежды и загадки,
И я опять иду на этот светлый зов,
Сквозь чудный сон, не зная, где всему исток,
Где расставания горьки, а встречи кратки,
Где поединок наших взглядов, а не слов.

Пытаясь разгадать туманный силуэт
И магнетизм твоих оков инопланетный,
Мы робость наших глаз сменяем болью строк,



Но в наказание сердцу тихо шепчем “нет”,
Запнятав глубоко в душе секрет заветный,
А недосказанность сажается в острог.

Контрастный веер снов и чувственный расклад
Никак не сходятся в загадочном пасьянсе,
Ты не понятен мне как этот лунный свет,
Который отблеску звезды случайной рад
На разрисованном рукой судьбы фаянсе,
Похоже, и на нём мне не найти ответ...

В трезвости дня, в ожиданиях трепетной ночи
Крепкими нитками стянута в узел петля,
Душится то, что прижиться в итоге не хочет,
И выбирается всё “вопреки”, а не “для”.

Пусть нелегко философию эту разрушить,
Жаль, что опять разрывает на части тоска,
В каменный панцирь укутаем тщательно души,
Чтобы никто никогда ничего не искал!

Выбросим всё, заматав безжалостно в кучи:
Чувства, эмоции, роли... Зачем их хранить?
Больно? Не бойтесь, от этого тоже отучим!
Раньше летали? Так ведь перспективней ходить!

Сон волшебства в обладании правдой не ценен,
Треснула гладь помутневших от боли зеркал,
Мы и не мы остаёмся на жизненной сцене
Под одобрение слов, обязательств, похвал...

Бессонница

Ночами мне не спится,
Жестоки истязания,
И в подреберье спица
За это в наказание.

Пошевелиться больно,
Ворочаюсь намеренно,
Лекарство где? Довольно!
Глотаю неуверенно...

Наверное, поможет,
До ста считаю медленно,
Сомнения по коже,
Нет, не уснуть — проверено.

На потолке узоры
И свет ложится блёстками,
Пустые разговоры
В душе моей загвоздками.



Из темноты зигзаги
Врываются в сознание,
Искомканы бумаги,
Не ночь, а наказание!

Будильник у кровати
Совсем тихонько тикает,
Я призраком в халате
Стою, в квартире тихо так.

Не спится почему-то,
А бродится по комнатам,
Минута за минутой,
Но я не здесь, я где-то там.

И до утра так долго,
В окно взгляну на улицу,
Бескрайняя дорога,
Где ночь и я лицом к лицу...

г. Павлодар.

Михаил КОХНОВИЧ

Апрельское

Чёрный аист подранком кружится
Над Полесьем с увечным крылом,
И не видит: куда ж опуститься,
Где сыскать непокинутый дом?
Из Чернобыля атомный кратер
Распылил многоликую Смерть,
И сверчкам, что резвились когда-то
В тёплых печках, как прежде — не петь!
Смотрят бабушки вслед мне с укором,
Будто мною содеян АПРЕЛЬ.
Что вина? Если с песней нескоро
Возвернётся на Припять свирель.
Те луга, где сливался я с небом,
Утопая в роскошном стогу,
Вместе с юностью канули в небыль.
Нету больше стогов на лугу!
Лягушата подставились птицам
Омертвелым зелёным бочком,
Не простится нам грех, не простится,
Даже тем, кто как я, ни при чём!
Что скажу я печальной Олесе,
О местах, где схоронен отец?..
Чёрный Аист кружит в поднебесье,
Гиблой зоны злосчастный жилец!

г. Астана.



Екатерина ДЕМИДОВА (ЕЛЕЦКАЯ)

О, степь моя, моя отрада...

О, степь! Простор неведомых травинок,
 О, многоцветья тонкий аромат!
 К тебе душа рванулась от тропинок,
 В которых мир бесцветный виноват!
 Степь юности моей: и ширь познаний,
 Богатство красок, радостей, надежд.
 Высокий горизонт, власть обещаний,
 Мой самый непокорный Эверест.
 Мой Казахстан, моя любовь и мудрость,
 В свой неуверенный и грустный миг
 Моя душа летит к тебе, обуглясь,
 Во времени и крике, напрямик...
 И лишь в тебе моё отдохновение.
 Ласкает сердце, возвращает свет
 Простая мысль о маленьком селеньи,
 Где прожила я столько чистых лет...
 О, степь моя! Седой ковыль прохлады
 Тепло земли веками бережёт.
 И сердцу нет другой такой отрады,
 И лишь в степи мой голос запоёт.
 Он запоёт, он вырвется на волю
 И над бескрайним миром закружит,
 И бесконечной неусыпной болью
 На стебельке травинки задрожит...
 И возвратится милость вдохновения,
 Я поднимусь опять над суетой.
 И стану петь в прекрасном упоеньи
 Над степью обречённо-золотой!..
 О, степь моя, о, край мой незабвенный!
 Ты есть, живёшь! Тебя благодарю
 За то моё счастливое везенье
 И трепетную жизнь в твоём миру...
 Ты мой приют, а я твой скромный дом...
 Мы о любви без устали поём...

г. Москва.

Наталья УСТЬЯНЦЕВА

Когда в безумии ночном
 Тебе мерещится прозреньё,
 И фитиля немое тленье
 В мрак погружает мирный дом,
 Запомни это озаренье,
 Прочувствуй Высшее Творенье
 Твоей души, её желаний,
 Глубинных истинных мечтаний
 И следуй в направлении том.

г. Караганда.



Айгуль БИДАНОВА

Почтение к поэту — для народа честь



Шакарим, несмотря на свою трагическую судьбу, сквозь всю жизнь пронёс идеалы добра, милосердия, справедливости. И нам, потомкам, завещал он в своём разностороннем творческом наследии не уклоняться от этого пусть нелёгкого, но единственно верного пути. Сейчас, когда на рубеже эпох всё человечество нередко сталкивается с непростыми морально-этическими проблемами, особую актуальность приобрела выделенная Шакаримом в особую науку категория Совести. Неудивительно, что 150-летний юбилей выдающегося поэта, философа, мыслителя Шакарима Кудайбердиева, торжества в честь которого прошли в Семее и Абайском районе Восточно-Казахстанской области, стал событием не только для его земляков-казахстанцев, но и приобрёл мировое значение. В праздничных мероприятиях принял участие государственный секретарь Республики Казахстан Канат Саудабаев, огласивший послание главы государства Нурсултана Назарбаева, в котором говорится: “Будучи великим талантом и продолжателем классической поэзии великого Абая, Шакарим оставил народу огромное литературное наследие, являющееся народным достоянием, служащее воспитанию молодого поколения в духе гуманизма и человечности. Он — гордость казахского народа!”.

На земле Шакарима

Почтение к поэту — для народа честь.

Поэзия украшает жизнь, как есть.

Пусть, акинаком проникая в грудь,

Возвысит душу, поднимая до небес.

(Перевод М. Султанбекова).



Эти строчки Шакарима словно вдохновили организаторов торжеств. По сути, весь 2008 год прошёл в Казахстане под знаком юбилейной даты. 150-летию Шакарима были посвящены республиканский айтыс акынов, игры народного спорта на призы акима Восточно-Казахстанской области, медиа-форум, спектакли “Шакарим” и “Абай — Биржан”, поставленные музыкально-драматическим театром имени Абая, трёхтомник сочинений Шакарима, изданный писателем Ролланом Сейсенбаевым, документальные фильмы “Уш анык”, “Возрождение забытого”, “Земля Шакарима”.

Научно-исследовательским центром Семейского государственного педагогического института “Шакаримтану” впервые в истории издана энциклопедия “Шакарим”. Готовится к выпуску клавир песен Шакарима, собранных и обработанных местным автором Ахмеджаном Аргынбековым.

В историко-краеведческом музее Семей развёрнута экспозиция о творчестве Шакарима, по материалам которой организована передвижная выставка по школам региона. В библиотеках области открыты книжные выставки, тематические полки, экспозиции на тему “Наследие великого Шакарима”. На базе Семейского государственного университета имени Шакарима прошла научно-практическая конференция “Творчество Шакарима в контексте казахской и мировой культуры”.

Апофеозом торжественных мероприятий стало открытие в Центральном парке культуры и отдыха Семей памятника Шакариму. Этой волнующей минуте предшествовал республиканский конкурс на лучший проект, принять участие в котором стало честью для лучших ваятелей страны. В итоге жюри определило победителями скульптора Казытая Нарысова и архитектора Шоту Валиханова, чьё художественное видение образа великого мудреца нашло одобрение деятелей культуры и отклик в сердцах горожан. Шакарим Нарысова и Валиханова прост и величественен, задумчив и деятелен, близок и возвышен одновременно.

Почтить память Шакарима, воздать должное его таланту, творчеству, ставшему неоценимым вкладом в сокровищницу казахской и мировой культуры, в Семей приехали видные государственные и общественные деятели, учёные, представители культуры и искусства, потомки поэта.

Отдавая истории долг

Празднование грандиозной даты, как и осознание в полной мере величия и масштаба личности и творческого наследия Шакарима, долгие десятилетия находившегося под запретом, стало возможно благодаря политике Нурсултана Назарбаева, акцентирующего внимание на возрождении национальной культуры и традиций, возвращении из забвения великих сынов Степи. Достаточно назвать инициированную президентом государственную программу “Культурное наследие”. Сегодня мировое сообщество рассматривает её, в широком смысле поднявшую дух нации, как культурный феномен, открывший новые горизонты для поисков и исследований в различных отраслях знаний.

— Сегодня мы выполняем свой долг перед историей, — подчеркнул, выступая на торжествах, Канат Саудабаев. — Мы ещё раз преклоняемся перед талантом и творчеством одного из величайших сынов казахского народа, который внёс огромный вклад в национальную и мировую культуру.



Шакарим Кудайбердиев — великий поэт и мыслитель, талантливый продолжатель реалистических традиций великого Абая. Являясь его преемником, Шакарим продолжал нести идеи просвещения в широкие народные массы.

Всего двадцать лет прошло с момента реабилитации в 1988 году творчества Шакарима, но благодаря планомерному внедрению в жизнь под эгидой Министерства культуры и информации государственной программы “Культурное наследие” многогранное творчество талантливого поэта, учёного, композитора стало близко народу. На книжных полках заняли зиявшие пустотой места принадлежащие перу Шакарима трактаты по философии, этнографии, этике, истории и религии. Не оценим его вклад в дело воспитания подрастающего поколения, ведь в своих ранних произведениях Шакарим призывал молодёжь учиться у Абая, выступал за чистоту нравов, воспевал искренние чувства, человечность, стремление к знаниям.

Сам Шакарим — пример вечной тяги к знаниям. Особое внимание мыслитель уделял изучению восточной и западной классической литературы. Самостоятельно овладел арабским, персидским, турецким, русским языками, много путешествовал. В 1903 году был принят в члены Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. В 1905-1906 годах посетил Мекку, Мысыр, Стамбул, работал в библиотеках, пересылая по почте в Семей приобретённые им книги. На основе материалов, собранных в ходе поездки, написал и опубликовал ряд книг, посвящённых истории казахов.

Творчество Шакарима пользовалось в народе огромной популярностью, а сам он видел миссию в служении ему:

*Призвание человека — служить народу.
Не сбиваться с истинного пути,
Сохранить совесть, знай это.
Стремись постигнуть знания и искусства.
Невежда же останется глупцом.*

(Подстрочный перевод Заки Ахметова).

Личность энциклопедического масштаба

— Окрылённые духом национальной идеи, мы занялись собственными поисками, создав научно-исследовательский центр “Шакаримтану”, — рассказывает ректор СГУ имени Шакарима профессор Ерлан Сыдыков. — Главной нашей задачей стало комплексное изучение жизни и творчества Шакарима в контексте гуманитарных наук. Нынешний юбилей поэта и мыслителя мы встретили крупными научными достижениями, среди которых особо хочется отметить издание многотомника серийного научного сборника “Вопросы шакаримоведения” и персональной энциклопедии “Шакарим”. Ведь и сам Шакарим — личность энциклопедического масштаба!

Действительно, для всестороннего понимания гуманиста Шакарима в последнее время ощутило зрела необходимость появления основательного труда, который охватил бы все грани его личности и творчества. Поэтому приоритетным направлением работы научно-исследовательского центра “Шакаримтану” стала подготовка персональной энциклопедии



“Шакарим”. К сложному процессу было привлечено около ста профессиональных учёных, напряжённо и кропотливо творивших в течение пяти лет. И результат не обманул ожидания.

В персональной энциклопедии полностью охвачено всё литературное наследие Шакарима, проанализировано каждое поэтическое и прозаическое произведение. Не остались без внимания труды по различным отраслям знаний: истории, культуре, религии, философии. Изучены все понятия, встречающиеся в творчестве Шакарима. Отдельным разделом в энциклопедию включены воспоминания сына Шакарима Ахата.

“Шакарим” — это новое слово в отечественной персональной энциклопедистике. В мировой практике традиция подготовки подобного вида научной литературы широко распространена, но в Казахстане этой чести ранее удостоился лишь Абай, его персональная энциклопедия увидела свет под редакцией Рымгали Нургали. Знаменательно, что в год 150-летнего юбилея Шакарим по праву вошёл в когорту избранных, чьи персональные энциклопедии стали для многих настольными книгами, — А. Данте, У. Шекспир, И. Гёте, Ф. Шиллер, Р. Бёрнс, Э. По, Ч. Диккенс, А. Теннисон, А. Стендаль, У. Блейк, М. Сервантес, В. Пюго, Р. Киплинг, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Достоевский, Т. Шевченко. Символично, что многие из перечисленных литераторов глубоко почитались Шакаримом, их произведения благодаря лирическому переосмыслению казахского поэта стали широко известными в степи песнями.

— Мы надеемся, — говорит доктор исторических наук Ерлан Сыдыков, — что энциклопедия “Шакарим”, фундаментальный труд по изучению творчества и личности мыслителя-гуманиста, не просто подарок к 150-летию юбилею, но и конкретный путь к поиску новых направлений в развитии вновь обрётённой науки — шакаримоведения.

Увидев знамя свободы

Действительно, шакаримоведение, скорее, не новая, а “хорошо забытая старая” наука, так как своё чёрное дело сотворили годы репрессий и запретов. А ведь первыми исследователями творчества Шакарима были Алихан Букейханов, Жусыпбек Аймаутов, Мухтар Ауэзов, так что первый период шакаримоведения составляют статьи, опубликованные ещё при жизни мыслителя.

Названные имена мгновенно вызывают ассоциацию с “Алаш-Ордой”. И это не случайно — её лидеры были дружны с великим философом, который разделял их политические взгляды. Это подтверждают и многие доклады, прозвучавшие во время научно-практической конференции “Творчество Шакарима в контексте казахской и мировой культуры”.

После победы в 1917 году февральской революции в августе в Оренбурге прошёл первый общеказахский съезд, по решению которого была организована партия “Алаш”. И все шакирты из поэтического окружения Абая поддержали её политику, опубликовав в газете “Сарыарка” обращение к народу, в частности, утверждая: “Мы следуем за партией “Алаш”. Там истинные наши предводители”. На второй общеказахский съезд, проведённый в декабре 1917 года, Шакарим был приглашён персонально, став после него бием “Алаш-Орды”.



*... Пошёл следом, ухватившись за подол образованной молодёжи.
Зачем находиться попусту,
Когда увидел знамя свободы?*

(Подстрочный перевод М. Султанбекова).

В начале марта 1918 года в Семипалатинске из-за противостояния последователей “Алаша” и большевиков произошла трагедия, словно бы ставшая предвестником грядущей катастрофы: к тренирующимся волонтерам конно-пешей милиции, созданной по указу “Алаш-Орды”, подошли солдаты и произвели без предупреждения выстрелы. Погиб учащийся учительской семинарии Казы Нурмухамбетулы. Шакарим после похорон произнёс в общем-то пророческие слова: “Это первый гражданин “Алаша”, принёсший в жертву нации свою ангельскую душу”.

Но и после падения самопровозглашённого правительства Шакарим с детской чистой душой поэта пытался добиваться справедливости, тем самым приближая момент расправы...

Уже на первом этапе шакаримоведения лидеры “Алаша” определили и показали особое место Шакарима в казахской культуре. На второй период приходятся статьи, опубликованные в так называемый “туманный период”, когда имя Шакарима не произносилось вслух. В 1978 году в Ленинграде в издательстве “Советский писатель” в серии “Библиотека поэта” был издан сборник “Поэты Казахстана”, куда Мухтаром Магауином были включены 14 стихотворений Шакарима. Это был поистине героический поступок, ведь опубликовать стихи поэта в тот сложный период на казахском языке в Казахстане было невозможно. Поэтому издание стихов Шакарима в самом центре страны в переводе видных русских поэтов В. Рождественского и В. Цыбина вызвало особый всплеск в общественном сознании.

Ныне шакаримоведение переживает третий — постреабилитационный — период, уже защищено более тридцати диссертаций по творчеству поэта, разносторонне раскрываются личность мыслителя-гуманиста, мощь познавательной и художественной глубины его произведений.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.



Владимир СОН

Легенда земли целинной

В один из августовских дней столица прощалась с выдающимся Человеком современности, нашим глубокоуважаемым и высокопочтимым патриархом, прекрасным соотечественником, славным, достойным Гражданином страны. Кан Де Хан! Да, именно так, с восклицанием произносилось в те дни его имя. Так под аплодисменты прощаются с любимыми артистами, под мажорные мелодии с музыкантами и певцами. С легендами своего времени.

Его земной путь замкнулся на 96-м году жизни. Когда человек навечно покидает белый свет в таком возрасте, кончина воспринимается как неминуемый исход. Но случившееся содрогнуло сердца всех, знавших его. Он всю жизнь вёл аскетический образ жизни, был умерен во всём и всегда. Единственное исключение в этом ряду — его пожизненная горячая неуёмность в делах и житейских заботах своих земляков и соратников, в последние годы она выражалась в вопросах об этом к людям, навещавшим его. И им не верилось вчера, что он, истинно и беззаветный их любимец, ушёл навсегда. Прошлым летом ему трогательно и взволнованно организовали торжества в связи с 95-летием, у всех было пожелание такой встречи через пять лет. То были не просто возвышенные слова. Все верили в это. И сам он, растроганный и расстроенный (зачем мне такие пышные почести?) говорил, что был бы рад новым встречам с дорогими ему людьми. Таким крепышом и оптимистом он был в тот июльский вечер.

Последний путь Кан Де Хана к новому вечному месту был не близок, почти сто вёрст. Его волей и пожеланием было упокоиться на сельском погосте незабвенной для него Новокубанки. Этому селу он отдал всю жизнь. Эта земля, взлелеянная им, вознесла его на высокий гребень славы, полвека назад Кан Де Хан был





удостоен высшей награды страны за трудовую доблесть — золотой звезды Героя Социалистического Труда.

Его провожали всем миром. Как в добротном доме с крепким хозяином — а это благословенное село и было его родным домом — готовясь к печальному расставанию земляки привели в порядок улицы и переулки, освежили после недавних пыльных бурь сквер перед Дворцом культуры, который был возведён Кан Де Ханом в далёкие годы целинной эпопеи. Трогательным выглядело всё: траурное убранство зала. Подготовленные стенды с фотографиями прошлых лет, периодика, которые восстанавливали в памяти большую, богатую на события историю знаменитого во всей советской стране колхоза имени 18-летия Казахстана. Без малого сорок лет Кан Де Хан бессменно (!) председательствовал здесь, работал неистово и упоённо. Растил большой казахстанский Хлеб — имя существительное, — сельского пролетариата. Становление некогда безнадежно отсталого колхоза началось в послевоенную пору, продолжилось в бурные годы освоения целины. На стенде памятные фотографии тех лет: Н. С. Хрущёв со свитой, казахстанские руководители. Кан Де Хан одинаково был уважаем и почитаем высокими партийными деятелями, хотя у народа отношение к ним не всегда было однозначным. Таков был авторитет сельского вожака. А сам народ всегда горой стоял за своего принципиального, справедливого колхозного лидера.



На траурном митинге над площадью как искры взлетали яркие, точные, взволнованные эпитеты и образы, из которых воскресал светлый лик дорогого сельчанам человека, с которым связаны судьбы людей. Многих замечательных тружеников, сверстников славного председателя нет в этой жизни, его дела продолжают сыновья, внуки. Как и прежде на полях выращивается хлеб, несмотря на всякие сельские реформы, многое в укладе этой деревни остаётся как при Кан Де Хане. Приехавшие из столицы люди говорили: видывали другие сёла в своей области, и впечатления удручающие — запущенные, депрессивные места. А Новокубанка воспринимается как благотворный оазис на таком фоне, она по-прежнему «святая как хлеб деревенька моя». Это строка из песни знаменитого казахстанского поэта Владимира Гундарева, он долгие годы был дружен с Дмитрием Хасеновичем, этим чародеем земли.



Да, Кан Де Хан в миру был Дмитрием Хасеновичем. В далёкие 40-е годы, приняв хозяйство, первой просьбой молодого председателя колхоза была называть его так. В этом все увидели его интернационализм. Новокубанка состояла из людей разных национальностей, в основном сосланных в казахскую степь политическим режимом. Но его просьба, говоря современным языком, не была дешёвым пиаром. Почему-то тогда народ сразу поверил ему. И несмотря на то, что очередной ставленник райкома партии за считанные годы был уже десятым колхозным “головой”. Местные люди вообще впервые видели человека восточной национальности. В поминальных речах для молодёжи было интересным и поучительным узнать и другое: депортированных корейцев не принимали в коммунистическую партию, отправляли не на фронт, а в тайгу и шахты так называемой трудовой армии. Кан Де Хан же ещё до войны, будучи депортированным в Астраханскую область, сумел так проявить себя, что уже в 1939 году стал председателем колхоза “Красноярец”, был принят в ряды ВКП(б), предшественницы КПСС. Но к концу войны астраханские корейцы подверглись второй депортации. Так Кан Де Хан оказался в захолустном Шортандинском районе. Здесь предыдущий послужной список сыграл свою роль, он вновь стал председателем.

И ещё о многом другом вспоминали люди. Заместитель председателя областного совета ветеранов Магавья Сеиловна Исмагамбетова — а она многие годы была секретарём Целиноградского обкома партии — страстно говорила о нечеловеческой работоспособности Кан Де Хана, его потрясающей, изумляющей скромности. Он был честен и кристален, как чистый родник целомудрия и гуманизма. Он был символом своей эпохи, в достойном смысле этого слова. Выступающая приводила красноречивые примеры ярких достижений колхоза по многим направлениям. Когда пошла реорганизация системы колхозов, лишь несколько хозяйств оставили в прежней форме, среди них “18 лет Казахстана”. Именно как колхоз он был призван доказать свою состоятельность — коллективное хозяйство (не в пример нынешним некоторым частным, уродливым и обанкротившимся). Кан Де Хан сумел сплотить коллектив на долгие годы и десятилетия, потому что в основу были положены его высокие нравственные критерии, его мудрая крестьянская философия. Именно о науке мудрого руководства говорил на митинге один из его преемников, ныне депутат парламента Жексыкбай Дюсембаев: “Когда мне поручили, доверили руководить колхозом, я испытывал большое волнение, меня одолевали сомнения. Как работать после Дмитрия Хасеновича? Мне очень повезло. Он не уехал из села, а ведь в городе ему, Герою Труда, выделялась хорошая квартира. Все мои председательские годы мой наставник был рядом. Я многому научился у него. Сегодня я преклоняюсь перед его памятью. Я благодарен счастливой судьбе”.

О выдающемся человеке земли целинной говорили секретарь Акмолинского облмаслихата Саят Есенжолов, специально приехавший на похороны из Кокшетау, бывший секретарь обкома партии Иван Тимошенко, аким Шортандинского района Тимур Жангуразов. Ветераны труда, соратники Дмитрия Хасеновича. Гордостью Казахстана, верным сыном земли казахской, страстным патриотом дела, душой коллектива называли Дмитрия Хасеновича выступающие. Многие сотворено этим человеком на нелёгкой целинной земле. Колхоз был мощным многоотраслевым образцовым хозяйством в республике. Он славился высоким уровнем социального развития, люди жили зажиточно, счастливо. Их трудовыми усилиями под

руководством замечательного вожака колхоз заносился на Доску почёта ВДНХ СССР (Выставка достижений народного хозяйства). А достижения были очевидными и бесспорными. Во всём. Если говорить о культурном секторе — первым в области колхозному хору в то время было присвоено звание народного. В Новокубанке председатель колхоза первым построил Дворец культуры, спортивный комплекс с бассейном, и это в те далёкие годы, когда многие совхозы могли лишь мечтать о такой роскоши.

До последнего дыхания Кан Де Хан, любимый Дмитрий Хасенович, был окружён вниманием и заботой, несмотря на проживание в Астане. Раз в месяц ему доставляли продуктовый набор, снабжали предметами обихода. А душа его продолжала трудиться. За несколько недель до кончины он подготовил выступление к 100-летию академика А. И. Бараева, который спас Целину от губительной ветровой эрозии. Кан Де Хан был его соратником.

Запомнились слова Людмилы Ивановны Липской: «Сегодня мы прощаемся с самым родным человеком в нашем селе».

г. Астана.

Из почты «Нивы»

Уважаемая редакция журнала «Нива»!

Я с огромным интересом прочитал опубликованную в 7-м и 8-м выпусках вашего журнала увлекательную повесть Марата Масалина «Необычный пассажир», в которой идёт речь о деятельности подпольной организации ТОРВА, замыслившей в прошлые годы подрыв гидротехнических сооружений в бассейнах рек Амурары и Сырдары для спасения Аральского моря.

Является ли эта повесть лишь литературным вымыслом автора или имеет под собой всё же реальную основу?

Такой вопрос на первый взгляд может показаться наивным, но я решился его задать не случайно.

Мой интерес к подобного рода затеям по спасению Арала отнюдь не праздный и носит вполне конкретный профессиональный характер. В августе этого года на 5-й Международной конференции «Мониторинг ядерных испытаний и их последствий», которая традиционно проводится институтом геофизических исследований Национального ядерного центра Республики Казахстан в посёлке Боровом, я представил доклад на тему «Подземные ядерные взрывы как фактор перераспределения подземного стока и противофазного поведения уровней Аральского и Каспийского морей». Замысел этого доклада я вынашивал не менее 10 лет и откладывал его по ряду причин, связанных в основном с развалом единой системы управления водным хозяйством Арало-Каспийского региона, которую не удалось восстановить в полной мере до сих пор. Сейчас вдогонку к опубликованным уже тезисам своего доклада я готовлю более обширную научную публикацию на указанную тему.

Не скрою, что в связи с этим при обзоре идей и проектов по спасению Арала мне трудно удержаться от соблазна сослаться на повесть М. Масалина, как достоверный источник знаний.

Полагаю, что Марат Маселевич, сам непосредственно задействованный в научной деятельности, поймёт это моё стремление и развеет сомнения в отношении реальности подпольных замыслов ТОРВА.

С искренним уважением и пожеланием творческих успехов,

Борис Николаевич ГОЛУБОВ,
ст. научный сотрудник
института динамики геосфер РАН.

г. Москва.



Владислав ВЛАДИМИРОВ

Возвращение к истокам

*Правдивое слово о прекрасной жизни и вечных книгах
моего верного друга и побратима
Саина МУРАТБЕКОВА*

1.

Сколько знал и знаю Саина — а знакомству и дружеству нашему уже более полувека — для меня он всегда был и остаётся эталоном писательской и людской красоты самой высокой пробы. Он всегда был (и таким уже навечно остаётся в памяти всех, кто его знал близко) устойчив, спокоен, смел и надёжен.

Вроде как на трёх китах: — **правда, порядочность, мужество.** Самые великолепные и самые трудные человеческие качества.

О них наш брат журналист и писатель частенько и всласть порассуждать готов, но лично не интегрируясь с ними или же воссоединяясь только наполовину, а то и того меньше.

А Саин смолоду обладал ими сполна. Это было для него самое главное. Как по жизни, так и по творчеству.

Пожалуй, мало кто из писателей Казахстана, заявивших о себе в конце 50-х годов, увы, минувшего XX столетия, не значился так долго в **молодых**, как Саин. Сказывалось тут, конечно, и наше общее лукавое обольщение в определении творческих возрастов, и подкрепляемая им инерция творческого обихода: иному коллеге “постарше” и похвалить приятнее “молодого”, и поругать тоже легче.

Его первый сборник лирических новелл и рассказов под ласково-нежным названием “Моя сестрёнка” вышел в 1961 году.

Если кому подзабылось это бурное время, напомним слегка, что оно целиком и полностью принадлежало полуреволюционной поре (так называемой **оттепели**) Никиты Сергеевича Хрущёва, вчерашнего самого верного сталинца, неспроста объявившего себя самым верным ленинцем, ради личной безграничной партийно-державной власти скрутившего (его излюбленная формула) “в бараний рог” всех, кто встал поперёк дороги к ней, и даже тех, кто не встал.

Подлинным творцом **оттепели**, как не раз мне говорил незабвенный Димаш Ахмедович Кунаев, был его давний единоведец, беспеременный, при любой политической погоде, друг-академик Леонид Фёдорович Ильичёв, с которым и мне довелось быть знакомым отнюдь не шапочно.

Но Хрущёва мало смущали приёмы, с помощью которых он обворовывал на ладные и на бездарные реформы не только Ильичёва, а и Сталина, Троцкого, Вознесенского, Берию, Маленкова, Косыгина, Брежнева, Кунаева, приписывая всё успешное только себе, а неудачное сваливая на последствия так называемого **культя личности**, на коварные происки маоизма и мирового империализма, а также неудачную погоду.

Это было в год новой денежной реформы и геройских прорывов Юрия Гагарина (12 апреля) и Германа Титова (6-7 августа) в Космос, в год XXII съезда КПСС, выноса Сталина из Мавзолея и единодушного принятия



новой Программы КПСС, лучезарно обещавшей коммунизм в СССР к 1980 году, но при известных условиях, коль даже тогда вдуматься, заведомо не выполнимых.

Но не только нам с Саином вдумываться было некогда — жили мы все тогда невероятно одержимые чудной идеей, безустальными трудами во имя достижения светлых целей, под мажорным маршем коммунистических бригад: “будет людям счастье, счастье на века у Советской власти сила велика” и праведным кличем: “пусть земля горит под ногами тунеядцев”, духоподъёмной поэзией Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Олжаса Сулейменова...

Два года ещё оставалось Саину до заветного диплома, но уже тогда всё отделение журналистики Казахского государственного университета (тогда) имени Кирова увидело в нём значительного новеллиста.

Однако мнение его земляков из семиреченского села Конур Капальского района тогдашней Талды-Курганской области было ему ещё дороже и — намного ответственней. Ответственней потому, что односельчане, чуть ли не в один голос, потребовали от 25-летнего писателя немедленного продолжения его первой книги.

Несмотря на преддипломную горячку, он всей душой внял им.

В 1963 году мы оба получили свои дипломы из рук бессменного председателя Государственной экзаменационной комиссии, главного редактора старейшей семиреченской газеты “Огни Алатау” Вениамина Ивановича Ларина, признанного мэтра казахстанской журналистики.

А к следующему году Саин перенёс в название своей новой книги часть заголовка нашей газеты, куда меня Ларин сосватал сразу же на должность заведующего отделом культуры.

Книга у Саина так и называлась: “Огни аула” (1964).

Первыми литературное письмо Муратбекова заметили и добрым словом напутствовали видные казахские писатели Хамза Есенжанов и Абу Сарсенбаев. О самобытном творчестве Саина высоко отзывались Сабит Муканов, Абдижамил Нурпеисов, Вениамин Ларин...

Габит Мусрепов проникательно предрёк:

“В цветущем и плодоносящем саду нашей многонациональной литературы молодому дереву чуткой прозы Муратбекову суждено уверенно расти и быть видным издавека”.

Василий Шукшин — и я тому свидетель — называл Муратбекова своим “родным казахским братом”.

Высоко отзывались о творчестве Саина главный редактор журнала “Дружба народов”, классик советской литературы Сергей Баруздин и его пожизненный верный сподвижник, тоже большой и верный друг Казахстана Леонид Теракопян.

Справедливости таких оценок в самой большой степени способствовал адекватный перевод прозы Саина с казахского языка на русский, мастерски осуществляемый известным московским прозаиком Георгием Садовниковым.

Учительствуя в сельских школах, работая в областных газетах, заведая отделом прозы в самом популярном казахском журнале “Жұлдыз” (“Звезда”) (его тираж доходил до 200 тысяч экземпляров, не уступая знаменитому “Новому миру” Твардовского), старшим редактором киностудии “Казахфильм”, заведующим сектором художественной литературы ЦК Компартии Казахстана,



главным редактором республиканской писательской газеты “Казак адебиети” (“Казахская литература”), секретарём правления Союза писателей Казахстана, Саин никогда не забывал про своё главное призвание.

Год от года выходили у него книги рассказов и повестей — одна другой лучше: “Нива” (1967), “Дом молодых” (1968), “Дикая яблоня” (1972), “Ищу друга” (1973), “Камен-тугай” (1974), “У тёплого родника” (1980)...

И вот тогда вдруг как-то совершенно неожиданно обнаружилось, что перед нами уже **зрелый** автор. И, по-моему, этому в самой немалой степени способствовал выход в 1976 году не где-нибудь, а в библиотеке славного союзного журнала “Дружба народов”, руководимого давними друзьями Казахстана и персонально Димаша Ахмедовича Кунаева Сергеем Алексеевичем Баруздиным и Леонидом Арамовичем Теракопяном (издательство “Известия”) весьма почтенной по объёму книги Саина “Запах полыни”, на его творческом счету — шутка ли сказать — тогда десятой. Среди новинок этой библиотеки сборник казахского писателя занял видное место, и о нём подробно заговорила (рад, что и я тут свою руку приложил) республиканская и союзная критика как о книге, ставшей своеобразной антологией его творчества за последние двадцать лет.

На своеобразии написанного Муратбековым, на его умении запоминать передавать не только внешние реалии жестокой военной поры или же современных ему и нам дней, но и сам дух не просто сельского и аульного, а **колхозного бытия** (иного у нас не было!), тонкие движения человеческой души, диалектику характера простого труженика, которого впоследствии разного рода ельцинисты и прочие перевёртыши оскорбительно поименуют **совком**, — на всём этом суровом творческом великолепии единодушно и раньше сходились многие читатели, кому каждая новая книга и даже каждый новый рассказ были самым желанным явлением.

Написанное Муратбековым убеждало в том, что он тонко понимает природу жанра новеллы и рассказа. Во многом он следовал темам Шукшина, Носова, Белова, Ларина и других писателей, превосходно знающих деревню, но у Муратбекова был **собственный** жизненный материал, чей ёмкий национальный колорит никак не схож в психологических проявлениях не только названных выше русских писателей, но и многих казахских литераторов, в творчестве которых **аульная** тема давно не была нова.

Один из самых объективных ценителей прозы Муратбекова Иван Крамов, говоря об излюбленных темах своего казахского собрата, недаром вспомнил слова Шукшина о целом поколении, которое волей социально-общественных обстоятельств оказалось на полпути между селом и городом: “Так у меня вышло к сорока годам, что я — ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже — не между двух стульев, а скорее так: одна нога на берегу, а другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшновато... Но и в этом положении есть свои плюсы... От сравнений, от всяческих “оттуда — сюда” и “отсюда — туда” невольно приходят мысли не только о “деревне” и “городе” — о России”.

В многонациональной литературе Казахстана эту тему в художественной прозе по-своему убедительно и основательно осваивали Иван Петрович Шухов, Дмитрий Фёдорович Снегин, Ильяс Есенберлин, Иван Павлович Щеголихин, Герольд Карлович Бельгер, Магзом Сундетов, Бердибек Сокпакабаев, Александр Николаевич Сергеев (список можно было бы продолжить), в документальной — Вениамин Иванович Ларин, Тельман Жанузаков, Олег Васильевич



Мацкевич, Юрий Владимирович Шапорев... Но всё дело в том, что Муратбекову удалось войти в довольно прилично разработанную тему собственной, неповторимой походкой, никому не подражая и никого не имитируя.

Разумеется, и названные выше авторы обладают собственной творческой походкой, которую трудно с кем-либо спутать, но главное отличие от них Муратбекова заключается, пожалуй, в том, что он умело использует малые плацдармы, казалось бы, самых незначительных, на первый взгляд, фактов для общих философских обобщений, позволяющих в конце концов судить по его рассказам о том принципиально новом социальном качестве нашей сельской и аульной жизни, которое было нещадно порушено после так называемой **перестройки**, предпринятой Горбачёвым при нашем всеобщем равнодушии и покорном попустительстве.

Едва ли состоялись **горбачёво-лигачёвские**, а затем **гайдаро-ельцинские** фокусы в масштабе нашей экс-державы, если бы мы все были бы такими, какими Муратбеков отобразил, взяв их от самой жизни, своих лучших героев — думающих, а главное — **действующих** людей, действующих по совести и справедливости, независимо от значительности их **поста** или **должности**.

Писатель и в мыслях не мог ратовать за те сомнительные моральные “ценности”, которые с придыханием долго отстаивали иные из литераторов, прописанных в прежнем литературно-критическом обиходе по графе **деревенщиков**, потому что он ясно представлял себе: современный ему и нам аул или село — это уже село принципиально новой формации, и печалиться о том, **что** в нём, казалось бы, неизбежно изживало себя, он не хотел — и правильно делал.

Однако это никоим образом не отменяло остроты и напряжения конфликтов отнюдь не локального свойства. О них писатель мог говорить (и говорил!) без излишнего дидактического пафоса, но с обнажённой откровенностью, очень совестливо и требовательно — и никакая цензура не могла ему помешать в том, ибо всё выполнялось не в виде примитивных диссидентских прописей, а на высочайшем художественном уровне, к которому ни у кого и никогда даже в самые худшие для нашей литературы времена **ждановщины** не возникало никаких претензий. Благодаря именно этому, Муратбеков, подобно Шолохову и Ауэзову, Шухову и Снегину, Нурпеисову и Есенберлину, Бельгеру и Щеголихину, всегда мог сказать в своей художественной прозе всё то, что хотел и — говорил в полную меру своего таланта.

И если, положим, тень оскорбительного недоверия падала на честного сторожа Умирбая (рассказ “В стороне”), то для автора это не было мелким частным случаем, а становилось поводом для самых серьёзных размышлений о социальной природе нравственной тупости и глухоты, коими в полной мере было “богато” ничтожество в лице бесфамильного “энергичного продавца”, вызвавшего комиссию расследовать раздутое им же самим “дело” о срыве пломбы с магазинной двери. Как тут не вспомнить “энергичных людей” Шукшина — подлых, безнравственных, общественно опасных, для которых нынешний дикий рынок на всём постсоветском пространстве стал настоящим эдемом-раем.

Зато насколько душевно привлекательны и красивы герои многих других рассказов и новелл Муратбекова — тут и честный, наивный даже на исходе Богом отпущенных ему лет чабан Кусен (“Кусен-Кусеке”), и старая бабушка: “Говорят, самые счастливые люди на земле — матери. Если



это так, тогда самой счастливой среди них должна быть моя бабушка” — этот пресветлый зачин рассказа “Бабушка” не отменяет его печального, трагического конца...

2.

Неповерхностное знание жизни, далеко не сторонняя школа её постижения, иными словами, личная причастность к её самым важным, “профессиональным” аспектам — был колхозником, сельским учителем, рабочим, студентом, журналистом, комсомольским и партийным работником и т. д. — позволяло Муратбекову нащупывать в отображаемой им современной ему и ретроспективной действительности те самые “нервные узлы”, которые в создаваемой им прозе не могут и сейчас оставить равнодушным, пожалуй, даже самых инертных читателей.

Но вот беда и напасть — изменилась вся природа чтения, ещё совсем недавно бывшего славным феноменом нашего прежнего — хорошего ли, плохого, но Бытия с большой буквы. С большой буквы, потому как даже при всех его видимых изъянах и пороках в нашем обществе преобладал не культ ушлого хитрованства, безбрежного насилия и подлой жестокости, а культ подлинной духовности и стремления к высоким идеалам.

Не думаю, что этот позитивный культ аннигилировал безвозвратно, по крайней мере, у нас в Казахстане, где здоровые противовесы, не дающие агрессивной вестернизации разгуляться вовсю, намного сильнее, чем даже в братской России, не говоря уже о других “незалежных” республиках, которых эпидемия, точнее, пандемия этой чумы накрыла с головой.

И здесь всем нам всё лучшее, что есть в творческом наследии Саина, может стать эффективным подпорьем, коль скоро мы не дадим превратить его в данность сугубо архивного свойства. А для этого не надо многих капитальных затрат — достаточно того — и это самое главное, чтобы наши люди о Муратбекове не только в родном ему Семиречье, а и повсюду, прежде всего через школу и библиотеку, знали и помнили сизмальства.

Чтобы каждый вдумчивый его читатель видел, как в исполненных светлой поэтичности его рассказах “Моя сестрёнка”, “Горький запах полыни”, “Детская шалость” и многих других, где всем нам в нравственный урок воскрешены драматичные картины трудного военного детства, в повестях “Весна в Алматы” и “Дикая яблоня”, правдиво запечатлевших непростую жизнь казахского колхоза, ощутил благотворность органического слияния в творчестве казахского прозаика великой школы русского и советского многонационального рассказа с мастерством основоположников казахской советской литературы Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина, Ильяса Джансугурова, Мухтара Ауэзова.

Дело в том, что почти каждый рассказ Муратбекова — это сказ о том, чего как раз и раньше, при так называемом развитом социализме, и сегодня в условиях кардинальной смены социально-политических вех не хватало и не хватает нашему обществу — глубоко психологический сказ о морально-нравственном возвышении человека, лишённый голоса прямого назидания и внешней эффектности.

“Книга, как судно, нуждается в полезном грузе. В обоих случаях трюм не должен быть пустым”, — замечал ныне основательно подзабытый, обладавший титулом народного писателя Эстонии (1965), лауреат Сталинской премии (1952), серьёзный поэт и новеллист, к тому же ещё путешественник и сатирик Юхан Смуул (1922—1971).



В 1982 году, когда в памятные Дни литературы и искусства Казахской ССР мы посетили родину Смуула — остров Сааремаа, этот чудесный край ветряных мельниц, нам раскрыли печальный секрет его преждевременной кончины.

Горестно поведав про это, гостеприимные и хлебосольные хозяева предложили развеять грусть и печаль напитками, которые в конце концов и сгубили классика эстонской литературы. Отказываться было бессмысленно.

Но тяжкий алкогольный морок всё-таки не затмил Смуулу зоркости видения — его меткие слова, приведённые выше, любил повторять Муратбеков, чьи многие новеллы, как у Смуула, обладают и второй, и третьей глубиной “расшифровки”, когда при явной или же кажущейся бесхитростности сюжета проступает многозначность авторского видения жизненных обстоятельств и явлений.

Что же касается общений Саина с истинно народными напитками, то в отличие от Смуула, они были всякий раз весьма умеренными — уж это я знаю, быть может, лучше кого-либо. Но знаю я и другое — он никогда не был и в этом аспекте ханжой и лицедеем.

Теперь уже, на склоне лет, можно (и, видимо, надо) потихонечку снимать все секреты — не только политические, а и сугубо личные и личностные. Не в назидание потомкам, а, так сказать, ради неусечённой правды и вящей истины.

А она, эта истина, далеко не всегда, но всё же и нередко — в хорошем вине.

Вот и однажды, в мою и Саина отпускную пору (дело было летом 1978 года) в санатории “Алатау” мы с ним умудрились проговорить за жизнь и за литературу, за всё прочее, местное и галактическое — теперь в это трудно поверить, но это было только так, а не иначе — 48 часов кряду.

Помню, как возмущался Саин тем, что нынешние молодые литераторы не хотят знать жизнь, отсиживаются по кабинетам или по своим квартирам, их не затацишь ни на село, ни в аул, ни на завод или фабрику, ни в армейский полк или ещё куда, зато они исправно обворовывают один другого на сюжеты — стоит кому-то поведать коллеге, о чём намерен писать, да припоздниться с исполнением намерения, как глядишь — оно уже отматериализовалось в виде уже быстро опубликованного коллегой в газете или журнале рассказа, а то и повести.

А потом, уже после второго, нет, третьего рассвета, не дожидаясь санаторского завтрака, двинули спозаранок к Олжасу Сулейменову — он обитал по соседству с женой Ритой в доме отдыха № 2 республиканского Совмина.

Пока шли не спеша, полной грудью дыша и во все глаза любясь восходом солнца, какой бывает только в горах и нигде больше, самым горным ландшафтом, а по ходу продолжая обсуждать теперь уже мировые проблемы, завтрак в доме отдыха № 2 уже завершился, и встретившему нас на пороге своего роскошного обиталища Олжасу было страшно неудобно, что угостить нас практически нечем, а идти на кухню и показываться там, где тщательно домывалась посуда от остальных номенклатурных едоков-отдыхальщиков, ему, как мы сразу поняли, тоже неловко.

“Ладно. На нет и суда нет, — с весёлой хитрецей улыбнулся Саин Олжасу и незаметно от него подмигнул мне почти заговорщицки. — Но в таком случае, Олжас Омарович, я всё-таки скажу Рите, чем ты совсем недавно занимался в своей творческой поездке по городам и весям нашей очень любимой Родины, а если говорить конкретно, то в...”.



И далее он назвал крупный город, а затем устно и в поясняющих пластических жестах развернул перед Поэтом план своего подробного будущего разговора с его женой о сокровенных тайнах, коими может обладать и безусловно обладает любой молодой и крепкий мужчина на этом свете.

Без вины виноватый Олжас сразу переменялся в лице, но к этой решительной мистификации отнёсся серьёзно, тут же быстро сорвался на кухню и через несколько минут уже мы всё втроем бодро вкушали среднего качества отечественный коньяк и остатки уже порядком подостывшего кухонного рагу.

Отлично помню, как отмечали 60-летие Саина в довольно просторном зале одной из алма-атинских диетических столовых на углу улицы Шевченко и проспекта Ленина (ныне проспект Достык-Дружбы). Юбиляр основательно закреплял каждый тост в его честь, но при всём том не терял ясности ума и устойчивости походки. Было уже далеко за полночь. Но гости расходились очень неохотно. К раннему утру за громадным, как аэродром, опустевшим столом, говоря словами известной песни, “нас оставалось только трое” — Саин, народный артист СССР Асанали Ашимов и я.

О чём говорили столь долго?

Да всё о том же — о жизни и за жизнь.

О любви и за любовь.

О счастье жить и любить, а ещё — читать и перечитывать юбиляра.

Ашимов, великолепно сыгравший в казахском кино роли мирового звучания, искренне сокрушался, что по прозе Муратбекова (по его сценарию) поставлен всего лишь один художественный фильм “Возвращение сына” (снят был в 1977 году), тогда как можно и надо было экранизировать многое из им написанного.

Великий актёр Ашимов был прав.

До сих пор слышу его приятный, чуть с хрипотцой, баритон и совершенно справедливые утверждения в пользу **живой** кинематографичности прозы Муратбекова, где нет или почти нет проходных, обезличенных и стёртых персонажей, а есть **живые люди**, интересные нам прежде всего своим морально-этическим здоровьем и своим истинным **коллективизмом**, который прежде звался **советским**, а ныне, уже лишившись своего названия, к громадному счастью для всех, в Казахстане всё-таки не канул в Лету, а остался — иначе бы нам никогда не вылезти из Беловежской ямы, а ведь не только вылезли, но и показали всем, как надо жить и что надо делать даже в самых непредсказуемых исторических, политических, экономических и прочих обстоятельствах.

Задолго до перестроечных передрыг и последующих удивительных чудес Муратбеков сумел показать и доказать, что именно в советском коллективизме (да назовите его как угодно, он всё равно как реальная данность не исчезнет) заключены истоки непреходящего активного добра, которое отнюдь не стихийно, а вполне осознанно движет героями.

Проявления этого коллективизма у них различны и многомерны, как сам непростой мир муратбековских произведений, будь то новелла, рассказ, повесть, пьеса или киносценарий — в этих жанрах автор чувствовал себя уверенно не только в смысле творческих заявок. Но эти проявления зафиксированы им не плакатно и не лубочно (хотя плакат и лубок сами по себе — это тоже искусство), а в серьёзном реалистическом ключе, отвергающем пассивное авторское отношение к происходящему с его героями, знакомство с которыми облагораживает, властно заставляет задуматься над истинным смыслом жизни.



Вот почему — напомнили мы с Ашимовым нашему юбиляру — многое из написанного им по-настоящему стало духовно не только казахскому или русскоязычному читателю, но и зарубежному. Прежде всего читателям тех стран, что составляли бывшее социалистическое содружество, тоже бездарно, ни за грош или понюх табаку уступленное нами своим извечным оппонентам.

Его рассказы издавались, например, в сборниках “На земле космонавтов” в Германской Демократической Республике — я там их сам видел. И в антологии “Близкое — далёкое” — она мне в Чехословакии тоже встречалась, как в Венгрии сборник под названием “Призовой бегунец” с участием в нём (сборнике) не только Саина, но и Абиша Кекилбаева, Дулата Исабекова, Магзома Сундетова, Акима Тарази...

Приходилось признать, что зарубежные немцы (зарубежные потому, что своих, казахстанских, у нас было 1 миллион, который, как честно сказал “немецкий сын казахского народа” Герольд Карлович Бельгер, мы безвозвратно потеряли из-за массовой их миграции-эмиграции на так называемую историческую родину), так вот, зарубежные немцы, исконно свои венгры, чехи, словаки и другие восточноевропейские ценители казахской прозы подают (вернее, подавали) её своим читателям гораздо бережнее и красивей, чем это делалось у нас.

Но Бог даст, ещё наступят и для наших литераторов благословенные времена, когда издательские галушки, как по Гоголю в его “Ночи перед Рождеством”, у Пацюка, сами будут прыгать в рот.

Это было приятно слышать Саину.

А в общем-то к своей писательской известности он относился спокойно и с немалой долей самоиронии.

И вновь повторены были правильные слова Хемингуэя:

“Один человек не может ни черта!”.

И вот что опять выяснилось: у юбиляра при полном формальном соблюдении единичности главного персонажа — взять, например, колхозника Камена из рассказа “Камен-тугай” или чабана Кусена (рассказ “Кусен-Кусеке”) или старуху Узипу из рассказа “В стороне” — неизбежно получится, что **личности** у него — все **действующие** в том или ином рассказе **лица**.

Постоянное возвращение к истокам активного добра и умение ненавязчиво опозитизировать его, не греша против истины, вовсе не означает того, что Муратбеков сентиментально идиличен и ему по душе розовая бесконфликтность, а плохих людей в свою литературу он не берёт совсем.

Как бы не так. Если бы в доперестроечное время выставить на суд строгой аульной общественности (поезжайте в аул или читайте роман Бельгера “Туюк су”, и вы увидите, что от неё сегодня, увы, остались рожки да ножки) то, что “сотворил” чабан Кусен, получив причитающийся ему немалый заработок (“...рассовал по карманам, за пазуху и за голенища сапог пачки денег”), то эта общественность безусловно не одобрила бы его поступка: надо же умудриться — прогулять такую массу денег! Плохой, значит, Кусен. По всем статьям неважнецкий — ведь у него семья, и возраст не тот, когда можно позволить себе кутнуть во всю ширь своих желаний. И он к тому же способен прощать злые дела другим. Но вот парадокс — прочитаешь внимательно рассказ и откроешь: а Кусен-то человек превосходный!

Его гостеприимство просто-напросто беспредельно и бескорыстно — тоже. И хотя он в отличие от писателя никогда не читал Сент-Экзюпери, наивысшее счастье он видит в живом человеческом общении, а единственное,

чего он желает — так это чтобы гости приезжали не все одновременно, ибо всё же тесновата для всех его старая юрта, а по очереди, так, чтобы никогда не переводились.

И в этой истинно славянской широте казахской души лично мне видится сам автор.

Нельзя сказать, что деньги у Кусена дармовые. Нет, и он и его жена трудятся денно и ночью, но ему денег не жаль ни для кого, и тут Кусен простодушно готов помочь даже проштрафившемуся, точнее, проворовавшемуся заведующему ларьком Бисултану, у которого ревизия обнаружила крупную недостачу, тем более что к этому его льстиво подбивает заведующий овцефермой — какое-никакое, а всё же начальство, неутомимости и доводам которого Кусен искренне удивляется:

— Все мы виноваты, Кусеке. Один брал в долг одно, другой — другое. Разве всех упомнишь? — сказал заведующий овцефермой.

— Конечно, конечно, — закивал Кусен, боясь, что люди подумают, будто он не доверяет Бисултану.

И кротко стоявший рядышком Бисултан тоже кивнул, мол, так оно и было”.

Писатель, колоритно передавая социальные эмоции былой казахской глубинки 50-х — 60-х годов XX столетия, уже тогда исчезавшей не только в аспекте географическом, но и в душевном, не делал своих героев старшего поколения сверхнаивными, такими простодушными взрослыми детьми степей и гор. Честные и доверчивые, они хорошо понимали, что к чему в этом сложном, противоречивом мире, и кругозор их — примером тому образ Кусена — не был ограничен только лишь родным аулом.

Но зло — в любой его испостаси — не вписывалось в круг их жизненного кодекса ещё и потому, что сами они являлись реальным воплощением активного добра не только в тогдашней аульной жизни, но и в той, что ей предшествовала, о которой они вспоминать не очень любят, потому что она была неизбежно связана с самым великим злом на белом свете — смертями дорогих друзей. Тот же Кусен — “воевал, освобождал многие города, осознал огромность земли. До сих пор перед его глазами стоит смерть товарищей, казахских и русских джигитов. А вот спроси его, бывшего пулемётчика, как заряжал пулемёт, он не помнит”.

Это, конечно, авторская лукавость: “не помнит”.

Нет, в жизни Кусен помнит **всё**, и как пулемёт заряжать тоже не забыл. Но самое главное для его памяти и для его каждодневных поступков — это умение дорожить миром, отвоёванным в боях, уважать неустанный труд, высококочтимый его согражданами, и быть готовым прийти к любому хорошему человеку с добром. И — представьте — даже прийти с этим добром не только к хорошему, но и к “номинально” плохому человеку, твёрдо полагаясь на силу добра, которая и “плохого” может сделать хорошим.

И тут автор оставляет читателя наедине с возникшими непростыми мыслями, которые замучили не одно поколение философов, историков, писателей, поэтов et cetera: в чём вековечный смысл жизни, да и есть ли он вообще, если добродетельность героя уподобляется попыткам отапливать саксаулом Космос? Ну вот помог Кусен изжулившемуся продавцу Бисултану сохранить свою голубую “Волгу” и не держать ответа перед народным судом за недостачу, а стал ли лучше от этого Бисултан? Или свояк-взяточник, владелец высокого пятикомнатного, с красивой железной крышей дома вдруг усовестился и начал жить с чистого листа, по-новому?



Дудки! Но этим людям и многим другим, подобным им, недоступно то, что для Кусена являлось смыслом его бытия — не скопидомничать: “И тут его осенило, что они отказывают себе в простых удовольствиях, что они не позволяют себе сделать приятное себе и другим людям... Кусен вспомнил счастливые лица родичей, когда те получали его подарки, и успокоился”.

Лёгкая ироничность, ныне напрочь позабытая прозой, превратившейся чёрт знает во что, счастливо сопутствовала (и сопутствует!) спокойно-раздумчивым рассказам Муратбекова: “В ауле есть радио, и газеты приходят, но старый беспроволочный телеграф работает быстрее. Только новости разносит он не всегда одинаковые”...

Эти новости степного “узун-кулака” (в буквальном переводе с казахского “длинное ухо”) были очень важны для всех в ауле, пожалуй, не меньше, чем весть о запуске с казахстанского космодрома Байконур нового космического корабля — и там, на далёкой орбите, и здесь, на колхозной земле, люди для всех в ауле были одинаково близки и дороги, как родные. Ведь тогда не было среди них ни прожжённых деловаров вроде Чубайса, ни ушлых аферистов типа Мавроди и Смагулова, а была главенствующей в нашем обиходе самая человеческая формула — **чужого горя не бывает и чужих людей тоже**.

Эта же доминанта характерна и для другого рассказа Саина — “Камен-тугай”. В нём речь о простосердечном и чудаковатом колхознике Камене, отце большого-пребольшого семейства и страстном радетеле природы: никто не обязывал его, никто не подсказывал ему, никто не взывал к его гражданской совести, а вот взял он без всяких подсказок под своё личное шефство мрачный овраг, построил у его крутого склона саманный домик и вырастил на месте оврага тугай — большую рощу из тополей и берёзок, не забывая тем временем и о пополнении собственного семейства. “Ну и Камен, — говаривали ему. — Не поймёшь, чего больше становится: деревьев в тугае или у тебя детей?”.

На этом можно было бы поставить автору точку — и всё равно вышла бы всамделишная философская притча. Но Саин не был бы самим собой, если бы не уснастил эту красивую новеллу, возвышающую человека над повседневным бытием, невыдуманной жизненной тревогой о разном, что стучится в сердце доброго и деятельного Камена — тут и беспокойство о судьбе внезапно повзрослевшей Айкен, надумавшей выйти замуж за джигита из соседнего колхоза, и строгий вопрос, обращённый к самому писателю — тот часто присутствует при всём, о чём пишет: “Ты читаешь много. Как там в газетах разных? Какой ветер нынче дует, с какой стороны? Только бы войну не принёс с собой...”.

3.

Есть литераторы, которые, приступая к работе над своим новым произведением, охотно подзаряжают себя настроением от вещей классических или просто признанных, усиленно читают и перечитывают эти вещи, надеясь их искрами воспламенить собственное вдохновение. Один не может обойтись без общения с Львом Толстым, другой — с Хемингуэем, третий — с Гайдаром и т. д.

Сам Гайдар (знаю это со слов одной из его жён, работавшей корректором в конце 50-х годов XX столетия в типографии Президиума Верховного Совета Казахской ССР) в этом плане обожал тяжеловесные переводные

тексты британского классика Уильяма Теккерея, автора знаменитого, но мало кем читаемого романа “Ярмарка тщеславия” (1848).

Не выдам секрета, если скажу, что Саин, когда брался за новую вещь, решительно отказывался от чтения каких бы то ни было других авторов.

“Боюсь сбиться с собственной тропинки”, — так это он всё объяснял — очень просто и понятно.

Но вот однажды Саин (я знал, что он опять основательно засел за рабочий стол, обратился ко мне с довольно необычной просьбой:

“Во всей Алма-Ате не могу раздобыть роман Маркеса “Сто лет одиночества”. Все по нему с ума сходят. Помоги, если сможешь”.

“Смогу, наверное, хотя и не очень уверен”, — отвечаю я, но через несколько дней всё-таки передаю Саину с превеликими трудами добытую книжку Маркеса — в ней ещё оказалась и его (Маркеса) повесть “Полковнику никто не пишет”.

Спрашиваю у Саина:

“Ты что, без этих штук написать свою никак не сможешь? Перевод, судя по всему, неважнецкий. Это тебе не Иван Кашкин — тот Хемингуэй сумел перевести, как говорится, один к одному”.

“Да, Кашкин — гений перевода. Точно так и Маршак Бёрнса переводил. Мой Садовников их прямо-таки боготворит, — замечает Саин и темнит дальше. — Не знаешь, чему отдать предпочтение — оригиналу или переводу. Оба равноценны. У нас так в Казахстане переводит западных авторов только один Плашевский”.

“А Бельгер?” — интересуюсь, будто бы впервые слышу.

“Бельгер тоже, — моментально парирует Саин. — Но у Бельгера его конёк — XIX век. Особенно Гёте. Созвучия: Абай — Лермонтов — Гёте”.

Возражаю:

“Наоборот: Гёте — Лермонтов — Абай”.

“Без разницы, — упорно не сдаётся Саин. — А Плашевский — это, сам знаешь, XX век. Лучший в СССР переводчик романа Ремарка “Ночь в Лиссабоне”.

“Не “в Лиссабоне”, а “в Лисабоне”. Одно “с”, — говорю Саину с лёгким торжеством.

“Но у Ремарка в переводе Плашевского на титуле любого издания — два “с”, — опять возражает Саин, но теперь уже с небольшим удивлением. — Я русскому языку верю”.

“И я тоже верю. Но ты на всякий случай всё же загляни хотя бы в Советский Энциклопедический Словарь”, — советую тоже настойчиво.

“Давай заглянем сейчас. Зачем откладывать?” — предлагает Саин.

Находим в толстенном СЭС 1979 года издания на странице 724-й чёрным по белому — “Лисабон — Lisboa”.

Одно “с” — как в русском, так и в португальском вариантах.

Спустя неделю Саин вернул мне “русскоязычного” Маркеса:

“Наверное, ты прав. Туфта! Может быть, в оригинале всё это гениально, а пока вот, выходит, зря время твоё и своё растратил...”.

“Вот видишь, — говорю. — А ты не верил. Как с “Лисабоном”.

А Саин только и ждал этой фразы — “с Лисабоном”. Тут же извлёк из кармана пиджака аккуратно изданный “Малый атлас мира” с закладкой на 81-й странице, показал, широко улыбаясь:

“Смотри, смотри, да повнимательней! Тут Лисабон не Лисабон, а Лиссабон! С двумя “сс”!.. Убедился? То-то! И это тебе не энциклопедический



справочник московских издателей, которые даже нашего Ивана Петровича Шухова проигнорировали. Шолохов у них есть, а Шухова — нет... — он гневно передохнул и потряс красно-голубой книжкой с золотистым земшаром на плотной обложке: — Не СЭСу, а вот чему надо верить!.. Это, брат ты мой, издание Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР! Вот что это такое!”

Пришлось согласиться — отдать предпочтение “Малому атласу мира”.

А Иван Петрович Шухов всё-таки объявился в одном из последующих изданий СЭСа — после справедливого письма в редакцию “Советская Энциклопедия”, которое послал туда его сын Илья Иванович.

Однако недолго там, в СЭСе, пробыл Иван Петрович.

Буквально в следующем переиздании его вновь не оказалось.

М-да-а...Странно, очень странно всё это...

4.

Стремясь новаторски подходить к традициям своих литературных предшественников, он принципиально избегал благостной иконописи и надуманных счастливых концовок. Но в его произведениях нет и следа какой-либо фактографии и натуралистичности. Охват жизненных явлений у него, как правило, правдив и целостен, без эмоциональных перекосов, и неверный тон у него редок.

Ему были чужды экзальтация, взвихренное состояние чувств как по жизни, так и в самой манере письма. С беспощадным спокойствием — и тут, на мой взгляд, сказывалась переосмысленная применительно к плацдарму его прозы большая школа “Назиданий” Абая, романа “Опасная переправа” Ильяса Есенберлина, трилогии “Кровь и пот” Абдижамила Нурпеисова — писатель ополчался на пережитки того, что не могло украшать в любом случае национальный быт и характер.

Читаешь, перечитываешь Саина, и сызнава видишь, насколько ему чужды фигуры умолчания — он не пытается идеализировать прежнюю аульную жизнь, по которой подчас с тоской неизбывной рыдают иные наши литераторы.

Особенно трудна была эта жизнь в военные и послевоенные годы. Да и потом далеко не всегда за добром и благородством оставалась победа.

А сейчас?

Бросить все силы наши надо на то, чтобы президентская Программа возрождения казахского аула не осталась бы в ранге благих пожеланий. Ибо цепки щупальца моральных и экономических уродств, тянущиеся в сегодня из глухого прошлого и демагогического совсем недавнего.

И разве не об этом напоминает давний рассказ Саина “Стужа”?

Умирает в нём юный и честный Данеш, а его противник Кайрак остаётся жить. Но нет уже у читателя никакого сомнения в том, что до конца жизни Кайрака будут терзать мучительные мысли о неодолимой силе истинного душевного благородства, каким обладал Данеш, его самый давний неприятель.

“А начали вражду прадеды, — сообщает Муратбеков. — Что они не поделили в этом мире, неизвестно ни Кайраку, ни Данешу. Они знают только, что потом враждовали и их отцы. Когда началась война, отец Данеша уехал на фронт и погиб. Почти в то же время ушёл в город отец Кайрака, и с тех пор о нём не слышали ничего. Правда, сплетницы уверяли, будто он завёл в городе новую семью. Но им не верили.

Так канули в вечность отцы, оставив им в наследство свою вражду”.

Ранняя смерть Данеша положила конец этому, казалось бы, вековечному противостоянию. Но не слишком ли велика жертва? — словно спрашивает автор трагическим финалом рассказа.

“Стужу” и другие новеллы читать можно всякий раз по-новому, открывая или вообще невидимое прежде, или же при первом чтении проступавшее неотчётливо.

Свойство классики?

Возможно.

Во всяком случае так бывает с рассказами Толстого, Чехова, Паустовского, Сергея Маркова, Шухова, Шолохова...

Это — факт.

И ещё. В прозе Муратбекова, густо населённой людьми (анималистических рассказов у него раз-два и обчёлся), напрасно искать строго документальные фигуры. Она беспрототипна в том лучшем смысле, когда степень литературной типизации достигает тех желанных высот, с которых не просматриваются анкетные данные конкретного персонажа. Да они абсолютно не нужны. Голая или слегка приодетая фактография для истинно художественной прозы отнюдь не благо, если она превалирует над психологией самого жизненного явления или факта, взятого писателем в качестве литературной первоосновы рассказа или новеллы.

Автор нередко вклинивается в повествование, которому он никогда не является сторонней (отстранённой) фигурой, но от подобного вмешательства его проза становится достовернее.

Лучшие из его новелл, рассказов, повестей являют собой вкуче своеобразную энциклопедию аульской жизни, не оторванной, а слитой воедино с большим миром неустанных борений и надежд, которыми жили люди второй половины XX века.

Всем лексическим строем написанного литератор стремился к простоте изложения, обходит сложные синтаксические конструкции. Ему присуща сдержанность в употреблении метафор. Именно об этом не раз говорил Чехов как о первом условии настоящей выразительности художественной речи. “Восточная цветистость” совсем не в его (Саина) вкусе. Иногда он излишне надеялся на самые обиходные выражения, но почти всегда старался придать им неожиданно-обновлённый характер, положим, такой, какой они получают в его “анималистических” сравнениях.

“В тот предосенний день он с утра возил сено на зимние стойбища и вернулся только к середине ночи, уставший и злой, как собака” (рассказ “Дом молодых”).

Или: “А отец осторожничал даже за столом, выбирая мясо помягче, без костей, хотя его крепким желтоватым зубам мог бы позавидовать даже молодой волк” (повесть “Весна в Алмалы”).

И сегодня мы видим даже резче и яснее, чем вчера или позавчера, как герои Муратбекова и в юном, и в преклонном возрасте не утомлены и не пресыщены жизнью. Они не аскеты, но решительно во имя чистоты и справедливости человеческих взаимоотношений отвергают культ материального благополучия. С неотвратимо наплывающими годами их не гнетёт страх перед завтрашним днём — и это было одной из самых убедительных примет советского образа жизни. Тут уж, как говорится, из песни слов не выбросишь, а если выбросишь, то это будет другая песня. И в свои

преклонные лета они не теряют способности искренне радоваться напору быстро менявшейся действительности, причём менявшейся далеко не в худшую сторону: “Ого, сколько тракторов везут в эти края! — удивилась Уазиша. — И как только земля не прогибается под такой тяжестью!”. Ей вспомнились слова “целина”, “миллиард пудов”... Так вот почему сюда везут столько тракторов! Целина, наверное, где-то здесь, недалеко” (рассказ “В стороне”).

Разумеется, не всё в муратбековских рассказах, новеллах и повестях художественно равноценно.

Мне казалось (и я об этом писал в своих литературно-критических статьях о Саине, в послесловиях и предисловиях к его книгам), что ему явно не удавались попытки передать глубину психологии чувств, так сказать, на метеорологическом фоне. В качестве примеров приводил весьма схематичные рассказы “Ночной дождь”, “Дыхание весны”, “Первый снег”. Первый — о неразделённой любви. Второй — о любви несбережённой. Третий — о любви пока ещё не состоявшейся. Вариации далеко не новые, да к тому же и уровень их “исполнения” не поднимался выше заурядной мелодрамы.

Подчас в прозе Муратбекова удручали длинноты, кружения на месте, явный излишек бытовой детализации.

Саин всегда очень внимательно относился ко всем замечаниям литературной критики, если считал их справедливыми. А ею обделён он не был. Но игнорировал их начисто, когда видел, что единственной целью того или иного местечкового “Белинского” или “Писарева” было как можно заметнее обозначиться и вдосталь покрасоваться на публике за его счёт.

5.

Жизнь полной чашей одарила героев произведений Муратбекова радостями и печалью, успехами и неудачами, счастливыми утверждениями и горестными разочарованиями. Удивительная своей простотой и правдой страна его прозы, “вторая реальность” не стала виртуальным понятием, а продолжает жить в его книгах своей теперь уже вечной жизнью. Есть в ней, отнюдь не гладенькой и карамельной, далёкой от безмятежного пейзажа, свои непримиримые полярности и сложные полутона.

Не всегда в ней кажущееся совпадает с сущностью. Нередко зримо оживает злая сила давних предрассудков, больно бьющая по всему живому и думающему. Часто пустой, никчёмный человек сходит за умного, а долгожданное счастье обходит людей, его достойных, и крепости духа не хватает как раз там, где она должна была бы проявиться в полной мере, да вот так и не проявилась.

Но при всём этом проза Муратбекова освещена социальным оптимизмом, активным неприятием того, что чуждо элементарно всему **человеческому** и **человечному**. На этой прозе лежит яркий отблеск зрелого художественного дарования, призванного смело и правдиво утверждать как в жизни, так и в литературе самые дорогие, непреходящие духовные ценности, осуждающие индивидуализм и лицемерие во всех их проявлениях.

Шукшински незатейливы сюжетные коллизии рассказов и повестей Саина, трепетны нежные лирические краски в них.

“Новелла — не что иное, как случившееся неслыханное происшествие”, — это утверждение Гёте в его беседах с Эккерманом Муратбеков не признаёт за истину в конечной инстанции. Ему намного ближе чеховское понимание природы новеллы и рассказа вне абсолютизации “неслыханного”.

“Зачем писать, что кто-то сел на подводную лодку и поехал к Северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим воплем бросается с колокольни? Всё это неправда, и в действительности этого не бывает. Надо писать о том, как Пётр Семёнович женился на Марии Ивановне”, — утверждал Чехов.

Всё так. Но классик, к счастью для него, не узнал многого из того, что привнёс с собой человечеству XX век.

Саин же Муратбеков вместе со всем своим (нашим) поколением оказался с рождения в эпицентре самых жестоких метаморфоз, убийственных агрессивной вседозволенностью. Его “малая родина” — Казахское Семиречье — не стала тут исключением. Удивительно выразительной чередой проходят в его прозе невыдуманные персонажи. Здесь и звероподобный баскарма — председатель колхоза Туржан, “готовый закатать любого колхозника в Сибирь” (повесть “Дикая яблоня”). И совершенно безропотный недавний заключённый, бывший продавец сельского магазина Тураш (рассказ “На перевале”). И юный романтик и выдумщик, хроменький сирота Аян, над которым творит расправу людская бессердечность (повесть “Горький запах полыни”).

Но вот парадокс, точнее, знамение. Сколько бы ни издевалась жизнь над человеком, как бы она его ни уродовала и ни кидала в болота подлости и делячества, он даже в самых тупиковых обстоятельствах способен оставаться несломленным, готовым наперекор всем невзгодам отстоять для себя и других справедливость. Многие, да, многие герои разножанровых произведений Саина не только сохраняют душу, но и делятся её неизбывным теплом с теми, кто оказался обездоленным более других.

Трудно живётся в суровую пору военного лихолетья казахскому парнишке Канату. Но ещё труднее его сверстникам — чеченцу Бакке и немцу Отто. И Канат всем, чем может, помогает друзьям-сверстникам, как, впрочем, то же самое делают и взрослые взрослые. Опять же, исходя не только из предписаний властей, но в первую очередь из добрых законов и традиций, унаследованных от славных предков (“Дикая яблоня”).

Нет, не вымерял Муратбеков ни на весах, ни по линейке: чья судьба горше или медовее. У немца или чеченца, казаха или русского, армянина или турка... Ясная и мудрая в своей простоте проза казахского литератора от национальных корней возвышается до общечеловеческих чувств. И, как всякая неподдельная мудрость, она “не нуждается в напряжении голосовых связок” (Фазиль Искандер).

Кто не хлебнул сполна лиха из полной чаши Отца народов? Нет такого этноса. Но с начала и до середины 40-х годов велась война не с Чечнёй, а с нацистской Германией и её сателлитами. На плечи и сердца тогда советских немцев, депортированных в Казахстан и Сибирь злой волей обстоятельств и Вождя, легла свинцовая тяжести тень “кровного” отождествления с врагом. Но даже это трагическое испытание не сломило духа наших немецких побратимов, а бескорыстная помощь и поддержка других народов — в Казахстане, прежде всего казахского! — возвращала им нравственные силы, человеческое достоинство, истовую надежду на завтрашний день. Редкостной духовно-подъёмности картины являют читателям психологически ёмкие “немецкие” фрагменты муратбековской прозы. Как, впрочем, и любые другие.

И не зря живёт на целинной земле старый чабан и хлебороб Бекен, умеющий примирять напор новой жизни с патриархальной стариной



(“Причуды старого Бекена”). И если проклятая война отобрала у красавицы Камар-женгей любимого мужа, то собственное горе сделало её чуткой к любым из чужих бед (“У тёплого родника”). Примечательно, что даже самому конченому персонажу — вроде отпетого подонка и похотливого жуира Ырысбека из “Дикой яблони” автор оставляет возможность вернуть уважение земляков. Вера в нетленность извечных моральных ценностей, по Муратбекову, спасительна.

Не раз и не два сходились по этой жизни наши с Саином дороги.

Да и на высоких номенклатурных ярусах он никогда не изменял себе, не чиновничал, а старался быть максимально полезным родной республике и её литературе. Для многих номенклатурщиков Саин был человеком с другой планеты.

Но всегда подтверждалась правота истины услышанного нами в одной из лекций от Мухтара Омархановича Ауэзова. Не поучая, он процитировал Ибсена: “Чтобы иметь основания для творчества, нужно, чтобы сама жизнь ваша была содержательна”.

Что ж, теперь-то содержательности не занимать. Любого колера и знака. За плечами не одни безоблачные дни. Но прав был наш общий старший друг и наставник Сергей Николаевич Марков, открывший просвещённому миру Чокана Валиханова и Олжаса Сулейменова: без настоящих испытаний “на прочность, разрыв и растяжку” настоящего литератора не бывает.

Саина всегда выручал его золотой запас личной человеческой порядочности и писательской прочности, здорового честолубия, повышенной самокритичности и самого искреннего дружелюбия.

Муратбеков никогда не стоял в стороне от острых и насущных проблем современности. В значительном, да что там значительном, в небывалом успехе проведённой по инициативе Кунаева в Алма-Ате Пятой Международной конференции писателей стран Азии и Африки (1973) — известная доля усилий Саина. В антиядерном движении “Невада — Семипалатинск” — тоже. Когда возникла партия “Народный Конгресс”, он стал главным редактором её печатного органа.

И так всегда и везде.

Но — с собственным мировидением и пониманием хода и сути вещей.

“Пока человек с трибуны говорит одно, в кругу друзей другое, а думает третье, до тех пор он не может считать, что его образ жизни — правильный”, — вот слова, в которых заключена жизненная позиция самого Саина, которому интересен был буквально каждый честный человек.

И у него этот интерес был непреходящ. А будь иначе, стал бы Саин одним из множества старательных бытописателей, которым на поверку все людские судьбы — до лампочки. Саин же и по жизни, и в творчестве избегал клишированных ситуаций — оттого читать его и говорить с ним всегда было интересно, ибо с лучшими героями его прозы его же роднил дар в любых обстоятельствах оставаться самим собой. О Саине подавляющее большинство коллег всегда отзывалось с уважением, ибо все мы воочию видели, как ему органически были чужды самодовольство и та профессиональная гордыня, которая метит нередко (верно, всякий раз по-разному) иных из маститых литераторов, чаще всего живущих прошлыми заслугами.

По всем формальным и неформальным признакам Муратбеков никогда не был в творчестве середнячком. Себя он чувствовал всегда уверенно

(однако же не самоуверенно), полным здоровых душевных сил, большой и активной участливости ко всему, из чего в конце концов складывается жизнь и её главный смысл — **быть человеком, который нужен всем.**

6.

Он никогда не был похож на тех писателей, у которых в биографии всё чётко делится на две равные или неравные части, одна из коих представляет собою годы, так сказать, накопления опыта, работы в той или иной сфере общественного производства — избранной им добровольно или навязанной волею обстоятельств, а другая уже состоит из обособленных от первой “творческих” лет, когда их лейтмотивом выступает неодолимое желание рассказывать просвещённому миру о прожитом и пережитом.

Муратбеков не таков.

Опять говорю о нём в настоящем времени и констатирую: он не приемлет писательского профессионализма в его спокойной кабинетно-дачной ипостаси или в суетливой форме так называемых творческих командировок по различным “линиям” — сегодня, скажем, к пограничникам, а завтра — к чабанам и дояркам.

Он признаёт только активное включение в жизнь, постоянное и насыщенное всевозможными заботами и волнениями. И словно сегодня вижу я его — тесно связанного с деятельным бытием, прежде всего с работой в редактируемой им республиканской писательской газете; с напряжёнными буднями родного ему Семиречья, всей республики и нашей тогда общей державы; с заботами родного ему хозяйства — колхоза имени Ильича Капальского района Талды-Курганской области, хотя уже и области такой давно нет, и колхоза в ней тоже.

Но именно там жили и трудились его отец с матерью, братья и сёстры — в семье было семеро детей.

“Если бы не писательство, — признался мне однажды Саин, глубоко вздохнув при этом, — честное слово, попросился бы в родной колхоз, может быть, оказали бы мне честь мои земляки, избрали бы председателем, и мы тогда вместе всем колхозом построили бы коммунизм. Ну не столь быстро, как я говорю, а работать бы стали ничуть не хуже, чем у Алдабергенова, Чамчияна, Геринга, Лозового и Головацкого!”.

Он называл имена самых лучших представителей казахстанского ДиПкорпуса — понятное дело, вовсе не дипломатического, а директорского и председательского корпуса: в их образцовых хозяйствах и в самом деле (я тоже тому свидетель) был построен коммунизм в том понимании, в каком его давала последняя Программа КПСС, третья по её историческому счёту — не рай земной, но полное экономическое изобилие в гармоничном сочетании с высокой культурой труда и досуга, заботой о стариках и детях, настоящей учёбе молодёжи, отменными домами отдыха и пионерскими лагерями, даже с собственным зоопарком — в случае с Герингом и его колхозом-миллионером на Павлодарщине.

Саин называл фамилии этих талантливейших людей, чьи хозяйства не развалились и не сгнули даже в условиях дикого рынка. Но когда он мне это говорил, до капитализма нам было ещё далековато и никто даже в самом кошмарном сне не предвидел навалившихся на всех нас метаморфоз после подлого сговора в Беловежье.



Он называл эти фамилии живых и уже ушедших людей не отчуждённо, а с теплотой, так, словно они ему были тоже дорогие родственники, а потом сказал, что **самая заветная мечта** у него быть такими, как они, отдать всё, чем богат душой и в своих умениях, людям своего села — близкого и родного настолько, что как ни кружи по этой жизни, а всё равно неизбежно возвращаешься в него снова — сначала, конечно, в беспокойных мыслях, которые по ночам спешишь передать бумаге, а потом возвращаешься, быть может, и наяву.

И в это нельзя было не поверить.

7.

Жарким суматошным летом 1976 года, сулившим Казахстану немалые осенние успехи на хлебной ниве и в экономике в целом (в рабочем дневнике я пометил: вторник, 15 июля), Кунаев сказал: “Пока у нас с тобой идет всё ладно. Поэтому в Москву на писательский съезд езжай. Вот, пожалуйста, глянь — из Большого ЦК бумага. Распорядок вашего съезда. Доклад Георгия Маркова. Выступления на заседаниях проблемных комиссий Михалкова, Симонова, Озерова, Салынского, ещё кого-то... Тут фамилии таких, сто лет я их книг не читал...” Отдал мне пару страниц из большой красной папки, накануне занесённой его Первосоветчиком Хакимом Шакировичем Абдрашитовым (заведующим самым всемогущим отделом ЦК — общим) и сменил благодушный тон на озабоченный:

“Но в четверг у нас бюро по “Аз и Я”... Заварил Олжас кашку-малашку! Что, больше делать нечего? Тут и без него хлопот невпроворот... Но — будем его слушать. Сами тоже поговорим. Спасать надо положение! Ты же в курсе...”.

“В курсе”, — без особого энтузиазма подтвердил я. Наступление на “Аз и Я” разворачивалось по всем румбам и направлениям. В журнале “Москва” один столичный умник (безусловно, по чёткой наводке со Старой площади — такие устрашающие **баобаб**ы на делянках в Центре отечественной критики сами по себе ещё никогда не произрастали) уже сблизил концептуальные позиции Олжаса чуть ли не с нацистскими: “Точка, из которой произрастает репей”.

Срочно прочитали крупнокалиберные стволы другие солидные издания — популярные и сугубо научные. Главный редактор журнала “Вопросы литературы” принципиально-милейший Виталий Михайлович Озеров, от греха подальше, на всякий случай, сначала тормознул мою обстоятельную статью об “Аз и Я”, а потом и вовсе аннулировал (она вышла в “Просторе”, за что я был бит неоднократно академическими и неакадемическими оппонентами Сулейменова).

“А Снегин?”.

“И Снегин в курсе. Все, кому надо, в курсе, Димаш Ахмедович”.

“Олжас тоже знает, что во вторник?”.

“Знает”.

“Я Имашеву сказал, чтобы Олжасу дали прочитать все материалы. Проект постановления бюро — тоже. Ему и Ануару. Прочитали. Ничего не возразили!.. Лучше у нас пропарить, чем москвичам отдать на съедение... Ты приходи, а то, знаешь, тоскливо будет Олжасу...”.

“Зачем отдавать? Надо и его ввести в состав ЦК. Труднее тогда будет москвичам грызть”.

“Верно! Верно, святой Владислав! — ухватился за такую мысль Д. А. — Но для остротки поставим на свой ковёр. Послушаем-заслушаем-постановим... Съезд-то в Москве когда открывается?”

“В бумаге написано — двадцать первого”.

“Да, вот ещё что... — сказал Д. А. — Ты, пожалуйста, не забудь, Алимжанову напомним, чтобы он про Олжасов “Аз и Я” в своём выступлении в Москве — ни сло-ва! Нечего нам авансом каяться. Подгребать на себя всякие там “измы”. Понял?”.

“Вник”.

“Имашев твою статью для “Простора” про “Аз и Я” назвал правильной”.

“Главный редактор журнала “Вопросы литературы” Озеров обещал тоже дать мою публикацию. Всё набрали, а потом раздумали... В Питере тоже есть оппоненты. Скоро два академика на Олжасе и мне ещё и в научном журнале отоспятся”.

“Есть такие данные?”.

“Есть”.

“Ну не горюй. Важен, сам же говоришь, коэффициент упоминаемости. У тебя пальто украли или ты у кого пальто увёл, потом разберутся. Лишь бы само имя было не в забвении... За битого двух небитых дают, — утешил Кунаев. — А потом ты сам любишь, как англичане говорят... “Не тревожь тревоги, пока она не потревожила тебя”... Больше выдержки!.. А вот Ануару скажи не сейчас, перед бюро, а после бюро. Но лучше всего — в самолёте. Чтобы заранее не растрезвонил... Я помню, как мы Хрущёва свергли, Брежнева поставили — никто ещё толком ничего не знал, а этот ваш Ануар на всех перекрёстках да по секрету: шу-шу-шу!.. Или вот что, скажи-ка ему в Москве, перед самым его выступлением... Не забудешь?”.

“Нет”.

По воздушной дороге в Москву ни Саин Муратбеков, ни Снегин с Лариным, ни я (а мы оказались рядом) про бюро и про “Аз и Я” никаких разговоров не вели. Памятуя совет Кунаева, не стал я тревожить в полёте и Алимжанова.

Слушали Дмитрия Фёдоровича, который и на этот раз оказался прекрасным рассказчиком. И Ларин вспомнил немало любопытных историй.

Я тоже не поотстал. Заговорили о нурпеисовской эпопее “Кровь и пот”. Она того, как любая классика, всегда заслуживает. Явление в общесоветской, а значит, и мировой литературе совершенно неординарное. К тому времени (ещё до службы в ЦК) у меня уже приключилась “кровопролитная” схватка в нескольких письмах со знаменитым ленинградским флотским-скептиком Виктором Конецким. Заслуженный прозаик-мореход публично обвинил Нурпеисова на страницах солидного издания в том, что он, Нурпеисов, подчистую спойл Юрия Казакова в то самое время, когда Казаков напряжённо трудился близ Алма-Аты над русским переводом эпопеи. Неплохо знаю это место и я — бывший дом отдыха № 2 республиканского Совмина — тот самый, где мы с Саином жестоко разыграли безвинного Олжаса. Ездили мы туда к Казакову (и не только к нему) и с Бернадским, и с другими литераторами.

С Саином — тоже.

Там же известные хороводы водили с Домбровским. Очень запоминательно иногда было. А иногда — не очень. Когда как.

А с Казаковым встречались и в Союзе писателей на проспекте Коммунистическом (ныне Аблай-хана). Там Казаков проводил великолепные семинары по литературной стилистике, Саин на них присутствовал непременно, а я эти семинары восхвалял от всей души в "Огнях Алатау". Короче, пил человек, ясное дело, не только отварную воду, но и работал вовсю.

А вот по Конецкому выходило скандально, однако не очень убедительно. В самом деле, как смог бы Казаков успешно завершить свою работу, каждодневно находясь в бытовых прострациях? Это раз. И потом так называемый подстрочник Бельгера, честное слово, ничем не уступал казакскому варианту. Это два. Именно поэтому третью книгу "Крушение" Лили Дени перевела на французский с подстрочника Бельгера, уже никак не опираясь на Казакова. Назвала — "Прах лета". Получилось совсем не худо!

Вот я и отписал, повоетовавшись с Саином, Конецкому в Ленинград обо всём как на духу. Мореход не отмолчался, а взъярился. Не на шутку. Прислал угрозу открытым текстом, что немедленно вынесет наш завязавшийся разговор наружу. В самый авторитетный союзный журнал. Что ж, дорогой, выноси, ради Бога! — я тоже не брезгаю полемикой. Таким был смысл моего очередного ответа. Успокоился флотский (мир его праху!) лишь тогда, когда я ему чётко пообещал заявиться в Питер на порог его жилища (адрес известен по справочнику СП СССР) и вполне предметно продолжить диалог.

Словом, говорить было о чём и о ком. Ну а поскольку в те годы каждый, стар и млад, просыпаясь утром, моментально с первыми же информационными сводками Казахского радио и московского "Маяка" до глубокого вечера (а то и нового утра) погружался в события державно-международные, то и в нашем полёте мы о них не забывали.

И вот, по отдельности, но вдосталь пощуршав свежими газетами и журналами, снова сошлись на том, что в Казахстане и Союзе дела вершились немалые.

А иначе, право, и не было. За Казахстан, за СССР и за всё социалистическое содружество перед остальным миром краснеть не приходилось. США по горло завязли в своих заграничных и далеко не бескровных авантюрах, а наша — Афганская — ещё не просматривалась. Про ввод войск стран Варшавского Договора в Чехословакию уже мало кто вспоминал даже на радиостанциях "Свобода" и "Голос Америки". Советские космические программы успешно стартовали одна за другой и — без никаких срывов. Близилась сдача первой очереди Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Атомный ледокол "Ленин" готов был достичь Северного полюса. На Старой площади в ЦК КПСС и в Кремле лучшие правоведы страны корпели над проектом новой Конституции СССР...

Нет, мы по воздушной дороге в Москву не зачитывали друг другу парадных газетных передовиц, а, замаяв почти все негативы своего казахстанского и союзного бытия и даже забыв (пусть на время) про них, по-человечески просто и не без гордости радовались за страну, за республику, за себя тоже.

Воздали мы должное грандиозным переменам в необъятных казахстанских небесах и всё поднебесном хозяйстве наших гражданских авиаторов, которыми руководил тогда заслуженный пилот СССР, дважды Герой Социалистического Труда, почётный гражданин города Целинограда (в будущем Астаны) Николай Алексеевич Кузнецов.



Я подтвердил: да, Кузнецова всецело поддерживали Кунаев и министр гражданской авиации СССР Бугаев.

Ларин заметил: Бугаев очень близок к Брежневу и потому стал министром.

Снегин возразил: если бы министром стал другой, Казахстан оставался бы ещё долго без больших крыльев.

Муратбеков напомнил: Бугаев, как Брежнев, тоже в прошлом фронтовик, а это влияет на взаимные симпатии, их укрепление и рост.

Я, видимо, к месту поддержал суждение Саина фактом: в бытность личным пилотом Брежнева ещё в 60-х годах Бугаев спас над Северной Африкой громадный самолёт с Леонидом Ильичом на борту от последствий стремительной атаки неизвестных истребителей. Внезапная атака эта вполне могла бы закончиться печально.

Ларин сказал: я сдаюсь, но учтите, что вы все норовите перед начальством по стойке “смирно” вытягиваться.

Снегин невозмутимо подтвердил: когда ради дела, то и это надо; **поклон спины не ломит**. Сказал, что ему было известно, как депутату и как давнему — тут он редкое слово привлёк — **заединщику** Кунаева и Кузнецова: за считанные годы Казахстан обновил весь самолётный парк. Мало кто знает, как это сложно было завести и современные ВПП (взлётно-посадочные полосы), и аэронавигационные системы.

Кузнецов завёл. **Все** (тогда 19) областные центры республики стали принимать лайнеры первого класса, а на свежую стратегическую бетонку в корне обновлённого Алма-Атинского аэропорта (досадно и нелепо, но факт: отменное здание самого аэропорта сгорело за ночь на самом пороге XXI века) пожаловал 13 марта 1975 года суперзвуковой “Ту-144” с экипажем во главе с заслуженным лётчиком-испытателем, Героем Советского Союза Эдуардом Вагановичем Еляном.

Ныне простая фамилия Кузнецова во многих авторитетных энциклопедиях мира, а сам он, разменяв уже восьмой десяток лет, может летать, держа штурвал и курс столь же крепко, как и прежде.

Однако перед завершением полёта мы чем-то навлекли неудовольствие Всевышнего или каких-то других его заместительных, но всемогущих сил, решивших испытать и наш экипаж (заодно всех нас) на подходах к Московской зоне вполне на манер Гуссенвиля, где упал на окраину этого французского города “Ту-144” Еяна.

Для меня, в прошлом, пусть небольшого, но всё-таки лётчика, сразу стало всё просто и ясно. У экипажа упорно не ладилось с шасси. Получалось не очень здорово, но я тогда был немного фаталист и согласился. Только стало очень жаль сначала детишек и женщин, а мгновением спустя и своих коллег, самого себя тоже. Чувствовалось, как старался справиться экипаж с этими треклятыми шасси, не желавшими ему подчиняться.

Проклёвывался заведомо проигрышный вариант: посадка на бетонную полосу, как говорят пилоты, на брюхо.

Разумеется, среди наших пассажиров никто не запаниковал, потому что, кроме экипажа, об опасности никто не знал. Ну и, разумеется, кроме земли, которая уже сгоняла в аварийные табуны “скорые помощи” и мощные пожарные машины.

Но чтобы при аварийной посадке самолёт не полыхнул от двигателей до хвоста, надо было слить из гигантских баков на землю почти всё



топливо — авиационный керосин, распылить его многие и многие литры и килограммы над облаками и тучами, чьими-то садами, огородами, домами и головами.

Сливая топливо, самолёт большими кругами ходил над Подмосковьем. Внизу, близ Внукова, по-над землёй проносились низкие клочковатые облака. Наш самолёт облётывал московские окрестности почти час сверх всякого расписания.

Никто ничего не подозревал, но разговоры на удобные для всех темы за этот мучительно-непонятный час постепенно улетучились. Почти все сердились, что из-за непогоды расстраивались встречи: от Домодедова до Внукова не ближний свет, а сажали не в Домодедово, где нас давно ожидали встречающие. Лишь Дмитрия Фёдоровича сковало то ли абсолютное спокойствие, то ли некое безразличие.

На четвёртом или пятом круговом подходе к аэропорту Внуково экипаж кинул наш лайнер так резко вниз, что все мы на несколько упоительно-гибельных мгновений убедились реально в том, что же это такое — **невесомость**.

Тут сразу поневоле обозначились и всполошились дюжие сотрудники **сопровождения**. Один остался на своём месте в последнем ряду салона. А другой, хватаясь для устойчивости за спинки кресел, грузно протопал по длинной ковровой дорожке в кабину экипажа. Вернулся на своё место наш сопровождаемый весьма озадаченным, если только не перепуганным: от командира корабля услышал всю правду.

Стюардессы же с осиными талиями, все в тёмно-голубом, неустанно тараторили про перегруженность аэропорта в Домодедово и ещё про что-то такое очень объективное, чему нельзя было поверить. После их уведомлений динамики наполнялись бодрой музыкой, пелись задорные песни и зауценно звучал рассказ о достоинствах и красотах столицы нашей великой Родины.

Наконец наш самолёт трянуло ещё раз как следует, даже крылья заскрипели внятно и отнюдь не ободряюще. С верхних полок на головы пассажиров опять посыпались подобранные было свёртки, шляпы и портфели. Многие зачертыхались про себя и вслух, так и не поняв, что произошло в этот неприятный момент самое счастливое и самое удачное в нашем незавидном положении — шасси наладились сразу с обеих сторон, вроде бы надёжно закрепились, и теперь пилотам можно было садиться или же с микронной точностью, или же даже небрежно, но в любом случае без опаски сыграть в “ящик” со всеми нами вместе.

Позже я рассказал про всё это Славе Воронину, и он убедительно отнесил мне:

“Старик! Все шансы сгореть у вас были! Но, видимо, среди вас не оказалось особых грешников, потому Господь Бог учёл это в своём компьютере и рассчитал посадку точно”.

В день открытия Шестого съезда писателей СССР (погода после грозового прилёта в Москве установилась идеальная!) прослушали пространнейший доклад творца духоподъёмных писаний о Сибири Георгия Мокеевича Маркова. Все знали, что доклад, от точки до точки, опубликуют газеты, поэтому никто ничего не записывал. Лишь каждый из живых классиков напряжённо поджидал упоминания Марковым о себе и упоительно млел от превеликого счастья, коль таковое упоминание случалось.

Из казахстанских литераторов столь высокой чести удостоились Абдижамил Нурпеисов и Мухамеджан Каратаев. Поэт Сырбай Мауленов под вечер предложил нашим классикам достойно отметить упоминание, что, кажется, и состоялось в ближайшем ресторане.

Безразмерность доклада позволяла занявшим места в зале заседаний Верховного Совета СССР вдосталь насмотреться на съездовский президиум. Справа восседала за широкими пюпитрами из тёмно-морёного дуба московская группа членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Вся в полном сборе и в тёмных костюмах. Один Устинов в светлой маршальской форме. Вальяжный крупнолицый **бровеносец** Брежнев с гладким зачёсом волос. Молчаливо-сосредоточенный Косыгин. Упитанный Подгорный, не подозревавший, что месяцы и дни пребывания его в должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР уже скоропостижно пошли на убыль. Худющий, как серая египетская мумия, Суслов тем не менее живо о чём-то толковал с круглым и упитанным, как колобок, Кириленко, давним-предавним угодником Брежнева...

Располагались они не за самым главным столом, а сзади оно — вполне демократично и рядышком, чресло к чреслу. Чуть выше — сонливый Гришин и кучерявистый Долгих, оба по-братски носатые, самый почтенный по возрасту из партийного ареопага — замкнутый прибалт Пельше, про которого нам было известно, что в 30-х годах он политотдельствовал в Казахстане... Ещё выше — тщедушный академик-идеолог Пономарёв со щёткой коротеньких усиков, а с ним тёзка Горбачёва, топорно скроенный Соломенцев, неправдоподобно-опухший всей физиономией, спасённый Брежневым после алма-атинских альковных походов.

Прессу и окололитературный столичный **бомонд** разместили в самом конце зала на высоком балконе, под потолком. Там же были установлены съёмочные кино- и телекамеры, и ни одной внизу. Вездесущим фотокорреспондентам тоже дали укорот, чтобы не шастали в зале от ряда к ряду в поисках писательских тузов, а рассчитывали бы на фойе в десятиминутные перерывы.

Потом были ещё съездовские дни. Днём и вечером и пяти минут свободных не выпадало. Но ведь были ещё и ночи!

На третьи или четвёртые сутки выдавали всем делегатам и гостям съезда красные спецталоны на посещение т. н. закрытых отсеков ГУМА — Главного универсама. Посетили. Талоны изъяли при входе строгие дядушки. Продавщицы были ангельски любезны. Мы с Лариным облюбовали там по удобному кожаному несессеру с дорожным набором для бритья, а запасливый Саин взял три импортных байковых одеяла, пояснив при этом: “Для дома, для семьи”.

“Хорошо ещё, что нет у нас хлебных карточек”, — тихо заметил Снегин Саину и мне.

Эта келейная обстановка полутайного распределения дефицитных товаров между инженерами человеческих душ его явно смущала.

Нас, впрочем, тоже.

Но только не Ларина.

“Ишь, какие красные девицы нашлись! — припадая на протез, иронизировал он над нами, вышагивая от прилавка к прилавку. — ВДНХ да и только! Вот только почему почти ничего из этого в наших, алма-атинских магазинах нет, это надобно спросить у Димаша Ахмедовича... Ну, пожалуйста,



дорогие мои, воля ваша. Откажетесь из высоких принципов от своих талонов. Ну так и что? Мы не возьмём дефицит, так торгаши его снова моментально расхватают и по своим сусекам мгновенно распределят...”

А в перерывах между заседаниями можно было за символическую плату взять на память фотоснимки. Их чудодеями-мастерами было расторопно изложено великое множество. Фотографы разбили зал на условные квадраты и телевиками аккуратно снимали ряд за рядом. А потом вывешивали на огромных стендах в фойе срочно изготовленные снимки самых удобных форматов. Подходи, разглядывай, узнавай себя, земляков и бери сколько душе угодно. Вот так и увёз я из Москвы несколько любопытных фотографий. На одной из них — мы с Лариным и Муратбековым — воплощение самого внимания. На другой — заснувшие Ровенский с Алимжановым, а у входной двери — припоздавший на пленарное заседание и тем слегка смущённый Снегин.

Всё это здорово смахивало на кулуарный быт партийных съездов, но всё-таки о выполнении и перевыполнении планов, процентах роста и всём таком прочем говорилось мало или же совсем не говорилось. Зато какой простор вечерами был даден для исповедных бесед и дружеских уверений в истинном взаимоуважении и братской любви!

Не знаю, правда ли, что колючий кактус цветёт однажды за много лет. Но я видел, как самые угрюмые и нелюдимые из нас мгновенно преобразались в тех людей, какими они могли бы стать навсегда — в милых, приветливых и обходительных, блестящих умом, готовых услужить ближнему (и дальнему) не лакейски, а по душе.

Короче, скучать не приходилось. Да и новых знакомств завелось множество. Иные получились на всю жизнь.

О многом переговорили и меж собой.

Не забуду, как разоткровенничался вдруг передо мной Морис Давидович Симашко. О том, как ему трудно живётся в Казахстане. Не только морально, но и физически. В Туркмении было легче и лучше. Вспомнил военные годы. Сказал: был военным лётчиком, истребителем.

“Вот ёлки-палки, как получается. Сплошная авиация!” — молча сказал я самому себе. Но своего соседа по дому Симашко не стал пытаться выяснением техники выполнения фигур сложного и высшего пилотажа — как делается в небе каждая из них, какими движениями ручки управления и ножных педалей. Показал бы мне это Морис Давидович, — до сих пор почему-то очень сомневаюсь. И что такое вдруг накатило на него тогда — тоже до сих пор не пойму.

Неужто опять комиссарская работа Снегина и Саина?

Как бы то ни было, но после московских признаний Мориса Давидовича у меня на душе, право, стало как-то легче, и я подумал, что в сущности людям, чтобы понимать друг друга, не так уж и много надо. Главное тут — не играть в прятки с собственной совестью и почаще мысленно ставить себя на место другого.

8.

У новелл и повестей Саина всегда есть мудрые начала и продолжения. Они в самой жизни, где он везде и повсюду открывал истинные творческие дарования, никогда не мучаясь, как, увы, превеликое множество его коллег, чувством профессиональной зависти. Наоборот, искренне радуясь за каждый настоящий успех ближних и дальних.

Подлинный талант нигде, никому и никогда не завидует.

Такой талант всегда способен на поступки неординарные, напрочь отвергающие лжемудрость известного постулата “моя хата с краю”. Когда (а было это в середине 60-х) потребовалось защитить достоинство совершенно незнакомого Саину человека, донельзя униженного и оскорблённого предельно зарвавшимся “иноземцем”, Муратбеков так преподавал распоясавшемуся нахалу урок “хорошего тона”, что тому мало не показалось. Вскоре молодого коммуниста взяли в такой оборот, что ему предстояло распрощаться с партийным билетом и навсегда обрести волчий. Однако и тогда в правящей партии были не только одни кретины.

А когда Саин, сам став далеко не последней спицей в колеснице ЦК Компартии Казахстана, разобрался в том, что аппаратная планида — это совсем не для него, то обратился к секретарю ЦК по идеологии Имашеву с мольбой отпустить “в народ”. Но тот, умевший по-настоящему ценить таланты, ни за что не хотел отпускать его. Тогда Саин в сердцах пообещал:

“Саттар Нурмашевич! Отпустите, а иначе сегодня же вечером найду нового иностранца!”.

Имашев понял: найдёт!

И через несколько дней с его экстренной подачи Саин возглавил писательскую газету “Казак адебиети” (“Казахская литература”), которая с его внезапным приходом хуже не стала, а лучше — да.

Многое дали Саину курсы писателей-международников при Литературном институте имени Горького в Москве (1977). А до этого он уже (в 1971 году) оканчивал там Высшие литературные курсы — по чисто творческой программе. Наставники с мировыми именами на своих семинарах внушали своим слушателям:

“Запомните, тот не писатель, кто не добавил людям хотя бы немного зоркости”.

И Саин запомнил. Собственно, это он знал интуитивно и раньше.

А в 1977 году предстояла, так сказать, профильная специализация. На неё от Казахстана мы отправились втроём — Саин Муратбеков, Олжас Сулейменов и я.

Инициатива исходила непосредственно от секретаря правления Союза писателей СССР, главного редактора журнала “Вопросы литературы” Виталия Михайловича Озерова. Не знаю, как сейчас — есть ли курсы писателей-международников в Первопрестольной или нет (скорее всего, нет, чем да), но в ту пору дело с ними было поставлено на самом высочайшем уровне. Толковые лекции нам читали по самым разным дисциплинам выдающиеся спецы своих сфер — учёные, политики, дипломаты, финансисты, социологи, журналисты и т.д.

Немало услышали мы такого, о чём ни в каком учебнике, ни в какой книге не прочитаешь, от асов-международников калибра Генриха Аверьяновича (точнее, Азеровича) Боровика, будущего российского премьера и шефа внешней разведки, а тогда корреспондента газеты “Правда” по Ближнему Востоку, блестящего экономиста и арабиста-египтолога Евгения Максимовича Примакова, от корифеев нашей “ядерной империи”, замаскированной тогда под Министерство среднего машиностроения СССР — таких, например, как его глава, трижды Герой Социалистического Труда, человек исключительно геройской биографии, феноменальной эрудиции и самых добрых душевных качеств — Ефим Павлович Славский, не между

прочим, большой и давний друг нашего незабвенного Димаша Ахмедовича Кунаева.

Теперь уж, за давностью лет, можно откровенно сказать: от нас не было практически никаких секретов у руководства самых специфических организаций. К тому же прекрасно дополняли, уточняли, вентилировали и просветляли мощным сквозняком на тот момент наиболее полной правды наши представления о тогдашних милитаристских реалиях и агрессивных устремлениях США, Западной Германии, Японии показанные нам документальные фильмы, которых никогда и никто не демонстрировал ни по телевидению, ни в кинотеатрах и кои едва ли покажут сейчас и в обозримом будущем широкой публике.

Как правило, эти и доньше незабываемые лекции (при каждой встрече с Саином и Олжасом неизменно вспоминаем о них) носили характер живых собеседований, а то и остро заточенной полемики. Наставникам нашим было что сказать и рассказать нам. Но и мы тоже, как говорится, щи не лаптем хлебали.

А сколько пользы (говорил сам Саин) дали нам вечерние, а бывало и поздневечерние общения, более того, случались и дружеские ужины, переходившие в товарищеские завтраки с ним и нашими московскими друзьями — Сашей, Александром Петровичем Скрышником, золотым пером “Комсомольской правды” и “Правды”, в прошлом работавшем в Алма-Ате у Ларина в молодёжной газете “Ленинская смена”, Юрентием Дубинским, тоже экс-ленсменовцем, а потом сотрудником “Вечерней Алма-Аты” (и тоже у Ларина), вымахавшим по стезе журналистики и социологии в доценты МГУ, Борисом Александровичем Александровским из Отдела пропаганды ЦК КПСС.

Позже наша тесная компания пополнилась новыми друзьями, такими же откровенными и чудесными парнями, как старые, где все умели ценить и беречь друг друга, какая бы разница, порой очень существенная, не была бы между нами в возрасте, да и не только в нём.

Бывало — присоединялся к нам удивительного обаяния, многознающий и надёжный друг казахстанской литературы московский писатель Георгий Михайлович Садовников. Главным образом это он переводил Саина на русский язык, как я уже говорил, не авторизируя его прозу, как это, скажем, делал несравненный стилист советской и мировой новеллистики Юрий Павлович Казаков с историко-революционной трилогией Абдижамила Каримовича Нурпеисова “Кровь и пот”, а следовал устойчивым обыкновениям первопереводчика Нурпеисова казахско-немецко-русскоязычного Герольда Карловича Бельгера, полностью сохранявшего особенности казахского оригинала.

И вот тогда-то — и в тесном дружеском кругу, и на занятиях в Литинституте — всю обнаруживались наши литературные симпатии и антипатии, диалогизировать и спорить мы готовы были до бесконечности.

Ну а как с творческой отдачей после столь памятного нашего с Саином и Олжасом учения в Первопрестольной?

Кто-то из наших коллег по этим курсам (фамилии опускаю) чуть ли не с ходу по их завершению весьма преуспел в создании новых саг, баллад, поэм в прозе и памфлетов, страстно и справедливо обличающих чудовищность тогдашних намерений и происков североамериканского империализма, тихой сапой воскресавшего японского милитаризма или же западногерманского реваншизма. Тогда эти обличения (пусть даже в их

плакатных вариантах), считаю, были очень нужны для формирования общественного мнения.

Кто-то не сразу, но впоследствии использовал обретенный на курсах информационный потенциал явно и подчеркнуто в деструктивном аспекте. Как, скажем, ставший главным редактором “Огонька” Виталий Алексеевич Коротич, приложивший немало стараний для иезуитского подрыва изнутри нашей былой сверхдержавы, а потом преспокойненько (и отнюдь не с пустыми карманами) отчаливший за океан.

Кривая логика и ренегатская маятниковость этих интеллектуальных оборотней непостижимы для людей с чистой совестью. Для таких, например, как наш с Олжасом и Саином сокурсник, один из нынешних лидеров таджикской писательской организации Мумин Каноат — прекрасный поэт и апостол активного добродейства.

У Саина оно тоже проявилось в полной мере в целеустремлённой деятельности в качестве вице-президента Международной литературной ассоциации “Евразия”.

9.

За годы нашего тесного дружества с Саином где вместе с ним мы только ни перебивали в Казахстане и за его пределами, в какие только переделки ни попадали, и, слава Аллаху, как говорится, в огне не горели и выходили сухими из воды. Ну а уж в самых разных московских и прочих, но непременно высокозначимых торжественных заседаниях и, как правило, непременно следовавших за ними обильных застольях тоже сживали нередко.

Тут уж родные партия и правительство для писателей никогда не скупились, зная, что эта гастрономически-кулинарная забота обязательно окупится сторицей.

Но более всего нам по душе были великолепные сживания в так называемом Дубовом зале ЦДЛ — московского Центрального Дома литераторов на улице Герцена неподалёку от площади Восстания и знаменитого столичного зоопарка. Этот Дом всякий раз дарил нам встречи чудесные и незабываемые.

Но не всегда мы эти встречи выбирали сами.

Наоборот, они нас находили внезапно и молниеносно.

Так было, например, когда к нам за столик, вернее, прямо на столик, за которым мы под крепкое московское бутылочное пиво вели с Саином неспешные беседы, прервав их, будто с неба упал, с громким радостным, на весь зал, воплем бывший казахстанец и пожизненный патриот нашей республики, отсидевший в зонах ГУЛАГа много лет вместе с нашим маститым академиком Мухамеджаном Кожаспаевичем Каратаевым и писателем Андреем Игнатьевичем Алдан-Семёновым, Константин Петрович Алтайский.

Саин тоже хорошо знал всю связанную с Алтайским и Семёновым трагикомическую историю. В приснопамятном 1937 году, в самый разгар ежовщины, тогда ещё совсем молодой поэт Алтайский был арестован НКВД по делу о якобы готовящемся покушении на товарища Сталина, где Алтайский будто бы играл заглавную роль. Так кто-то донёс по сильной пьянке.

“Простите, а с кем Вы собирались ехать в Москву? Кто у Вас в сообщниках?” — спросил Алтайского суровый следователь.



Алтайский подумал-подумал и вычислил, что на него никто не мог возвести такой ахинеистой напраслины, кроме давнего его ревнивца по литературному цеху Семёнова.

Поэтому он так и сказал суровому следователю в отместку доносчику: “С Андреем Игнатьевичем Семёновым”,

Оба они согласно статье 58-й получили по 20 лет лагерей. На Колыму отправили обоих.

Оба там отбыли почти весь им отвешанный срок.

Оба были реабилитированы подчистую и остались в Москве. С той лишь разницей, что Семёнов украсил свою писательскую фамилию почётно-трагической приставкой Алдан, а вот Алтайский ничем свою фамилию не украсил.

У меня с Алтайским до этой сокрушительной встречи в ЦДЛ было знакомство только заочное да телефонное, но переписка получалась обильная.

При каждом нашем телефонном разговоре и в каждом своём письме Алтайский просил передавать самые жаркие приветы Мухамеджану Кожаспаевичу и всей Алма-Ате.

И вот этот самый Алтайский, взъерошенный, без пиджака, в рубашке без галстука, но зато с закатанными по локоть рукавами, упав от радости, что видит нас с Муратбековым, на наш стол, опрокинул на нём всё, чем стол был заставлен. Затренькали пустые фужеры, полетели на пол белые фарфоровые блюдца с голубыми каёмочками и солидные тарелки с основательными закусками. Московское бутылочное пиво разлилось по всей белой скатерти и нашим прекрасно отутюженным брюкам, а ведь нам после сидения в ЦДЛ надо было в обязательном порядке двигать в Большой театр Союза ССР на торжественное заседание, посвящённое памяти Мухтара Омархановича Ауэзова, и не просто в зал, а в президиум этого заседания, где с главным Словом об Ауэзове должен был выступить наш секретарь ЦК по идеологии Саттар Нурмашевич Имашев.

Ну да ничего, всё вроде бы обошлось пристойно и достойно.

Мы даже растерявшегося Алтайского прихватили с собой и сумели втиснуть его в президиум, чему старый ветеран пера, лагеря и пива был рад безмерно.

Единственное, что нас (и не слегка) беспокоило, так это оно, сверх всякой меры выкушанное в ЦДЛ, крепкое бутылочное, подкреплённое давним курсантским правилом: пиво без водки — деньги на ветер. Но понимающий Имашев только лишь один разок срезал нас бритвенно заточенным взглядом, но спустя минуту, уже улыбался широко и радушно, а после своего Слова, отменно произнесённого с высокой трибуны, и горячих аплодисментов переполненного зала, долго и крепко пожимал руку Алтайскому. Чуть позже Алтайский познакомил нас с Александром Александровичем Кроном, автором отменного романа “Бессонница” и повести “Капитан дальнего плавания” — о герое-подводнике Маринеско, потопившем на Балтике два гигантских корабля, полностью набитыми гитлеровским офицерами и генералами — фюрер объявил тогда траур, как по краху в Сталинграде. Каково было Крону (его настоящая фамилия Крейн) узнать, что мой школьный учитель, известный казахстанский художник Иван Егорович Квачко служил у Маринеско вестовым...

А сколько мы с Саином провели в воздухе лётно-пассажирских часов, а ещё больше — на грешной земле в ожидании своих дальних или ближних

рейсов. Вот и однажды, когда самолёт долго не улетал из Алма-Аты и рейс переносился несколько раз, а потом, наконец, обнадёжили твёрдо: “Ровно через два часа”, коротать время на (в) аэровокзале нам показалось делом никчёмным, а коль была такая возможность, то вырвались мы с Саином на Талгарское шоссе, к той памятной для каждого семирека версте, где слева от асфальтированной дороги высился гранитный памятник верненским революционерам Березовскому и Овчарову. В декабре 1917 года, когда они были злодейски убиты белоказаками, Алма-Ата называлась Верным.

Небо висело над горами низко и грозило снегом. У памятника было одиноко и холодно. Но на заиндевелом граните подножия мемориала лежали увядшие цветы, перевязанные скромной ленточкой, и предгорный ветер тербил осторожными касаниями эту алую ленточку, уже не раз смоченную дождями и снова подсыхую.

Мы представили молча мрачную темень зимней ночи, кланье винтовочных затворов, сволочную ругань палачей, беспощадную краткость команды, сухой треск залпа. Саин снял шапку, потрогал холодный гранит. Я тоже прикоснулся к отполированному камню.

“Какие были люди!” — сказали мы тихо и одновременно, не сговариваясь.

Из пролетавших мимо огромных и малых автобусов пассажиры смотрели на нас немного удивлённо. Был обычный, непраздничный, будний день, и, возможно, со стороны им, очень занятым и спешащим, было странно видеть каких-то неторопливых людей у памятника.

“Глядишь, и за родственников героев примут нас”, — молвил шофёр Женья.

“А мы и есть им родственники, — сказал Саин тихо, убеждённо и естественно, как само собой разумеющееся. — И ты, и я. И они!” — он, не возвысив голоса, кивнул на новый, переполненный людьми автобус, промчавшийся мимо с дизельным выдохом.

Потом стояли мы у колхозного виадука под холодным, но незлым ветром из степи, смотрели на дальние строения, и каждый вспомнил вслух, что более или менее хорошо знает всю эту живописную приалма-атинскую округу по прежней газетной, комсомольской, да мало ли ещё какой работе.

И вот тут-то Саин поведал нам о своей самой заветной, но так, увы, и не исполнившейся мечте, чтобы стать ему главой колхоза, в котором бы все сообща не так уж быстро, но непременно и навсегда прочнее прочного сложили бы жизнь, достойную человека.

Он всеми фибрами своей широкой и честной души питал самые неприязненные чувства к известному нобелианцу Александру Исаевичу Солженицыну, считая его профессиональным прохиндеем, едва ли не самым великим вселенским фальсификатором истории, классическим графоманом и самым наглым фигляром.

Саин искренне недоумевал, почему в СССР тратились тонны бумаги на газетно-журнальные изобличения этого бесподобного политического проходимца и самозванца, но так и не были изданы массовыми тиражами **для широкого круга читателей** две исключительно правдивые книги о нём — его экс-супруги Натальи Алексеевны Решетовской “В споре со временем” и его самого близкого сотрудника Ржезача “Спираль измены Солженицына”. Обе эти книги впервые увидели свет в Италии в 1978 году.

Их тиражи разошлись там мгновенно.

В 1978 году специальная редакция московского издательства “Прогресс” издала штучный тираж этих книг без указания в выходных данных количества отпечатанных экземпляров, предназначенных только для партийной верхушки, прежде всего для членов Политбюро ЦК КПСС.

Я получил обе эти книги от Кунаева, а Саин — от меня.

В народ они так и не пошли: “пятая колонна”, всю работавшую на позитивный имидж презренного хриstopродавца и тайного стукача, тихой сапой сделала всё для того, чтобы эти книги в СССР не были изданы массовым тиражом, и за Солженицыным сохранился трагический ореол мученика и лагерного страдальца, каким он никогда не был. Он был стукачом-доносчиком. Как никогда не был он в войну **боевым** артиллерийским офицером, за кого он выдавал себя бесконечно. Служа в **звуковой разведке**, он всегда был вдали от передовой, **ни разу не участвовал в боях**. Но чтобы физически уцелеть, ради спасения своей шкуры он стал под самый конец войны в своих письмах отчаянно облаивать советский строй и политику Сталина. Письма читала военная цензура, их автора взяли за одно место, судили и отправили с фронта на тыловые работы, чего и добивался хитрованец. Для него это было в любом случае лучше, чем случайная пуля в лоб или ещё куда. А Победу, решил этот ушлый трус, пусть своей кровью, своими смертями добывают другие, но лишь бы только не он сам.

И Решетовская, и Ржезач в своих правдивых книгах с великим множеством неоспоримых фактов в руках показывают истинную личину и нравственную ничтожность профессионального лжеца Солженицына.

Пока я не буду дальше развивать эту, возможно, очень спорную тему, но скажу, что здесь я тоже был и остаюсь с Саином полностью согласен.

10.

Крепкое тамырство-дружество с Саином, замечательным (от Бога!) литератором и неординарным человеком считаю большим для себя счастьем. И не только потому, что мне досконально открылся широкий и поучительный мир его героев (антигероев тоже).

Это само собой. Но Саин (опять же, как трудно говорить о нём в прошедшем времени!) мне дорог ещё и как настоящий единомышленник. А, как известно, и это тоже доказывается действием.

Вот только факт, один из многих — приоткрою давний секрет. В бытность директором республиканского издательства “Жазушы” (“Писатель”) Саин, опять рискуя партбилетом и головой, с 25 мая 1984 года по 29 мая 1986 года держал в потаённом месте весь набор “арестованной” второй книги моего запрещённого Центром романа “Вернуться и ничего не забыть”, окончательно признанного там (бабушки-светы!) **“антипартийным”** и **“антисоветским”**.

Сколько ни грозил тяжкими карами и ни приказывал Саину тогдашний секретарь ЦК по идеологии, он же и генерал КГБ (Камалиденов) немедленно уничтожить этот набор, отдав его в переплавку (а это многие килограммы свинца, точнее, гарта), Саин тут же перепрятывал набор в новом укромном местечке. Но стукачи вскоре опять доносили “по инстанции”. И так вот длилась эта “эпопея” целых два (!) года подряд. Беспрецедентный в СССР случай. Наконец, улучив момент, сам выпустил мою “криминальную” книгу в свет. То-то с шумом и грохотом разверзлись партнебеса. Генерал топал ногами и орал в адрес Саина: “Преступник!”. Да только вот дело было сделано...



Что и говорить, родная семиреченская земля, её честные люди и суровая школа жизни не обделили Саина ни мужеством, ни крупным талантом, ни твёрдой верой в высокое предназначение человека. Его книги (все до единой) не залеживаются на библиотечных полках.

И не только там. Их по-прежнему повсюду читают стар и млад. Потому как они в простоте и доступности речестроя (тут честь и хвала его лучшим толмачам) всегда привлекательно-магнетичны своим искренним оптимизмом, волшебным настроем на необратимое одоление местечкового и вселенского зла во всех его ипостасях.

В разные годы с выходом каждой новой книги Саин непременно вручал мне её экземпляр с прочувствованным автографом. Осенью 1980 года на одной из них (“У тёплого родника”) написал:

“Дорогому Владиславу Васильевичу с чувством глубокой признательности и благодарности за тёплые слова о моём скромном творчестве. Саин Муратбеков. 23 октября 1980 года”.

На титуле другой своей книги Саин написал — летом 1987 года, когда меня всю трепала костоломная артель временщика Колбина:

“Слава! На радость добрым людям работай и живи — долго!”.

Закопёрщиком “политической оценки” “делу Владимирова” по резолюции самого (честь-то для меня какая!) Горбачёва рьяно выступал патентованный партинквизитор из ЦК КПСС тов. Сеничкин, известный расправой над крупным советским историком Некричем за его якобы клеветническую книгу “1941. 22 июня”.

“Значит, ты у нас вроде как Солженицын? А я что-то и не замечал. Но, пожалуй, не будем гусей дразнить. Ступай опять в Верховный Совет. Годок-другой там, а потом обратно придёшь. Не пропадёшь”, — утешительно и в рифму напутствовал меня Димаш Ахмедович после наезда эмиссаров из ЦК КПСС к осени 1984 года.

Тогда я уже без малого 15 лет был у Д. А. в помощниках.

Я попросил его не ставить меня в один ряд с дерьмом, даже если оно и нобелианское. Он согласился, был ещё в силе и не позволил свершиться персональной расправе. Представители Центра вернулись в Москву. А дома с их подачи мне вкатили “просто” партийный выговор.

Однако мои новые отечественные и зарубежные публикации подбросили сухого хворосту в костёр, и к весне 1987 года, когда после известных декабрьских событий 1986 года нашего Первого последний генсек и его прихвостни взяли в оборот, партийное гестапо не забыло про меня и мои литературные экзерсисы. Поводы для костоломного аутодафе выкатили другие (и совершенно дурацкие), а в обмен на сохранность партбилета чётко предлагали одно — оклеветать свергнутого Кунаева и его ближайшее окружение.

Разумеется, в ответ был мой кукиш и отнюдь не в кармане.

С КПСС пришлось распрощаться и взамен партийного билета обрести волчий. Это сейчас смешно вспоминать. А тогда было не до смеха. Колбин настаивал на моём исключении из Союза писателей СССР. Алимжанов тоже ходил с выкриками типа: “Пора дать политическую оценку делу Владимирова!”. Тогдашний глава писательского Союза Казахстана Олжас Омарович Сулейменов вместе с Саином Муратбековым и Леонидом Даниловичем Кривощёковым спокойно давал всем посланцам Колбина, Камалиденова, Устинова от ворот поворот:

“Ступайте отсюда с Богом. Никого из своего Союза мы исключать не будем. Владимирова — тем более”.

По запросу из ЦК КПСС написали и отправили в Москву на меня такую характеристику, что я по ней должен был немедленно получить ещё один самый высокий орден.

Но травля тем не менее ещё долго продолжалась. Словом, бесценной эмпирики на продолжение цикла опять поднабиралось немало и было бы грешно хоронить её втуне.

С обретением Казахстаном настоящего, а не декларируемого суверенитета, даже ещё раньше, с приходом к руководству республикой Нурсултана Абишевича Назарбаева, и для меня всё постепенно, как говорится, вернулось на круги своя.

И мой верный друг Саин всегда тому способствовал, как мог.

Вместе со множеством других моих и его надёжных единомышленников.

И вот теперь, уже на склоне своих земных лет, не представляю я прожитой жизни своей без Саина, без тех замечательных людей, кого мы вместе с ним всегда уважали и любили, с кем нас сводила лично наша, несмотря ни на какие суровые передрыги, всё-таки очень счастливая судьба.*

Без превеликого множества наших прекрасных старших и младших современников и современниц, без чьей созидательной ауры XX век попросту немыслим и от кого он неотделим, даже если, увы, не всем из них довелось счастливо перешагнуть за порог наступившего Третьего тысячелетия.

Словом, такое никогда не забывается.

Последние годы Саин, особенно после внезапной кончины любимой дочери, тяжко болел. Мне его состояние очень близко и понятно. Я и сам потерял свою родную дочь, 28-ми лет, красавицу и великую умницу, отлично знавшую все европейские языки и уже отменно работавшую на Казахстан во Франции, Испании, Португалии. Но злой рок не спрашивает наших позволений на свои чёрные дела.

Так и у Саина с безвозвратным уходом его дочери и с его инсультом, а также с другими серьёзными недугами, неизбежно обретаемыми, когда человек работает на износ и жжёт свечу своей жизни с обеих концов.

И если бы не жена его, невероятно преданная и заботливая Марьям, сама медицинский работник, то страдания Саина удесятились бы. Но Марьям встала поперёк неизлечимых болезней и сотворила настоящее чудо. В одно из наших, как самым печальным образом оказалось, прощальных свиданий с Саином он даже нашёл в себе силы, чтобы показать мне и самой верной спутнице моего земного бытия Грете Георгиевне свою загородную обитель со всеми её красотами, с новыми саженцами на крохотном приусадебном участке, но, прежде всего остального, богатой библиотекой, которой он очень гордился, поскольку всю свою многотрудную жизнь считал, что главное для писателя заниматься не трёпом, а граждански ответственными делами.

С удовольствием пополнил он её и привезёнными мною дарами — моими же сравнительно новыми книгами. Не скрыл я от него: одна из них вышла после моего письма к Президенту — “Не надо грустить, господа офицеры...”

* Далее В. Владимиров называет 220 фамилий дорогих его сердцу людей. Этот список, занимающий несколько страниц, в целях экономии журнальной площади пришлось опустить, за что редакция приносит автору свои извинения.

Из прошлого — близкого и далёкого”, историческая ретроспектива из нескольких повестей о том, о чём раньше не писалось или писалось криво. Другая — “Дмитрий Снегин. Его Любовь, Память и Слово” была внесена в список социально-важной литературы Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан и тоже обладала собственной примечательной историей.

Поздравил меня Саин от души. А потом сказал, что слышал недавно, как один из наших коллег помоложе горестно сетовал на то, что у нас нынче подрастает целое поколение, которое почти совсем не читает книг, а если и читает, то всякую развратную белиберду, и оно, это поколение, вполне может стать серьёзной угрозой для государства.

“Всё так. Джигит прав. Может стать. Ещё и как может!.. Однако что же это за такое государство, которое не думает об этих серьёзностях или думает о них промельком? Не кажется ли тебе, что нынче наш брат писатель, сестра тоже, похожи на людей, которые кланчат подаяние? Сравни, чем занимался наш Союз писателей прежде и чем он занимается сегодня... Юбилеями да похоронами!.. А что, разве не так?.. Ну и плюс приёмом в свои ряды новых так называемых членов... А толку-то?.. Разве это правильно?.. Вот и я тоже хочу написать обо всём нашему Нуреке. Думаю, он поймёт...”

В тот день и вечер допоздна мы опять памятно и горячо переговорили о многом и снова мне, как в теперь уже безвозвратной, далёкой молодости, показалось, что наша жизнь всё ещё юна и в запасе у нас вечность.

И вот теперь мне грустно, невыносимо осознавать, и не только мне одному, что с нескончаемо дождливой весны 2007 года нет среди нас великого Саина. Когда я писал вот это своё, считаю, предельно правдивое, но далеко не всё охватывающее, Слово о нём, то не раз и не два горькие слёзы наворачивались на глаза и перехватывало дыхание. А ведь совсем незадолго до его последнего ухода, откуда никому нет возврата, и в который мне никогда-никогда не поверится, мы все с самой глубокой душевной к нему признательностью отмечали славное 70-летие Саина.

И я тогда заметил в статьях о нём, напечатанных в “Огнях Алатау” и “Казахстанской правде” (14 октября и 24 ноября 2006 года), что, видимо, даже в этот славный юбилей не следует лукаво уверять, что это всего лишь два раза по 35. 70 есть 70. Однако для писателя крупного таланта и активной жизненной позиции возраст — понятие условное. Ибо душа его всегда молода, а книги, смело можно сказать, вечны.

Я и сейчас на том стою неотступно.

И не только я один, а все, для кого имя и книги Саина — понятия не отвлечённые. И теперь они, эти его прекрасные книги, уже навсегда в духовной сокровищнице нашего многонационального, но всегда единого народа суверенного Казахстана и всех его подлинных друзей окрест и далече.

Именно это и даёт нам полное право на желанные новые встречи с его нетленными творениями. Каких бы жанров они ни были, свет и тепло его чистой любви к честным и **живым** людям созидательного труда ещё обогреют многие сердца и души.

Очень надеюсь на это.

1980-2007.

г. Алматы.



Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Его Величество Случай

(Окончание. Начало в № № 10, 11 за 2008 год)

Сват

Так уж повелось, что пишущий человек всегда ищет своего героя. Хотя порою случается и так: жаждущие известности для саморекламы заказывают нужные им публикации, нанимают автора. Бывает, что автор нанимает Власть, которой нужен свой положительный герой.

С моими персонажами ничего подобного не происходило. Все они мне дороги. Как, впрочем, всё, что окружает меня в повседневности, к чему я и сам привык. Как будто законсервировался во времени.

Со мной всегда рядом моя любимая музыка, мои любимые певцы. Библиотека с любимыми книгами. Перечитывая их, иногда спорю с авторами: а как бы они написали свои произведения с позиции сегодняшнего времени? Прихожу к выводу: классика не стареет!

Всех моих героев я люблю. К сожалению, с годами их становится всё меньше. Боюсь одного. Неужели останусь в одиночестве? Страшно подумать! А потому тороплюсь, спешу, чтобы как можно больше людей знали о моих друзьях. Слава богу, пока они ещё живы!

В основе любого сюжета реальные события. Вначале им не придаётся значения. С кем это не случается, с кем этого не бывает, но с течением времени они притягивают к себе как магнит: “Большое видится на расстоянии!”.

Обычно пишут о друзьях, реже о родственниках. О сватах мне не приходилось читать. Что это вообще за категория родственников? Кто они — эти сваты? Хотя казахи веками упорно настаивают: “Сват на тысячу лет”. Может быть, это имело значение тогда, когда сила и могущество того или иного рода, клана определялись их численностью, основанной на родственных отношениях?

А что если вдруг дети расстанутся, разойдутся? Как в море корабли! Как тогда быть с “тысячелетием”?!

Не будем предсказывать неблагоприятный исход семейных отношений. Всё в руках божьих! У нас всё было просто и буднично — дальше некуда.

Впервые я познакомился с будущим героем этого повествования, когда вдвоём с женой мы пришли сватать его дочь за нашего сына. Обычно сватовство — событие исключительное, с вековыми традициями. В народе говорят: “Ожидание свадьбы грандиознее самой свадьбы!”.

Сейчас о возрождении добрых былых обычаев пишут и говорят довольно много. При этом напрочь забывая о том, что мы живём в двадцать первом веке. Молодёжь знакомится ныне вовсе не так, как это было, скажем, даже полвека назад. Время ведь не остановишь. Оно не подвластно чьим-либо желаниям.

И все благонамеренные призывы сохранения народных свадебных обрядов привели к странной и причудливой смеси прошлого с новой “цивилизацией”.

Стада разномастных авто, преимущественно зарубежного производства. Впрочем, сейчас все марки автомашин для нас иностранные, которые заменили ныне лихих степных скакунов. Несколько сотен гостей. Нудные бессодержательные, никому не нужные, высокоидейные, высоконаравственные, стереотипные тосты-поздравления молодожёнам, которые иногда могут перерасти в острую дискуссию по вине подвыпивших гостей-сватовъёв.

Главные герои свадебного торжества, по-моему, — это нанятый тамада-саморекламщик, надоедливо и нахально занимающийся самолюбованием на этом спектакле. И... счастливчик, которому выпала ответственная роль знакомить невесту с родственниками жениха.

Порой представляют гостей больше часа. И никому невдомёк, что невеста не знает и не будет знать абсолютного большинства людей, которых знакомят с ней. Они ей попросту не нужны! Однако тот, с кем невесту знакомят, — а это тоже реклама, — за счастливый случай под домбру, отваливает энную сумму. Её величина находится в прямой зависимости от его достатка и значимости в обществе. Что составляет чрезвычайный интерес для окружающих в наше “рыночное время”!

Как правило, на первичные переговоры в спектакле под названием “Сватовство” направляется “профессиональная” делегация в составе авторитетного острослова-знатока, кого-то из родственников жениха, лучше акына-домбриста, который, как профессиональный “кавээнщик”, на лету, с ходу слагает любой стих или хвалебную оду по любому случаю жизни.

Оговариваются материальная сторона, сроки и сценарий будущей свадьбы. Одним словом, заключается брачный контракт в устной форме без всяких неожиданностей и форс-мажорных обстоятельств. Только всё хорошее. Замечательная виртуальная традиция! Главное — спектакль! А как же жизнь? Это мало кого интересует. Все жили и живут...

Итак, декабрь. Трескучий мороз. Сын подвёз нас к дому невесты, высадил и смылся. Так положено по этикету. Моя мама постоянно говорила мне: “Слабый зять пресмыкается перед родственниками жены!”. Хотя родственник родственнику рознь!

Дверь слегка открыта. Стучимся. “До прихода волнуются гости, а потом хозяева!” — гласит народная мудрость. Встречают. Помогают снять одежду. Проходим в зал. Встречает хозяин дома, кандидат в сваты. Представляемся, здороваемся. Теперь мы оба — потенциальные сваты. Наши права равные. Хотя у меня они всё-таки слабее. Я — проситель.

Да! Было бы намного удобнее, если бы этой миссией занималась поднаторевшая в подобных делах делегация. Куда проще отсидеться дома, готовясь к предстоящим событиям в ожидании и предвкушении благоприятного исхода. Теперь поздно. Мосты сожжены. Отступать некуда. В воздухе чувствуется волнение и напряжение. Я вообще впервые выступаю в роли свата.

Сам женился без помпы и торжества. Расписывались в обычном сельском Совете.

Мой отец выбрал мою маму из полусотни девчат тракторно-полеводческой бригады, после Победы, когда вернулся с войны. Как он шутил: “Кинул аркан. Поймал, привёл домой. Даже и не брыкалась!”.

Когда наш сын объявил о своих намерениях, известил об этом мать, она тотчас эту новость довела до меня. Я обрадовался.

Блиzkих доверительных друзей у меня в городе не было, а приглашать ради этого родственников за тысячи километров — стоит ли? На том и порешили. Пойдём вдвоём. Коль дети договорились — наше дело формальное.

Как выяснилось позже, церемония женитьбы моего свата была абсолютно схожей с моей. Бывают же такие удивительные совпадения!

На этот раз засвидетельствовать торжественное событие сватовства собралась вся большая дружная семья свата. Не было только нашей будущей снохи, судьба которой определится сегодня.

Явным лидером за столом со стороны свата была самая старшая по возрасту, уважаемая, наиболее опытная в этих делах особа. Наконец все утомонились, успокоились. Пригласили к столу, ломившемуся от всяких яств. Будущий сват, заметно волнуясь, затронул деликатную для всех тему. Начал он издалека и как бы совсем не по адресу:

— Что вас привело в наш дом в такую темень и трескучий мороз? Наверное, сильно замёрзли?

Теперь держать ответ мне.

— Действительно, кругом темень. Начинает буранить. Холод. Вот с женой вышли на вечернюю прогулку. И надо же случиться такому — действительно заблудились! Смотрим. Только у вас на крыльце горит свет. Вот решили немного погреться у добрых людей!

Конечно, вести такие серьёзные судьбоносные разговоры с совершенно незнакомыми людьми, с глазу на глаз, дело нелёгкое. Всякое может случиться. Было одно оправдание. Да ещё какое! Дети сами всё решили. А нам что, родителям? Будьте счастливы. В добрый путь. Это мы все хорошо понимали.

Наступила пауза, которой тут же воспользовалась чрезвычайно острая на язык самая старшая особа, которая до этого молчала, не находя причины как и с какой стороны зацепить меня...

И вот её момент настал. Дама начала атаку с ходу, без подготовки:

— Да, действительно, вы долго блуждали. Могли бы вообще замёрзнуть. В вашем возрасте можно заблудиться или угодить в траншею, сломать всё что угодно: ногу, шею. В нашем микрорайоне кругом стройка. Неужели вы не могли догадаться кого-то прислать, чтобы они дорогу рассмотрели. Так проще, безопасней!

О возможностях словесной атаки с её стороны, оказывается, заранее предупреждали мою жену. Сват и сватья — простые доброжелательные люди, а вот эта дама! Она выделялась и до сих пор выделяется среди своего окружения. Сохранившая себя. За словом в карман не лезет. Настоящий лидер. Её властолюбие на несколько шагов опережает её саму.

Я сразу понял её намёки: вроде бы достаточно взрослый, образованный человек. Почему нарушаешь вековые традиции? Кто ты такой? Почему явился сам, когда существует определённый порядок, ритуал!

О, женщины! У них независимо от возраста есть что-то особенное. Ужалить, например, ради собственного превосходства.

Мы с супругой уже знали, что у этой дамы много достойных детей: один сын — доктор наук, профессор, трое — кандидаты наук, один из них взял в жёны дочь нашего свата. Один сын в советское время был директором совхоза, дочь — большой чиновник в правительстве. Муж давно умер, и она одна поставила всех детей на ноги. Так что дама волевая по праву и заслугам.

Итак, она отметила свою значимость, своё присутствие. Как мне показалось, к подобным её шагам все привыкли и смирились. “На всякого мудреца — довольно простоты!”.

Кандидат в сваты сразу почувствовал, куда может завести щекотливая тема, поднятая волевой дамой.

Прежде чем повести основную часть переговоров, он продолжил тему “холода” и налил водочки для сугрева.

— За ваш приход, заодно и согреемся, а то холод забрался далеко внутрь!

Чокнулись. Выпили только мы вдвоём. Про себя отметил: вроде бы схожи по убеждениям и поведению. Первоначальное напряжение, которое было между нами, пошло на убыль!

Как утверждают психологи: мужчины смотрят на окружающий мир в общем, как бы созерцая его, в то время как женщины присматриваются к нему в деталях.

Когда наши жёны узнали о предстоящем событии, хорошо зная все наши слабые стороны, готовили нас каждая по-своему, дабы представить сватовство более помпезно, более официально. Однако у нас не было опыта поведения в подобных случаях. Простаки. Зачем всё усложнять?

После первоначального вступления, где главной темой был “холод”, наступила “оттепель”, с которой уже ничего не смогла сделать даже волевая, грозная дама. Официальная встреча превратилась в обычные будни, как и сама жизнь.

Если мы, кандидаты в сваты, вели мирную беседу, будущие сватья молча и настороженно примерялись друг к другу под интригующим взглядом лидера — многоопытной дамы. К нам её интерес уже пропал.

В комнате стало жарко и душно. Я снял пиджак и повесил на спинку стула. В это время мой новоявленный кандидат в сваты по своей простоте и доверительности громко и ясно заявил, чем вызвал недоумение и неподдельный интерес присутствующих, особенно у лидера дастархана:

— А я Вас давно знаю!

У меня перехватило дыхание, чуть было не подавился винегретом. Обычно подобные заявления на такого рода встречах непредсказуемы своими последствиями. А как и с какой стороны? Лично сам или с чьих-то слов? Могут возникнуть осложнения, перепалка, что в данной ситуации просто недопустимо!

А он тем временем продолжает:

— Конечно, Вы меня не помните. Зато я Вас запомнил хорошо!

Меня бросило в пот.

Неужели? Неужели где-то, когда-то повздорил с ним? Но он же строитель-промышленник, а я агроном-сельхозник?! Наши пути практически не пересекаются. Я знал свой грех: несдержанность. Говорю всё открыто, прямо в лицо.

Оказывается, он был свидетелем одного такого случая. Видя моё напряжённое состояние, он успокоил меня:

— Нет! Нет! Не переживайте. Всё было нормально. Вы хорошо всем объяснили. Всё стало ясно и понятно. Шутки могут плохо кончиться. Можно остаться без работы.

Теперь до меня дошло. Случилось всё это в те далёкие уже времена развала прежней системы. Всё трещало по швам. Шла дикая приватизация, в которую я лично не верил, работал так, как меня приучили и как привык работать. Всё это я подробно описал в своей книге “Знамение времени”.



Мы, альтруисты-дураки, по своей инициативе проводили реконструкцию комбикормового завода на Акмолинском комбинате хлебопродуктов под мельницу. В те годы я возглавлял областное объединение хлебопродуктов. Работа была сложная, дорогостоящая, но крайне необходимая. Особенно это стало ясно и понятно сейчас, спустя десятилетия!

Всем известно, что лучше строить с нуля, чем переделывать старое. Это аксиома.

Реконструкция затянулась. Администраторы хорошо знают — всегда можно найти причину и оправдаться. Даже если всячески поддерживаешь инициативу.

Чтобы встряхнуть, дать новый импульс и настрой, решил прибегнуть к старому испытанному методу, критикуемому всеми и вся — административному нажиму.

В идеале люди должны работать чисто на себя. Сам на сам. Но для этого они должны рисковать собой морально и материально. А это чрезвычайно опасно. Желających не очень много. Это мы не проходили! Лучше отсидеться в стороне, а ещё лучше покритиковать.

Пора всем понять: любая работа от простой технички до гениального учёного — это талант, в основе которого труд. Почему-то принято считать, что талантливые — это люди чисто творческие. С этим убеждением я не согласен! А остальные тогда кто? Передовики производства, которых делает Власть и которым следует подражать?

Итак, совещание. Конкретные отчёты всех подрядчиков без тягомотины и оправданий. Что надо? Когда будет завершена реконструкция? Из трёх форм глагола остановились только на прошедшем времени. Так всегда ясно.

В числе ответчиков, оказывается, был и мой будущий сват, о котором я в те годы не ведал ни сном ни духом.

И вот спустя годы — новая встреча, в совершенно другой обстановке, в новой роли. Вот как иногда бывает в жизни! Судьба. Эту встречу мы отметили с огромным удовольствием.

Решилось главное — сватовство состоялось. Мы к обоюдному согласию из кандидатов стали действующими сватами. Отработку деталей поручили своим супругам.

Как я заметил, у большинства людей одного поколения, у которых практически одинаков жизненный путь, многие взгляды совпадают.

Правда, в отличие от меня мой сват окончил казахскую школу, а в институте мы оба учились на русском языке. На том и закончились наши “фундаментальные” различия.

Быстро найдя общий язык, мы тут же определили сроки и место проведения свадьбы.

Как оказалось, в таком грандиозном и судьбоносном событии, как свадьба, мы со сватом оказались солидарными во взглядах! И потому решили вопреки модному поветрию не устраивать в угоду тщеславию многолюдного, на несколько сот приглашённых, застолья, а ограничиться скромным, но душевным обрядом.

Самое главное для родителей, чтобы дети были счастливы, друг друга понимали и всё делили поровну.

На самой свадьбе с нашей стороны было около десятка человек, в том числе две бабушки сына: моя мама и тёща. Столько же примерно было и со стороны невесты. Свадьба обошлась в сумму менее тысячи условных единиц

— рекорд рачительности. Всем приглашённым со стороны сватов были преподнесены достойные подарки, на которые всегда щедра рука моей жены.

Настали будни. Будни под названием семейная жизнь, которую понимает каждый по-своему. Прошли годы. У молодых появились дети — мои внуки. Живут с нами в одном дворе. Домой к себе ходят только ночевать. Столуются, играют, бегают у деда с бабушкой и прабабушкой.

Весной того же года мы приняли ответственное решение. Занимаясь серьёзным делом — зерновым бизнесом, мы крайне нуждались в собственном хлебоприёмном предприятии на железной дороге. Одним словом, необходим был свой терминал, чтобы по минимуму зависеть от чужих ёмкостей и капризов. А это — огромные затраты и большие сомнения в конечном результате.

“Делай — не бойся! Боишься — не делай! Не сделаешь — погибнешь!” — эти слова приписывают Потрясателю Вселенной — Чингисхану. На такой шаг мы пошли из-за невыносимых поборов, которые приходилось терпеть, начиная от ворот приватизированных элеваторов и хлебоприёмных предприятий. Вот тебе и частник — гарант свободы и демократии!

Но даже обойдя все эти препятствия, не было никакой уверенности, что можешь реализовать свой товар в указанные контрактом сроки и надлежащего качества. По такому поводу в великом русском языке есть ёмкое слово “беспредел”.

Скажу прямо, может быть, подобное имело место и в прошлом, в канувшее в небытие советское время. Но не с таким размахом и цинизмом. Тогда попробуй не выполни его Величество “План”, который всех объединял, и со всех спрашивали по полной катушке!

Теперь мало кто и за что отвечает. Если горишь — лично сам. Может быть, это и верно. Одним словом, конкуренция. “Желание — суть страдания”.

Вот тебе и капитализм с “человеческим лицом”. Дождались, наконец.

На небольшом совете кто-то даже высказался так:

— Дешевле дать крупную взятку, чем ввязываться в такую запретную затею! И когда окупятся затраты?

Однако ему быстро дали отлуп. Свобода и независимость стоят дорого. Их не даруют, их добиваются. На том и порешили. Лучше иметь своё и ни от кого не зависеть. Кто, если не мы, будет обустройства свою страну, свою землю, продвигая демократию?

Выбрали на станции Жалтыр предполагаемый объект. Разбитый и разграбленный до неузнаваемости бывший завод железобетонных конструкций, доставшийся в результате приватизации какому-то дельцу, по сценарию которого объект стал таким, какой он есть на самом деле. Главное достоинство — рядом автомобильная и железная дороги. Линия электропередач. К счастью, ещё не успели растащить целиком рельсы с железнодорожных путей, хотя от полотна осталось одно название.

Положа руку на сердце, я и сам с трудом верил в успех данной затеи.

Как только сошёл снег, мы выехали на знакомство с объектом. Перед глазами унылое зрелище. Ничего живого. Груды металла, мусора. Разрушенные здания. Море грязи и топи. Глаза боятся — руки делают!

Определились с директором Сериком Сергалиевым, который помог нам подыскать объект. В этой сфере он большой мастер-профессионал.

— Теперь тебе и карты в руки. Доводи предприятие до ума. Будем помогать и поддерживать!

Перво-наперво построили туалет, баню. Бывшую двухэтажную контору разделили. Первый этаж: бухгалтерия, маленький рабочий кабинет, кухня-столовая. На втором этаже — общежитие.

Стали набирать людей. На память приходят исторические кадры кинохроники. Гигантские стройки молодого социалистического государства тридцатых годов: Турксиб, Магнитка, Волго-Балт.

Что это были за специалисты, в том числе и из мест не столь отдалённых, понять не трудно. Но это не их вина, их беда! Люди ни во что уже не верили. Кто смог, уехал в вере и надежде поймать птицу удачи. Сбылись ли их мечты, трудно сказать. Дай бог, чтобы повезло всем на новом месте их обитания!

Это была эпоха перемен. Смутное время. Безработица, безденежье. Передел собственности, который ещё не завершён.

До сих пор не перестаю удивляться миролюбию, терпимости нашего народа. Столько национальностей! Однако всё тихо, мирно. Всё это благодаря огромной территории страны, природным богатствам и возможности прокормиться. Особенно в сельской местности.

На работу кроме местных устраивались и оралманы — казахская диаспора из Монголии, Узбекистана, которые быстро освоили русский — язык производственно-экономических отношений. Не было даже никаких недоразумений на этой почве.

Когда люди в округе узнавали, что появились рабочие места, верили в это с трудом. Первый набор более двухсот человек. Многие из них выдержали, остались и продолжают трудиться. Одним словом, ветераны-дедушки.

Учёт вели три бухгалтера, пищу готовили четыре повара.

Основная трудность — острая нехватка пресной воды, которая была главной заботой, пока не пустили водопровод.

Учитывая срочность работ и безотказно высокую эффективность в экономии времени, было принято нестандартное и невыгодное экономически решение: “Людей в обед кормить бесплатно!”. Никуда не денешься. В конечном счёте, вся экономика сводится к экономии времени, а не денег. На стройке всё делалось одновременно. Люди были разделены по объектам.

Утром, не позже девяти, собирали списки, чтобы успеть приготовить обед, состоявший из трёх блюд: первое, второе — оба блюда обязательно с мясом. Хлеб, соль, сахар, чёрный и красный перец на столе. Обед был на редкость вкусный и сытный. Может быть, по простой причине — я сам питался вместе со всеми за одним столом. Это, как правило, дисциплинирует всех, в особенности поваров. Все претензии прямо. Нечего скрывать и скрываться начальству в особом помещении при особой заботе, вдали от людских глаз!

Каждая последующая работа на объекте наступала на пятки предыдущей. А это всегда заставляет думать, планировать. Очистка территории от мусора и хлама, отсыпка автомобильных подъездов и железнодорожных путей, рихтовка, укладка рельсов и шпал, реконструкция и перепланировка всего комплекса завода железобетонных конструкций под хлебоприёмное предприятие с учётом его особенностей по транспортировке и перемещению зерна.

Приёмка, хранение, сушильное хозяйство. Монтаж оборудования — всё делалось с колёс, с подвоза.

Прокладка водопровода и других коммуникаций, в том числе энергетических. Бесперебойная работа бетонного узла. Ограждение территории.

Как я тогда заметил, главным организатором и зачинщиком воровства, как ни странно, была охрана, в силу её привилегированного положения и доверительного отношения к ней. А посему ограждение — лучшая, самая надёжная охрана.

Когда люди получили первую зарплату после нескольких лет безвременья и обмана, к тому же ещё бесплатный обед, вся округа слетелась, как мухи на мёд. А это то, что и надо. Представилась прекрасная возможность отбора по профессиональной пригодности, избавления от потребителей всех мастей, балласта: хулиганов, пьяниц, самодовольной элиты в виде откровенных провокаторов, бездельников, демагогов.

Авторитет руководства рос на глазах, укреплялась дисциплина. Вся работа проводилась без бумаготворчества. Без казённости и надоевшей всем прогнившей бюрократии — основы коррупции и мздоимства. Вот в чём сила нормального частного бизнеса! Рискуешь, отвечаешь сам за свои средства.

Вся технология производства была в умах людей. В команде одни профессионалы своего дела с большим опытом работы в системе хлебопродуктов.

Всеми металлическими и сварными работами занимался Савелий Данилюк. Монтажом технологического оборудования и всего комплекса по приёмке и подработке зерна — Кайролла Аяпбергенов. Энергетикой и связью руководил Сергей Коломоец. Ремонт дорог и водопроводного хозяйства — Василий Борович. Все паузы при стремительных темпах реконструкции заполнял безотказный Жаумбай Чистобаев. Снабжением всего и вся на стройке занимался Володя Казарин. Ежедневно он мотался между Жалтырём и Астаной. Иногда за день по три-четыре раза, проезжая более тысячи километров. Ночуя в своей машине по пути.

Самую нудную, правовую сторону деятельности обеспечивал юрист, выпускник престижного Свердловского юридического института Марат Альбеков.

Это только исполнители главных ролей, мои помощники, товарищи по работе. Без их активного участия мы бы не завершили стройку в тот год. Они задавали тон и темпы работы.

На территории действовало одновременно шесть автокранов. Не могу без содрогания вспоминать, как нам удалось прорыть более километра траншей для нижних галерей. На каждом метре были зарыты и закопаны железобетонные препятствия в виде болванок от пяти до двадцати тонн. Преодолевали их с помощью шести компрессоров, которые трескали круглосуточно, проглотив более тридцати тонн пик из высокопрочного металла.

Приступая к делу, я отдавал себе отчёт и прекрасно понимал — могу организовать работу, требовать, заставить, но я не строитель и не технолог. Кто тогда может всё объединить в едином технологическом цикле? Тут я вспомнил своего свата Ораза Апеневича.

Он был уже на пенсии. Свободный человек. Немного помогал своему сыну в бизнесе, но в основном скучал по своему любимому делу — стройке, с которой связана вся его жизнь. А строил он элеваторы по всему Северному и Центральному Казахстану, восстанавливал разрушенный землетрясением армянский город Спитак в составе всесоюзного строительного треста.

Как-то в одном из откровенных разговоров он признался мне:

— Как только приходит весна и начинается наш сезон, у меня, да и у всех профессиональных строителей начинается зуд, который успокаивается только на объекте. Это как “вечный зов”!

Мои переговоры с Оразом Апеновичем прошли удивительно легко и быстро — на едином дыхании. Никаких условий, никаких вопросов.

— Когда едем? Я готов!

Когда рано утром я заехал за ним, он был уже в рабочем костюме. Устроились с ним в одной комнате на втором этаже, которая по совместительству служила одновременно бельевым складом. Напротив, через коридор, в соседней комнате четыре кровати, там располагалась часть руководителей высшего и среднего звена.

Директор Серик Сергалиев и главный инженер Василий Борович размещались в отдельном угловом номере, с холодильником, телевизором, умывальником. Так положено начальству во все времена.

В другой половине второго этажа размещалась элита сезонников: сварщики, монтажники, слесари, крановщики, приехавшие на стройку из соседних районов. Около полусотни человек.

На ночь среди абсолютно чужих и незнакомых людей свою спальню мы с Оразом Апеновичем не закрывали на ключ. Более того, распахивали двери настежь. Во-первых, духота, во-вторых, будь что будет. Так больше доверия к себе и людям!

Когда по приезду я провёл Ораза Апеновича по территории стройки и показал объёмы работ, а потом в тени мы обменялись мнениями, призадумавшись, он заметил:

— Это работа для целого строительного треста.

Для меня, ничего не смыслящего в строительных делах, это ни о чём не говорило.

— Ну и хорошо, — ответил я, — берёмся за дело! Я — управляющий трестом, а Вы — главный инженер, технолог, прораб в одном лице.

Действительно, “глаза боятся — руки творят!”. Это все осознали потом, когда в конце того же года приняли зерно нового урожая. На новый 2004 год, расплавляя огнём конструкции Ораза Апеновича горячий асфальт, который на машинах привозили из Астаны и он успевал остывать, мы укатывали его при мощном освещении люминесцентных ламп. Такое не забывается!

Конечно, цифры — красочная симфония для производственника. Это его работа, его жизнь. Простому читателю это ни к чему. Ему интереснее сюжет: лучше про любовь, поцелуи, интим, страдания, переживания или детектив: бей, беги, лови, держи.

Чтобы завершить хозяйственно-экономическую тематику и не возвращаться к ней повторно, поясню: мы залили более пяти тысяч кубометров бетона, которого хватило бы на строительство шести пятиэтажных панельных домов, протянули более двух километров забора и водопровода. Заново перебрали около двух километров железнодорожных путей. Отсыпали автогрейдер. Прокладка нижних галерей зернохранилищ была сродни прорыву линии Маннергейма в ходе финской кампании советскими войсками, правда без человеческих жертв.

Сотни тонн металла различных профилей, включая арматуру. Монтаж железнодорожных и двух автомобильных весов, бункеров по приёмке

зерна с автомобилями и вагонов, строительство лабораторного и весового корпуса, зерносушилки “Целинная-50”, тепловозного депо — это только крупные объекты. Всего за полгода! Вот что такое реконструкция разбитого и заброшенного бывшего завода железобетонных конструкций в современное хлебоприёмное предприятие.

Впереди нас ждали реконструкция ещё двух складов под зерно, возведение трёх новых металлических ёмкостей. Монтаж ёмкостей под горюче-смазочные материалы с железнодорожным тупиком. Строительство и эксплуатация мельницы. Возведение административного корпуса. Гостиница для обслуживающего персонала, ресторан, котельная, благоустройство и озеленение территории.

Одновременно подбирали специалистов из местного люда. Главное требование к тем, с кем предстояло работать, — трудолюбие, честность, профессиональная подготовленность, а не личная преданность, родство или национальная принадлежность. Может быть, отчасти в этом кроется наш успех.

Надо сказать прямо: перечисленное выше только видимая часть работы. А невидимая! Огромную, поистине фантастическую работу выполнял наш штаб — центральный офис. Работу строительного треста по материально-техническому снабжению взяла на себя группа из пяти человек, которые никогда не были строителями. Кроме этого у них были и свои постоянные обязанности — выполнение контрактных обязательств по экспорту зерна.

Обеспечивать гигантскую стройку, начиная от гвоздя, лампочек и кончая битумом, цементом, шпалами, тепловозом, металлом, всем комплексом элеваторного оборудования, — а это сотни наименований, пришлось маленькому ТОО.

За всё время стройки практически не было ни одного случая срыва, а если они и были, то только за счёт несвоевременных поставок.

Это заслуга директора Любови Ковалёвой, главного бухгалтера Любови Кучербаевой, моего бывшего заместителя ещё по областному объединению хлебопродуктов Валентины Альбековой — профессионала системы заготовок. Особая заслуга, скажу прямо, принадлежала Алмагуль Жусуповой, её неуёмной энергии, хваткости и сообразительности, сыновьям Арману, Сагиту. Конечно же, тон и настрой всему задавала жена Света.

Поскольку все специалисты имели служебные машины, а их было уже более дюжины, их бесперебойную работу обеспечивал немногословный автомеханик Юра Рагозин. Автомобиль не роскошь, а средство для передвижения и для работы!

Конечно, это не художественное произведение, а, скорее, производственно-мемуарная новелла. Основная её цель — воскресить в памяти всё как было, без прикрас и фантазии. Назвать имена людей, кто принимал в большом деле непосредственное участие.

Убеждён, придут новые люди, увидят готовое. А те, кто создавал всё это, останутся в стороне. Так было и бывает всегда. Каждый из перечисленных моих документальных персонажей настоящие “Герои нашего времени”.

И как памятник для них наша стройка в виде застывшей музыки из стекла, кирпича, бетона, металла в бескрайней казахской степи под именем “Бетеге”, в переводе “ковыль”.



... Обычные будни. Подъём в шесть утра. Из-за невыносимой духоты в комнате я часто ночевал в салоне своего автомобиля. Вначале одолевали комары, под утро становилось прохладно, коченел. Для повышения боевого духа и настроения на максимальный звук включал компакт-диск с бравурным маршем старой германской армии. Музыка вдохновляла, действовала безотказно. Люди, проезжавшие рядом с объектом, удивлялись:

— А что это? Неужели воинская часть? Какой красивый марш!

Первая смена начиналась с восьми утра. Обед длился два часа. В самую жару люди могли отдохнуть. Кое-кто умудрялся вздремнуть в тени, прямо на земле постелив картонку.

Бесшабашная молодость. Сытная еда всегда тянет в сон. Иногда порой отдых приобретал анекдотический характер. Хоть стой, хоть падай. И смех, и грех!..

Увлёкшись отдыхом, отдельные “мудрецы” — любители свободы — бездельники, продолжали своё любимое занятие, спрятавшись в тени зданий и сооружений, разбросанных по всей территории стройки.

Любители сна не подозревали, что представляли серьёзную опасность в ходе грандиозной реконструкции. При интенсивном движении и большой численности техники, постоянном перемещении и перетаскивании тяжёлых грузов.

Поэтому перед каждым новым объектом приходилось высылать дозор, внимательно осматривать все щели, укрытия и вытаскивать оттуда заспавшихся молодцов, иногда под “газом”. Что происходило в таких случаях, общеизвестно! Не до уговоров и увещаний, чтобы не повторялось впредь. Не дай бог придавит или что другое. Звучит странно и обидно, но подобные вынужденные уроки давали положительный результат!

Мы с Оразом Апеновичем, сполоснув ноги в тазике с холодной водой, тоже успевали покемарить около получаса. Засыпали мгновенно. Каждый вечер ездили с ним на пруд купаться. Удивительное наслаждение!

Тёплая мыльная вода. Эту райскую идилию портили комары, которые тучей налетали на наши голые тела. Приходилось быстро обтираться и мчаться в машину.

В тот год была благодатная, сухая и жаркая осень. Хорошо помню, последнее купание мы устроили в день осеннего равноденствия!

Каждое воскресенье под зоркой охраной, которую возглавлял “старый волк” — морской десантник, молчаливый и упёртый, как бык, Савелий Данилюк, командированным строителям устраивали организованное купание на природе.

Молодёжь купалась, мылась, стирала бельё. А как вы хотели? От веселья до беды меньше половины шага. Всякое может случиться в толпе. Молодёжь, подогреваемая провокаторами, кричала, возмущалась:

— Не доверяете! Мы не дети! Кому и зачем нужен контроль!

А что делать? Пустить на самотёк? А кто будет отвечать?

На стройке невероятная пыль, грязь. Грохот, шум. У всех специалистов переносная радиостанция — мощное средство для оперативного руководства и принятия решений.

Больше всего мы боялись периода выдачи заработной платы. Это какой-то кошмар, настоящее стихийное бедствие. Поголовная пьянка. Просто диву даёшься, что за напасть, эпидемия. Пьянка длилась, как минимум, два-три дня, даже среди водителей. Утро в ожидании. Кто же выйдет

на работу, из кого сколачивать сборные бригады на крайне необходимый объект?

Приходилось принимать крутые меры, выгонять с работы.

Насмотревшись и наслушавшись разных “демократических” речей тех лет, находились открытые провокаторы, демагоги, которые качали свои права под лозунгами “Свобода, права человека” и тому подобное. Угрожали забастовкой.

До сих пор непонятно, чем они руководствовались в своих действиях. Зарботная плата — пожалуйста. Чем больше выполнил объёмов работ — выше зарплата. Бесплатная еда. Возят на работу и с работы бесплатно. Что ещё надо?

Постепенно навели порядок и в этом деле, а вот спустя годы наше производство — безалкогольное.

С нового 2004 года, как только запустили элеватор, отменили бесплатный обед. Не понравилось. Угрожали:

— Будем бастовать!

— Пожалуйста!

Образумились. Народ у нас “простой”. Верит и быстро привыкает ко всяким льготам. Когда надо полагаться только на себя и на свой труд.

Однажды у меня сдали нервы. Это разговор особый. Могло всё произойти. Слава богу, обошлось! Я никак не мог заснуть под нескончаемый шум, матерщину, крики, гвалт. Заглянул в комнату элитных строителей. Горы бутылок водки, минералки, закуска.

Большая часть людей лёжа взирала на кучу нахалов. Все молчат. Меня взбесило их равнодушие и трусость. Сгрёб со стола всё в кучу. Выбросил в окно. Раздался звон разбитой ёмкости.

Из своей комнаты принёс два ведра холодной воды, обдал ею ещё не понявших в чём дело полуголых строителей. Конечно, я кричал на всех на чём свет стоит. Схватил двух первых попавшихся под руку молодцов и, дав пинка кирзовыми сапогами в одно место, спустил их по лестнице со второго этажа.

Вся комната молчала, как в рот воды набрала. Никто не возмущался, не кричал, не угрожал мне. Хотя могло произойти всякое. Все затихли в один миг.

Из-за нервного срыва и стресса у меня заколотилось сердце. Такого ещё со мной никогда в жизни не было, я услышал биение своего сердца вживую. Мне показалось, что оно увеличилось во много раз. Вот-вот разорвётся или вырвется из груди на свободу. Я прижал грудь руками, мне вдруг показалось, что сердце теперь прыгает у меня на ладонях.

Побрёл в свой “Пассат”. Так и не сомкнул глаз до утра. А тут новый подъём под звуки марша. Новая жизнь. Новое утро. Ребята молча вытащили на улицу сушить свои матрасы. Что сделаешь? Это жизнь без злобы. Всякое бывает в ней. Особенно среди простолюдинов наших. Пока ещё советских!

Традиционно раз в неделю мы с Оразом Апеновичем выезжали и смотрели на стройку как бы со стороны. Нас интересовало, как она выглядит перед глазами проезжающих мимо людей. Отмечали, что прибавилось, как и что поправить.

Иногда в подобную поездку отправлялся втихаря сам. Когда работа не шла, что-то не клеилось, настроение резко падало. Поднимался на одну из сопок, которые изобиловали в округе, и на меня нападала такая тоска, безысходность, что спасу не было. Неужели подведу всех? Неужели сорву стройку?! Как смотреть всем в глаза?



От нахлынувшей печали и смутной тревоги меня бросало в дрожь и слёзы сами по себе лились из глаз, и я не в силах был их остановить. Плакал в сердцах, в одиночку. Пожилой седой мужчина. От забот, ответственности, свалившейся на мои плечи. Слёзы проходили, и я молча возвращался на объект.

Об этой стройке можно писать бесконечно. Однако вернусь к главной теме своего повествования.

Итак, мой сват Ораз Апеневич Нургожин. Стройный, подтянутый, сухощавый, очень быстр и энергичен в ходьбе. Любит париться в бане. Парю его сам двумя берёзовыми вениками. Наденет шапку, на руках голицы, и лежит хоть бы хны. Потом бултых в бассейн с холодной водой и вновь в парилку.

В последние годы он слегка сдал, и я, откровенно говоря, отказался от банных посиделок. Боюсь, как бы что с ним не случилось. Всякое может быть. "Дорога в ад вымощена благими намерениями!".

Кроме того, он стал плохо слышать. По-моему, это одно из последствий его профессиональной деятельности. А ну-ка почти сорок лет побегай по этажам элеваторов, по своей высоте равных двадцатизэтажному дому, и всё время на постоянном сквозняке! В жару и в трескучий мороз.

Профессионал высшей пробы. Всегда внимательно и придирчиво читает проекты. Пока полностью в них не вникнет. Это чертежи, схемы построения, сварка, арматура, крепежи.

Особое внимание обращает на фундамент здания.

Ничего не делает на глаз и на авось. В основе всего школа и знания, полученные в институте. Всегда всё простреливает нивелиром, который он сам и проверяет, настраивает, рассчитывает, просчитывает. Вот что такое фундаментальные институтские знания!

Когда на объекте поняли, с кем имеют дело, все начали бегать к нему за советом не только по стройке, но и земляным работам. Особенно когда из нижних галерей двумя двадцатитонными кранами вытаскивали огромные железобетонные болванки. Всё это происходило внутри помещения на ограниченном пространстве. При таких очень сложных работах всем процессом руководил он сам лично.

Таким образом, вся технологическая часть реконструкции нашего объекта начиналась и заканчивалась Оразом Апеновичем.

Когда я опубликовал в журнале "Нива" цикл новелл о своих первых героях под общим названием "Его Величество Случай", Ораза Апеновича среди них не было.

Во-первых, он мой, как бы то ни было, родственник-свойственник, отец моей снохи, а про родственников писать не принято. Неудобно. Потом я подумал, а что зазорного в том, если я пишу открыто о своих друзьях, то почему нельзя написать о свате, если он этого достоин?

О своих творческих планах я откровенно поделился с ним. Скромный по природе человек опешил. Он ожидал всего, но чтобы стать в одночасье литературным героем!..

Когда одна за другой стали издаваться мои книги, я всегда дарил их Оразу Апеновичу с автографами. К моему удивлению, он все мои книги читал от корки до корки и перечитывал. Делился своими мыслями о прочитанном в наших многочисленных поездках. Я за рулём, а он в качестве пассажира, попутно рассказывая и о своей жизни.

К моему удивлению, Ораз Апеневич вёл диалог со мной на русском языке, в то время как среднюю школу он, как и многие мои друзья, окончил на казахском языке. И друзья тоже всегда говорили со мной на русском.

Пытаясь перевести нашу беседу на родной язык и пополнить тем самым разговорную практику, я всё время общался с ними по-казахски.

Подобное общение остаётся для меня загадкой. Спросить об этом как-то язык не поворачивался. Наверное, всё-таки это привычка. Находясь преимущественно в русскоязычной среде, говорить сподручнее на привычном языке. Тем более, зная казахский в совершенстве, беседовать на нём для них это никакая не доблесть. Он и так мой родной. Кто родился казахом, он им и умрёт!

А пишу об этом только по одной причине. Когда я обратился к нему, чтобы он набросал вкратце хронику своей жизни, Ораз Апеневич изложил её своим каллиграфическим почерком профессионального строителя-чертежника в школьной тетрадке в клетку — на казахском языке.

Оказывается, одно дело разговор, беседа и совсем другое — изложение мыслей на бумаге, которые высказываются так, как получили свою первую грамоту. Может, я ошибаюсь?!

Перечитав несколько раз его исповедь, я переложил её на русский язык. Хотя и на казахском его рассказ производит довольно сильное впечатление, обладая вполне достаточными литературными достоинствами.

Замечу, до этого случая всё “творчество” Ораза Апеневича, кроме давних школьных сочинений, ограничивалось чисто производственной сферой — написанием заявлений, приказов, докладных, объяснительных.

Итак, вот что рассказал о себе мой сват Ораз Апеневич Нургожин:

“... Родился я 1 мая 1940 года в ауле Карагай Щучинского района Кокчетавской (ныне Акмолинской) области. Это необыкновенно красивая лесистая местность, в основном сосны, у подножия Казахского мелко-сопочника. Хрустально-чистая пресная вода, которой нет во всей округе на полсотни километров.

В 1941 году отца забрали на войну. В 1942 году из сельсовета принесли “кара-кагаз” — “чёрную бумагу”, трагическую весть о его гибели. Эта картина до сих пор стоит перед глазами у меня — двухлетнего ребёнка.

В один миг вся наша семья осталась обездоленными, беззащитными сиротами. Я, сестра Майдаш, мама и дядя Оразалы. Своего отца до сих пор не могу представить живым. Я его просто не запомнил, мне был тогда всего-то годик. Его фотографии не сохранились даже в военкомате. Спустя много лет я узнал, что его имя выбито в Пантеоне Славы на Мамаевом кургане в Волгограде.

Все мои сверстники предвоенного поколения, начиная с детских лет, испытывали только лишения и трудности. Одни лишения и трудности, болезни, голод, холод, нищета.

Четвёртый класс я окончил в своём ауле. Мама была настроена категорически против того, чтобы я продолжил учёбу:

— Твой дядя учится, а ты непременно должен помогать семье!

Однако в середине августа я сбежал из дома, сдал документы в казахскую среднюю школу при Щучинском детском доме, где проучился до девятого класса. Заботу обо всех нас осуществляли директор, воспитатели и повара.



Мы сами по очереди отапливали общежитие, прогревали печку в столовой, мыли полы, разносили пищу, убирали за собой посуду, сгребали снег с крыш и дворов. Одним словом, самообслуживание, трудовое воспитание в действии.

На зимних, весенних и летних каникулах нам никто не запрещал посещать свои родные очаги. Бывали и печальные случаи, когда дети в одиночку уходили домой, их загрызали волки, а зимой, сбившись с дороги, замерзали. Одним словом, мы были предоставлены сами себе.

В те годы не было даже грейдированных насыпных просёлочных дорог, а о том, что есть асфальтированные, мы и вовсе не имели понятия. Поэтому, объединившись в детские стайки до десяти подростков, несмотря на зимнюю стужу и бураны, пешком топали домой.

Это ни много ни мало шестьдесят километров в одну сторону. Обычно этот путь мы преодолевали за два дня с одной ночёвкой. Туда и обратно более сотни километров. Голодная прогулка в лютый мороз, бураны в потрепанной залатанной одежке.

Зимой — стужа. Летом — невыносимый зной. Одолевала жажда. По пути пили с ладоней процеженную через майку дождевую воду из придорожных лужиц.

Всё лето на каникулах заготавливал сено и дрова. Это было любимое время года и любимое занятие. Косили сено ручной косой. Сгребали, вершили и свозили к себе на сеновал на видавшей виды деревянной арбе с диким скрипом. Потом собирали сваленные ветром деревья, сушняк. Обрубив сучья, складывали отдельно. Ствол распиливали на поленья — и домой. Так проводили летние каникулы, летний отдых в лесу, на природе.

В 1956 году мой дядя Оразалы, которого назначили начальником станции, перевёз нас на разъезд Крутой, что в двенадцати километрах от города Атбасара.

В посёлке несколько домов казарменного типа, где ютились железнодорожники, обслуживавшие узкоколейку, по которой вывозили после освоения целины зерно из глубинных районов и урановую руду в открытых вагонах из рудника Шантубе.

Теперь зерно уже не возят, а руду транспортируют с соблюдением мер безопасности, предъявляемых к такому опасному сырью. Станция не сохранилась, одни развалины.

По приезду сдал документы в школу-интернат № 100 города Атбасара. С сентября по ноябрь ежедневно ходил пешком по шпалам в школу двенадцать километров в одну сторону. Это около двух часов прогулки на свежем воздухе.

Выйдя из дома рано утром, в середине пути прятал в укромном месте свои скудные продуктовые запасы. А это: одно-два яичка, картошка в мундире, молоко, айран, хлеб с маслом. Помидоры, огурцы. Редко-редко попадали кусочки мяса. Всё это я поглощал в один присест на обратном пути. К моему сожалению, припасы быстро кончались! А как хочется есть!

Однажды, когда я возвращался домой, в потайном месте моих припасов не оказалось. Кто мог это сделать? Человек или какой-то зверёк? Корсак, например. В надежде, что возможно обознался местом, обыскал все кусты. От предвкушения, что вот сейчас найду и наемся, во рту таяли слюнки. Напрасно. От расстройства заплакал. Голод не тётка! В тот день я пришёл домой позже обычного и уснул голодным.

Моя классная руководительница Алма Бозтаевна, узнав, откуда я добираюсь на учёбу, помогла меня устроить в интернат. Как я выяснил позже, интернат был платным.

Плата напрямую зависела от успеваемости. Кто хорошо учился, платил мало, кто плохо — больше. Выпускной класс я проучился бесплатно. С учёбой у меня было нормально. Кроме одного случая, который мог сыграть злую шутку в моей судьбе.

Хорошо помню, как во втором полугодии было открытое классное собрание, на котором присутствовал директор школы. В ходе обсуждения, когда директор попросил высказать свои соображения, ничего не подозревая, я попросил слова и ляпнул:

— Вот учительница по казахской литературе Зейнап Шакиевна кроме Абая Кунанбаева ни о каком другом писателе нам не рассказывает!

Чёрт дёрнул меня критиковать учителя!

Теперь спустя годы, вспоминая об этом событии, думаю, что мой вопрос было предметом обсуждения на школьном педсовете. По всей вероятности, Зейнеп Шакиевне сделали замечание.

После памятного собрания отношение учительницы по казахской литературе ко мне изменилось коренным образом. На выпускных экзаменах за моё сочинение по этому предмету она поставила “неудовлетворительно” и оставила на осень. Без аттестата зрелости. Дабы другим неповадно было — критиковать учителя!

В конце концов, уже в августе, я сдал злосчастное сочинение. Единственная тройка по казахскому языку в окружении отличных оценок по другим предметам является особой моей гордостью.

Я старею и моё литературное образование, наверное, никчёмное. Пожалуй, всё-таки права была Зейнап Шакиевна, когда вкатила мне двойку по казахской литературе!

Она, видимо, смотрела глубоко в корень и далеко на перспективу. Теперь имя великого национального классика присвоено в столице Астане гостинице, которая ранее называлась “Турист”. Не знаю, кому не понравилось прежнее название. Или просто не ведали и не думали инициаторы переименования, что творится в подобных заведениях. Под эгидой великого казахского гуманиста.

Другое дело, когда имя Абая присваивают учебным заведениям, вершинам гор, широким проспектам, звёздам, наконец.

Как мне кажется, подобного не допустили бы истинные почитатели таланта Абая. Ведь к великой личности надо относиться бережно. А это “творчество” отдельных “преобразователей”, которые создают себе имя, “авторитет” и кормушку на поприще присвоения и переименования.

Мне, пожилому человеку, непонятны сегодня многие новые казахские слова. Вроде как живу в новом мире, в окружении новых понятий, среди новых казахов.

Хорошо хоть нашли универсальный и уникальный корень “хана”, и пошло-поехало “ханить”, словно издеваются над народом, захлѐб смеются над ним.

Зачем коверкать и выдумывать новые слова, которых никогда не было в казахском и в помине? Например, “саукхана” — оказывается казино, “ажет-хана” — туалет, “зертхана” — лаборатория. Такой список нововведений можно продолжать бесконечно.

Неужели всё это делается для искоренения общепринятых во всём мире терминов и названий? Здесь мы впереди планеты всей! Не надо изобретать велосипед. Кстати, не знаю как сейчас, но в нашем ауле раньше его называли “бельсепед”. Может, сейчас он тоже звучит как какая-то “хана”. Я даже побаиваюсь, что будет с моими привычными “Майна! Вира!”.

Кто поставит заслон подобному творчеству под провокационным, по сути, лозунгом возрождения “народного духа”. Скажу прямо, не так он возрождается обиженными когда-то и кем-то людьми. А в рабском труде по обустройству земли обетованной.

Не в комфорте и тиши благоустроенных кабинетов путём ковыряния в носу, пустой болтологии, что кроме раздрая, пустословия и демагогии ни к чему доброму не приведёт. Скорее, наоборот.

Порой мне кажется, люди, которые считают себя никак не меньше как элита, аристократия, далеки от этого. Получить степень или титул — это нечто! Сейчас время безответственности, когда “Нету бабушки и священника, которые предостерегают!”.

Но я, пожалуй, отвлечся. Крайняя несправедливость учительницы так возмутила меня, что я потерял всякий интерес к учёбе, даже возненавидел её. Поддержать и направить на путь истинный сироту никого не находилось. Такова сиротская доля во все времена!

Целых пять лет я мытарил разнорабочим на железной дороге станции Атбасар. Благо, станция узловая. Она постоянно расширялась, работы всем хватало. Всегда попадал в бригаду взрослых, но они относились ко мне как к равному.

Благодаря железной дисциплине и порядку на железной дороге редко были случаи пьянства. Это спасло меня от многого негативного.

Когда круглый год изо дня в день ходишь по шпалам, в промасленной спецовке, противно пахнущей креозотом, размахивая специальной кувалдой, чтобы забить костыль или огромным ключом закручиваешь, обливаясь потом, заржавевшие болты, — невольно становишься философом-мечтателем.

Постепенно пришёл к мысли: “Неужели вот так до глубокой старости пройдёт моя жизнь? Окончил десятилетку. Люблю учиться, люблю химию, математику, физику, черчение, наконец. Будь неладна казахская литература. Я же спокойно читаю и говорю по-казахски. Что ещё надо? Ведь этого хотела и добивалась Зейнап Шакиевна, чтобы я остался неучем! Нет! Этому не бывать!”.

В ту зиму мы с другом Анатолием Бочкарёвым самостоятельно готовились к вступительным экзаменам, и ни куда-нибудь, а прямо в Москву. “Чему бывать, того не миновать!”.

Он поступил в престижный в те годы, да и сейчас, МВТУ им. Баумана (Московское высшее техническое училище, ныне технический университет), а я в МИИТ (Московский институт инженеров транспорта) на факультет “Промышленное и гражданское строительство”.

Тогда была хорошая традиция. Всех вновь поступивших в московские вузы казахстанских студентов собирали в постоянном представительстве нашей республики при Совете Министров СССР. Отдел учебных заведений постпредства проводил инструктаж, наставления. Молодые люди знакомились друг с другом. Каждый семестр в зависимости от успеваемости студентам помогали материально. Это здорово всех нас вдохновляло, поддерживало, воспитывая патриотизм и веру, что мы нужны своей стране.

Наш институт уже в те годы обладал статусом международной категории, а посему здесь обучалась молодёжь со всего мира. Жили иностранцы отдельно от нас в престижном четвёртом общежитии.

В общежитии у каждого студента была отдельная комната. С первого курса за всеми иностранцами закрепляли советских студентов, которые были постоянно с ними на занятиях, вечерах отдыха. Так легче для овладения языком, да и безопаснее в чужой стране.

В институте обучалось более десяти тысяч студентов. Был свой большой Дворец культуры. Каждую субботу там проводились вечера отдыха. Обычно они посвящались дружбе народов: советско-кубинской, советско-венгерской, советско-болгарской и так далее. На этих вечерах студенты, представители той или иной страны, пели песни, исполняли национальную музыку, танцевали. Знакомили с культурой, обычаями своих стран и народов. От этих вечеров все получали огромное душевное наслаждение и каждый раз с нетерпением ждали новой встречи.

После второго курса мы вместе с Аббасом Канатбаевым и Кабдоллой Бекжановым по вечерам стали подрабатывать в качестве монтажников декораций в Центральном театре Советской Армии (ЦТСА).

Благодаря работе в театре и хорошей учёбе я особо не испытывал большой нужды в средствах. Хорошо зная — помощи из дома не жди!

Должностной оклад рядового инженера в те годы составлял 110-140 рублей в месяц. А я студент. В театре получал ежемесячно 70 рублей плюс 50 рублей стипендия. Иногда перепадала помощь со стороны посольства.

Заработанные деньги расходовал очень экономно. Когда отправлялся домой на каникулы, старался привезти подарки, в первую очередь индийский чай, конфеты “Раковая шейка”, чего не было у нас дома и в помине!

Если в детстве частенько приходилось несколько десятков километров в школу и из школы шагать на своих двоих, то в студенческие годы, отправляясь на каникулы, несколько тысяч километров из Москвы домой преодолевал на самолёте за несколько часов. Цена билета была смехотворно низкая, всего 21 рубль 50 копеек, а потом и ещё ниже.

Кто бы что ни говорил, как бы ни чернил прошлое, но для меня, простого казахского парня из аула, сироты, это было в высшей степени благом!

Со своей супругой Газизой Канапьяновой я был знаком ещё со школьной скамьи. Мы вместе учились с пятого класса. Когда она закончила факультет английского языка Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая, я заканчивал только первый курс своего МИИТа.

Вначале, как было принято в те годы, обменивались письмами. После того как я закончил третий курс, поженились. Мы ни разу не ходили на танцы, не гуляли в парках, о других увеселениях и говорить не приходится. Одним словом, у нас не было большой прелюдии или увертюры, не до сомнений и любезностей. Время было такое. Кроме того, мы с детских лет хорошо знали друг друга.

У неё, как и у меня, отец погиб на фронте. Свадьба наша была до предела проста. Одно название. После свадьбы улетел в Москву завершать учёбу, она осталась учительствовать там, куда её направили на работу.

Как сейчас помню, прилетел в Дзезказган 20 марта 1967 года. Дом полон радости. Все поздравляли с первенцем — родилась дочь Алмагуль. В сентябре того же года я закончил свой родной МИИТ. Меня направили



по распределению на работу в город Целиноград (ныне Астана), в производственное объединение “Казэлеватормелестрой”, где и проработал до самой пенсии.

Скажу прямо, пахал на работе как “папа Карло”. Всё время как рядовой прораб. Так что хвалиться карьерными достижениями не приходится. Оно мне и не нужно. Моя работа меня вполне устраивала, и я ею был абсолютно доволен!

Три раза предлагали вступить в ряды КПСС. Я всё время находил отговорки. На своей работе и должности я имел то, что многие не имели, мечтали и хотели иметь. Я обладал абсолютной творческой свободой, что позволило мне состояться как профессиональному строителю, чем я бесконечно горжусь.

Любил вносить новые идеи в производственные процессы. Сам их внедрял, в отличие от многих теоретиков стройки. В чём получал постоянную помощь и поддержку со стороны руководства. Правда, не всех!

Было немало таких, кто завидовал мне. Я всё время поражался, что им надо от меня? В начальство не рвусь. Никому не мешаю. Думайте! Работайте! В то время новаторство носило хитромудрое название — рационализаторские предложения. При надлежащем оформлении и соответствующей эффективности полагались премии. Поскольку все мои предложения ускоряли процессы стройки, заменяли многие трудоёмкие операции, экономия была очевидна и налицо.

Материальные премии были существенными. По итогам года они часто превышали всю мою годовую заработную плату! Что ещё надо, когда твой заработок на уровне или превышает зарплату всех твоих прямых начальников? Плюс свобода, которой они не имеют!

В те годы, при страшном дефиците легковых автомобилей всех марок, начиная от пресловутых “Запорожца”, “Москвича” и пользовавшихся огромным спросом “Жигулей”, мне в начале 70-х годов прошлого тысячелетия руководство треста без очереди предоставило право покупки шикарной “Волги” — предел мечтаний всех автолюбителей.

Чёрную “Волгу” гнал из Москвы сам! Вначале заехал в свой родной МИИТ. Москва — великий город, он приютил меня, дал образование. Да ещё какое! Мне — казаху, круглому сироте! Такое не забывается!

Вот что интересно. Подобное право на покупку “Волги” без очереди лауреату Ленинской премии, первому заместителю директора Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства Эрвину Госсену предоставили только в 1981 году.

При всей свободе от начальства я всегда отдавал себе отчёт в своих действиях. Не допускал прогулов на работе. Никогда не опаздывал, никогда не боялся ответственности, никогда не обманывал, никому не льстил, не подводил своих руководителей.

Всё это вместе взятое и привело к тому, что я всегда был нужен им. Они держали меня, с престижным московским дипломом, как “рабочую лошадь”! Умное начальство! Всех видит насквозь! Держит около себя только тех, кто пашет на них. Неудобных не задерживает.

Желаю всем, особенно молодёжи, чтобы моё отношение к однажды выбранной профессии и работе — а это судьба — служило им примером!”.

г. Астана.



Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, академик Международной
академии информатизации

Чёрные розы маршала

Около двух лет знаменитая советская киноактриса Татьяна Кирилловна Окуневская отбывала свой лагерный срок в пустынном Джезказгане в Степлаге. Об этом рассказывают новые документы, найденные в спецархиве Генеральной прокуратуры РК.

Какие только страсти ни разгорались вокруг имени кинозвезды Татьяны Кирилловны Окуневской! Она, мол, была любовницей Иосипа Броз Тито, Абакумова, Берии, Сталина, Симонова. Якобы из-за склонности знаменитой артистки к любовным похождениям рано скончался её муж — известный в своё время писатель Борис Горбатов, лауреат Сталинской премии.

Что касается лагерной “эпопеи” Окуневской, то здесь тоже хватает неясностей. Журналисты то отправляют её в Дальлаг, то высылают в Магадан. Будто бы за шпионские связи с иностранцами.

Так где же правда? Некоторое время назад по моей просьбе в спецархиве управления Комитета правовой статистики и спецучётов по Карагандинской области при Генеральной прокуратуре РК рассекретили личное досье на заключённую Татьяну Кирилловну Окуневскую. И получается, мне выпала честь довести до сведения поклонников её таланта, что великолепная советская артистка была осуждена особым совещанием при МГБ СССР 10 декабря 1949 года по статье Уголовного кодекса 58 пункт 10, то есть за антисоветскую агитацию и пропаганду, а не за шпионаж, сроком на десять лет. Да, ей вначале хотели приписать “шпионаж” за контакты с маршалом Иосипом Броз Тито, послом Югославии в СССР Владо Поповичем и другими иностранцами, но ничего не получилось у ретивых чекистов, фактов не хватало. Говорят, даже Берия, полистав дело Окуневской, сказал Абакумову:

— Ну какая из Татьяны шпионка? Иностранцы любили её как женщину, как киноактрису, помогали её сердца. Вот и вся шпионская связь. Судить её надо за злой и колючий язык — не думает, что говорит...

Именно тогда её “пустили” по 58-й статье, как и певицу Лидию Андреевну Русланову.

Тринадцать месяцев актрису продержали в московских тюрьмах МГБ (арестовали 13 декабря 1948 года), а затем направили в Степлаг МВД. В Караганду она прибыла 17 января 1950 года из Бутырской тюрьмы. В тот же день попала в третье лагерное отделение Степлага, которое находилось на территории нынешнего Жезказгана.



Каково же ей пришлось в этих не столь отдалённых местах? Сама Окуневская в своей книге мемуаров свидетельствовала: “Здесь край света, нет никого, ничего, кроме нас (заключённых. — **В. М.**) и нашей охраны, пустыня, медные рудники. Это “спецлаг”, ходить можно только с номерами на шапке, на спине и на колене, и у меня уже такой номер есть СШ 768. “С” — это спецлаг, а вторая буква... исчисление нас в тысячах — кончается тысяча и появляется новая буква алфавита.

У нас нет забора, мы огорожены колючей проволокой. Наш лагерь — отделение, а основной лагерь, эти самые рудники, километров за двадцать, там находится и высокое начальство, которое иногда у нас появляется. Наша зона работает на строительстве канала; на кирпичном заводе, на строительстве железнодорожной станции и посёлка при станции. Климат резко континентальный, сейчас зимой такие вьюги, что от барака к туалету протягивают канат, чтобы не унесло... Бараки саманные, это кирпичи из соломы и глины, нары двухэтажные, и самое тяжёлое — опять как в тюрьме: бараки после отбоя закрываются на замок”.

Так ли было, как пишет Окуневская? Да, так, сомневаться в её рассказе не приходится. Почётный гражданин Караганды, восьмидесятидвухлетний Камали Жуматаевич Дюсембеков в 1950 году работал штатным пропагандистом Джезказганского райкома партии. Было ему тогда 26 лет, он неоднократно выступал с лекциями и перед заключёнными Степлага как на рудниках, так и непосредственно в зоне. Выступал он под охраной, за трибуной, офицеры Степлага боялись, как бы чего не случилось. Но ничего необычного, сверхъестественного не происходило. Вот разве порой каверзные вопросы задавали лекторам. Был среди них и такой:

— За что посадили киноактрису Окуневскую? Её к нам по этапу из Москвы пригнали, она у нас в инструменталке работает...

Но ничего не ответил на этот вопрос Камали. Да и не мог он ответить — это не входило в его компетенцию. Поднялся сидевший в президиуме курносый белокурый лейтенант, начальник КВЧ (культурно-воспитательной части) и неожиданно как рывкнет:

— Кто задал лектору провокационный вопрос?

И в зале сразу гробовая тишина установилась — муха пролетит, слышно. Но самое удивительное — после лекции в красном уголке лагеря передвижка показала фильм “Это было в Донбассе”, в котором Окуневская играла одну из главных ролей. И когда офицеры выходили из красного уголка, то заключённые хором прокричали:

— Свободу Окуневской!

Киноактриса действительно работала в Степлаге в инструменталке. Выдавала кирки и лопаты бригадам, работавшим на строительстве Кенгирского водохранилища. И ей, считала сама Татьяна Кирилловна, крепко повезло, ибо в инструменталке было одно “спасающее обстоятельство” — это прохладная землянка, где она пряталась от изнуряющей жары, суховеев и песчаных бурь. Здесь она просиживала все дни, сочиняя письма на свободу. Позже на основе этих писем она напишет замечательную книгу “Татьянин день”, которая выйдет в Москве в издательстве “Вагриус” в 2001 году.

Как раз в этой книге Татьяна Кирилловна сама объяснит, что она была осуждена по статье 58-10 всего-навсего за свои “колючие” высказывания. Осведомитель МГБ, некий Жорж Рублёв донёс, что Окуневская,

встречая Новый год под Веной в особняке маршала Конева, произнесла тост за тех, кто погиб в сталинских лагерях. А в Киеве в перерыве между съёмками картины "Сказка о царе Салтане" в кафе на Прорезной она заявила, что "все коммунисты лживые и нечестные люди, как Сталин".

Советская охранка стала следить за ней после того, как она влепила пощёчину министру госбезопасности СССР Виктору Абакумову. Во время одной из вечеринок для иностранцев в гостинице "Москва" Абакумов, изрядно подвыпивший, полез к актрисе целоваться. Поскольку он был одет во всё штатское и присутствовал на приёме инкогнито, Окуневская, не зная, что перед ней шеф МГБ, со всей силой шлёпнула его по щеке. И услышала гневное шипение обиженного:

— Ну, тварь, ты меня скоро вспомнишь. Дорого тебе обойдётся твоя выходка. Запомни, что я: Абакумов, министр госбезопасности.

Вот так Окуневская познакомилась со своим палачом. Вскоре он прислал ей записку, в ней всего четыре слова: "Вы подлежите аресту. Абакумов".

Молодчики в чёрных кожаных пальто, передав записку шефа, сразу скрутили ей руки. Мать Окуневской бросилась к двери, закрыла её:

— Не пущу, окаянные. Разве можно творить беззаконие? Отпустите Танечку...

Но старуху толкнули так, что она упала на пол, больно ударившись о пианино. Когда чекист хотел взять у неё ключи, она плюнула ему в лицо:

— Это вам от всех матерей России!

Обезумевшая Татьяна не знала, что делать. Слезы текли по её лицу. И она крикнула:

— Свины! Тупорылые, безмозглые, как и ваш министр... Наступит время, и Бог вас накажет.

Они в ответ засмеялись:

— Бога нет!

И тут неожиданно снова заговорила мать:

— Есть Бог! Есть высшая правда, она придёт.

В домашнем халате Окуневскую бросили на Лубянку, ей даже переодеться не разрешили. Больше года её держали в одиночных камерах, избивали, морили голодом, довели до такого психического состояния, что она стала разговаривать с воробьями, которые садились на решётки окна.

В конце концов её привели в кабинет Абакумова. Он сидел за столом, который ломился от различных яств. Запахи сочных алых яблок, груш, спелого голубого винограда ударили в ноздри так, что у Окуневской закружилась голова.

— Ну что? Договоримся или будем худеть? — цинично спросил Абакумов.

С лицом победителя он подошёл к ней, и Окуневская ощутила прикосновение его липких рук. Он стал раздевать её с жадностью голодного зверя.

И когда Абакумов дыхнул ей в лицо отвратительным перегаром, злобонием, она не выдержала и снова ударила его по щеке. При этом она толкнула его на стол так, что его громоздкое тело разбросало яства по всему кабинету. И, собирая их, ползая на коленях, он опять зашипел как змея:

— Сдохнешь, и мать родная не узнает, где. В самое пекло ада отправлю...



Самое пекло ада — это и был лагерь в Джебказгане. На кирпичном заводе она упала от солнечного удара, еле пришла в себя в медсанчасти. На строительстве железнодорожного вокзала ей защемило руку в дверях так, что она опять потеряла сознание.

И быть бы ей мёртвой красавицей, если бы не помощь и любовь к ней заключённых. Им сначала и в голову никак не могло прийти, что рядом с ними в серой оборванной телогрейке, ватных брюках надрывается на тяжёлых физических работах знаменитая актриса. А она к моменту приезда в Джебказган и была таковой. Снялась в фильмах “Пышка”, “Горячие денёчки”, “Майская ночь”, “Александр Пархоменко”, “Последняя ночь”, “Ночь над Белградом”. Её знали и высоко ценили за рубежом, её встречали на “бис” в Белграде, Софии, Бухаресте... И когда люди узнали историю её ареста, то их возмущению не было предела. Ей сочувствовали все, даже многие чекисты. Разве можно насилловать талантливых людей, принуждать их к близости, мстить им? Григорий Распутин был не менее похотлив, чем Абакумов, но он не преследовал женщин, которые отказывали ему.

Её понимали, её поддерживали, как могли.

Лагерный врач Георгий Маркович Кауфман успокаивал:

— Терпи, дочка, и в аду люди живут..

Заключённые делились с ней посылками, лекарствами, едой. По ночам они собирались у нар Окуневской и всё расспрашивали её о жизни. Им казалось, что судьба актрисы всегда полна удивительных приключений, пылкой любви, ненависти, всяких неожиданностей. Затаив дыхание, молодая женщина, девятнадцатилетняя крестьянка из Западной Украины Валентина Пупуля, краснея, спрашивала Окуневскую:

— Это правда, что вы были любовницей Иосипа Броз Тито?

О милое, наивное создание! Конечно же, это всё грязные сплетни, выдумки невежественных людей!

А как было на самом деле? В 1946 году Окуневская совершала заграничное турне по Югославии. В то время там с большим успехом проходила премьера кинофильма с её участием “Ночь над Белградом”. В этой картине Татьяна Кирилловна талантливо исполнила гимн югославских партизан под звуки польского джазового оркестра Генриха Ворса (друга Эдди Рознера). Эту песню, впервые исполненную ею на Ташкентской киностудии, она затем будет повторять на “бис” несчётное количество раз в госпиталях и даже на фронте на военных грузовиках. Песня так полюбится людям, что имя Окуневской будет бессмысленным без неё. Особенно ошеломляла зрителей концовка гимна: на словах “в бой, славяне, заря впереди” актриса выхватывала спрятанный в рукав большой алый газовый шарф и взмахивала им над головой! Зрители были в неописуемом восторге — они требовали, просили, умоляли актрису исполнить эту песню ещё и ещё...

Побывав на концерте Окуневской, маршал Иосип Броз Тито буквально влюбился в неё и в честь актрисы дал ужин в своём особняке. В книге “Татьянин день” Татьяна Кирилловна подробно описывает этот ужин, рисуя маршала Югославии как искреннего, весёлого, гостеприимного человека. Мимо неё не проходит незамеченным даже кольцо с чёрным бриллиантом на его правой руке, оно приносит ему счастье, замечает она.

Маршал улыбается ей приветливо, как подобает интеллигентному человеку. Да, это антипод Берии, который накануне поездки артистки за



рубеж заманил её в свои апартаменты. Ей всегда было потом плохо до безумия, до потери памяти, когда она вспоминала о вечере с жестоким, грубым, похотливым Берией.

Иное дело Тито. Нет, она не была его любовницей, но могла стать. И не только любовницей, но и законной супругой. Когда маршал прилетел в Москву, то дал банкет в ресторане гостиницы “Метрополь”. Кто бывал там, тот на всю жизнь запомнил солнечный паркет, сияющий стеклянный потолок, семицветный фонтан, высокую эстраду.

Когда заиграл оркестр, Тито через весь зал пошёл к Окуневской, пригласил её на танец. И, вальсируя с ней, предложил ей переехать в Хорватию, на свою родину, обещал построить для неё в Загребе студию...

— Наконец-то я держу Вас в своих объятиях! Я думал, что никогда не дождусь Вас.

По сути, это было объяснение в любви. И жаль, что в ответ на это признание маршала последовал ответ Окуневской:

— Я не могу уехать из своей родной страны.

Тогда же Тито предпринял ещё одну попытку увести обаятельную актрису в Югославию, предложив всему коллективу театра, в котором она работала, выехать на гастроли в его страну. Однако Берия, узнав об этом, запретил Окуневской выезд из СССР, хотя театру дал такое разрешение. Можете себе представить, какой провал потерпел театр, приехавший на родину маршала без Окуневской.

Иосип Броз Тито никогда больше не появится в жизни актрисы. Но она до последних дней своих будет вспоминать маршала, его нежные слова, умение ухаживать, корзину цветов от Тито — двести чёрных роз. Их принесли в театральный зал для неё одной, поставили у её ног после спектакля, когда упал занавес и она вышла к рампе. В изумительной красоты цветах она нашла записку Иосипа Броза Тито: “Я беспрерывно думаю о Вас, и не сможете Вы совсем выбросить меня из сердца”.

Да, она не смогла выбросить его из сердца. Платоническая любовь порой запоминается сильнее, чем любовь физическая. Тем более, когда любит такой большой и красивый мужчина, как Иосип Броз Тито.

Блистательного маршала ей заменил посол СФРЮ в СССР Владо Попович. Вот с ним действительно у неё была физическая близость. Это как наваждение! Они встречались тайком, в маленьком особняке, огороженном берёзами, — она прямо-таки потеряла голову, спешила каждый день к нему, чтобы только видеть, целовать его красивые руки. Он мог держать её в экстазе часами, это было незабываемое блаженство любви. Возвращаясь домой, она как бы парила, не замечая осуждающих её взглядов мужа, резких замечаний матери, что дочь стала забывать о хозяйственных делах.

И вдруг неожиданно всё исчезло, как густой туман над рекой. Иосип Броз Тито стал проводить самостоятельный путь развития Югославии и вышел из подчинения Сталину. Он отозвал всех своих представителей из Москвы, и Владо Попович тоже сгинул где-то за железным занавесом. Последняя встреча с ним была невыносимо тяжёлой, оба чувствовали, что больше никогда не встретятся. И подушки все были в слезах, мокрыми и солёными...

Она пришла домой опустошённая, и тут же узнала, что арестована Лидия Андреевна Русланова, великолепная исполнительница русских



народных песен, Певвица Победы, как называли её в народе. В записной книжке Окуневская напишет: “И то, что я узнала от мужа, меня потрясло: оказывается, кто-то посмел поднять руку на маршала Жукова, человека, спасшего Родину, Россию, наплевали на его заслуги, на любовь к нему народа — его перевели командующим каким-то военным округом, а с его личного друга детства, прошедшего с ним всю войну, генерала Крюкова сорвали погоны и арестовали... Шабаш входит в свой апогей. Не захлебнутся ли они кровью, начиная всё сначала?”.

И дома начались скандалы. Окуневская упрекает своего мужа Бориса Горбатова в подхалимстве, трусости, в том, что он пишет неправду, как и его друг Константин Симонов. Она называет его лакировщиком советской действительности, лакеем Фадеева и Сталина. И всё это делает ради карьеры, ради Сталинской премии! Окуневская пишет о муже: “Он умный и не может не видеть того, что творится. Он варится во всём этом! Никто не смог увидеть письма, оставленного застрелившимся Фадеевым, оно тут же было изъято органами, но та самая совесть, которая не даёт спать по ночам, заставила Фадеева взвести курок: из-под его пера сыпались, как из рога изобилия, подписи на аресты писателей”.

Что же Борис Горбатов? Как и Симонов, виновный и причастный к травле Зощенко, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака и других писателей, он молчит, как будто в стране ничего не происходит. Дремлет его совесть. Окуневская, осуждая мужа, сама готова убить его из собственного пистолета, который ей подарили лётчики за концерт в Австрии в лётном полку. Говорили, что этот браунинг принадлежал самой Еве Браун. Он настолько нравился Окуневской, что она часто любовалась им, его холодным стальным блеском, разукрашенной жемчугом рукояткой. С каким наслаждением она всадила бы пули из этого браунинга в лоб Горбатову, Симонову да и самому Сталину за все злодеяния.

Она была на грани помешательства. И, боясь её необдуманных поступков, Борис Горбатов выкрал браунинг из шкафчика в спальне и выбросил в реку за Кишинёвом прямо из окна вагона, в котором они возвращались из Молдавии в Москву после концертов Татьяны.

Когда Окуневская узнала об этом, она прямо-таки онемела.

— Я спасаю тебя от необдуманных выстрелов, — оправдывался Горбатов. — Я спасаю тебя от ареста за хранение огнестрельного оружия без документов.

Но спасти Окуневскую от ареста, как мы знаем, уже не удалось. Как только они приехали в Москву, её бросили в тюрьму на Лубянке. И сразу лауреат Сталинской премии Борис Горбатов отказался от неё как от прокажённой. И пока она находилась в джезказганском лагере, он не отправил ей ни одного письма, ни одного сухаря. А вскоре нашёл себе новую жену — актрису Н. Архипову. Однако прожил с ней недолго: в 1954 году он последовал в мир иной, скончавшись от инсульта. А было ему всего 42 года! Мир праху его.

Окуневская находилась в Степлаге около двух лет. Она оставила о себе в этом лагере самые лучшие воспоминания, с её именем бывшие заключённые связывают проведение в зоне праздников 1 Мая, Дня Победы. У неё был особый нюх на талантливых людей, в КВЧ она создала хор, балетную группу, драматический кружок. Во время концертов, которые она готовила и вела, зрители ликовали, восторженно кричали,



плакали. Саму Окуневскую встречали рёвом, — она потрясающе исполняла песни фронтовых лет “Катюшу”, “Синий платочек”, “Землянку”... Вальс из фильма “Мост Ватерлоо”, взятого в качестве трофея в Германии, в её исполнении многим напомнил о том, что любовь должна быть вечной, что у неё нет границ, что благодаря любви, поселившейся в сердце человека, рождается жизнь на земле.

В учётной карточке Т.К.Окуневской указывается, что 21 августа 1951 года она убыла из Джезказгана в Москву в тюрьму МГБ СССР. Чем вызван был её перевод? Татьяна Кирилловна написала письмо Сталину о злодеяниях Абакумова и тайно отправила его в Кремль через доверенную подругу. Однако письмо не дошло до Сталина, оно попало в руки того самого человека, на кого артистка жаловалась — Абакумова.

И вот снова встреча с этим изувером. Его издевательствам нет предела, она опять в одиночке, её не выводят даже на воздух. Далёкий Джезказган, его пыльные горячие бури и ледяные метели, грязные бараки со вшами и скудная похлёбка кажутся ей теперь чуть ли не санаторием. Когда же, наконец, Бог накажет, бросит в реку огненную всех тех, кто создаёт этот ад на земле?

И, кажется, Бог услышал её мольбу. Она видит в щель двери: повели в наручниках Абакумова. Неужели наступает рассвет?

Рассвет для неё наступит нескоро. После Карлага, московских тюрем будут ещё лагеря на Севере, в Латвии... Но однажды она снова выйдет на сцену театра имени Ленинского комсомола, затем снимется в новых фильмах “Ночной патруль”, “Звезда балета”. Но никто и никогда уже не подарит ей двести чёрных роз, как это сделал маршал Иосип Броз Тито. Её время уйдёт вместе с распадом могучей державы СССР.

Окуневская переживёт многих властителей, отпразднует своё 80-летие. И на юбилее опять произнесёт тост за всех тех, кто погиб и страдал в сталинских лагерях ради новой жизни на земле, ради торжества Любви, разума, справедливости. Она, как всегда, будет “в ударе нежных чувств”. И никто уже не сможет осудить её за антисоветскую пропаганду и агитацию.

г. Караганда.

Бектур КАДЫРОВ

ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА

В рамках V Международного кинофестиваля “Евразия”, проходившего в Астане, в музее современного искусства прошла презентация альбома “Киноплакат Казахстана”. В него включены афиши 159 отечественных фильмов, вышедших в прокат, начиная с 1929 года до наших дней. Новое издание иначе как уникальным назвать трудно, в его основу легла коллекция, собранная за сорок лет заслуженным артистом РК Ментаем Утепбергеновым.

Это, по существу, иллюстрированная история нашего кинематографа. Помимо синемапостеров актёр-коллекционер собирает марки, кинокамеры, монеты, кинореквизит, DVD-диски. Он автор книги “История кино в марках”, аналога которой нет в мире. Презентация этой книги состоялась в рамках 51-го Международного кинофестиваля в Каннах (1997 год). Как филателист, он отмечен пятью золотыми медалями международных выставок. Он мечтает об открытии музея кино в Казахстане, где будет место его уникальной коллекции.

Да и о своей основной деятельности он не забывает: Ментай Утепбергенов сыграл 68 ролей, представляя 19 национальностей, снимался на 13 киностудиях бывшего СССР. Многим памятна, например, роль японца в “Интердевочке”, весь Союз помнит его игру в фильмах “Частный детектив, или Операция “Кооперация”, “На Дерибасовской хорошая погода...” и многих других. И во всех ипостасях Утепбергенов интересен, своеобразен, остроумен. А о каждом своём экспонате может рассказать много любопытного, порой курьёзного. Так, например, забавный случай произошёл с фильмом “Амангельды”, одним из авторов сценария которого был Беимбет Майлин, репрессированный в год выхода ленты. Возникло опасение: а не был ли и сам Амангельды Иманов алашординцем? И тогда динамичное изображение народного героя, ведущего стрельбу со скачущего коня,



заменили на афише на лицо актрисы Шары Жиенкуловой, сыгравшей роль его супруги. Много лет спустя Ментай Утепбергенов в Прибалтике разыскал у кого-то из коллекционеров первый вариант киноплаката и показал его в Ленинграде и Москве. Россияне очень удивились, узнав, что Амангельды — не женщина, как они считали, зная о фильме по второму постеру, с Шарой Жиенкуловой.

Искусство плаката в Казахстане развивалось весьма интенсивно и плодотворно. Мастера кисти и пера, фотографии и каллиграфии создавали поистине шедевры в самых разных жанрах и техниках, и многие их произведения остались в памяти зрителей старшего поколения.

В самом деле, плакатов к кинофильмам “Джамбул”, “Поэма о любви”, “Выстрел на перевале Караш”, “Конец атамана” Ментай Утепбергенов собрал по три варианта, ещё к пяти-шести — по два.

Но из кинопродукции периода Великой Отечественной войны сохранился только один плакат 1942 года — “Боевой киносборник № 12”. Времена были суровые, но кино снималось, вот только на рекламу не оставалось, должно быть, ни сил, ни средств, а из тех афиш, что увидели свет, мало что сохранилось.

С 1967 года тексты-титры в плакатах стали появляться уже на двух языках — казахском и русском, причём нередко их перевод был не буквальным, а смысловым. Так, название “За нами Москва” по-казахски звучало как “Ел басына кун туса” (“Когда над народом нависла беда”), отчего сильно выиграл постер, и фильм стал понятнее и значительно ближе казахскому зрителю.

А затем появились французские и английские слова и транскрипции. Это Казахстан вышел на международную арену, покоряя зарубежную публику на престижных фестивалях.

Сегодня тексты на разных языках не втискивают в один плакат, а издают их по отдельности. “Три брата”, “Киллер”, “Дорога” и другие — снабжены надписями на английском, французском, немецком и адресованы зрителям той страны, где предполагается их показ. Так происходит сближение культур разных народов.





Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Еркегали по прозвищу “Кошмарик”

Повесть

(Окончание. Начало в № 11 за 2008 год.)

О Советском Союзе

Я люблю приходить к бабушке в гости. Её квартира похожа на музей. Она угощает нас чаем из большого самовара, которому больше ста лет. Я люблю её стихотворение про самовар и каждый раз прошу его прочесть, что бабушка делает с удовольствием:

*Когда мой отец разжигал самовар,
Он долго пыхтел и блестел, словно шар.
Над ним поднимался, как облако, пар,
Он к трапезе нашу семью приглашал!*

*Он важно стоял на нашем столе
И отражался, как солнце в окне.
Напыщен он был, как красавец петух,
Потом затихал, испуская свой дух.*

*Я образ его никогда не забуду!
Он был для меня замечательным чудом.
Запомнился цветом, как медный пятак,
И был кривоногим, как старый гусак.*

Стихотворение большое, и бабушка не стала его читать полностью. Она говорит, что к старости люди становятся болтливыми, и её стихи тоже. Мне стыдно, что я не нашёл время выучить хоть одно её стихотворение. Может, оттого, что семья не одобряла её творчество.

На стенах у неё висят фотографии её бывших учеников. Среди них есть знаменитости: врачи, академики, учителя и министр.

Я спрашиваю: “Бабушка, а у тебя есть простые ученики? Продавцы, рабочие?”. Она отвечает: “Больше половины моих учеников — представители этих профессий”.

— А почему у тебя нет их фотографий?

— А потому, внучок. Я понимаю твой хитрый вопрос, продавцом может стать каждый из них. А генералом — единицы. А если бы висели их фотографии, то про меня сказали бы: “Грош цена тебе как учительнице, выучила одну серость!”.

Она любит рассказывать о своих знаменитых учениках и гордится, что была их первой учительницей.

Однажды, когда я пришёл к ней, бабушка делала генеральную уборку и выкладывала на стол пакеты с фотографиями незнакомых мне людей. Я спросил её: “Кто эти люди? Наши родственники?”.



— Нет, — ответила она. — Это герои войны. Многие из них погибли, защищая нашу Родину — Советский Союз.

Я спросил: “Ты что, раньше жила в другой стране? А зачем оттуда уехала?”.

Бабушка обиделась: “Глупышка, мы никуда не уезжали! Её теперь нет, она не существует”.

— Расскажи мне про свою страну, — попросил я.

— СССР был умным и сильным государством. Я люблю его и скучаю, — она с серванта сняла старую матрёшку — любимую мамину игрушку, обняла её и прижала к себе. — Вот таким большим и красивым был наш Советский Союз!

Она открыла её, вытащила из неё множество разных матрешёк:

— Вот во что он превратился! Появились новые государства, разные по величине, как матрёшки.

— А кто виноват? — спросил я бабушку.

Она ответила:

— Глупые старые правители. Они не хотели уступать своё место молодым, у которых мозги не засорены и хорошо работают. И довели в конце концов страну до нищеты. Ты не можешь себе представить, что когда-то магазины были пустыми. На витринах лежали ячейки с яйцами. После шести часов вечера продавались продукты. Если не выступишь большую очередь, ничего не купишь. Вся семья останется голодной.

— А как жили люди в Казахстане?

— По-разному. Несмотря на то, что Казахстан богат, всё отсюда вывозилось. Мы занимали очередь с утра, чтобы купить колбасу и масло. Твоя бабушка честно признается тебе, что и хорошего было много. В больнице бесплатно лечили людей, было бесплатное образование. Мы с дедушкой объездили все курорты, много раз бывали в Москве и Ленинграде.

Казахстан получил независимость, стал самостоятельным государством, это нас радует. Мы с дедом — пенсионеры и не можем позволить себе съездить отдохнуть, как раньше. Я страшно боюсь, если кто-то из нас заболеет, откуда нам взять деньги на операцию или лечение. Твой дедушка успокаивает меня, говорит, временные трудности. Боюсь, что я не доживу до лучших дней, может, вы будете жить в лучшие времена.

— А что стало с Москвой?

— Москва осталась Москвой. Говорят, ещё красивее стала!

— Бабушка, давай съездим в Москву! Или ты боишься скинхедов?

— Откуда ты знаешь про скинхедов?

— В нашем садике все дети знают, что они убили невинную маленькую девочку. Мы всей группой решили написать письмо Владимиру Путину, чтобы он их наказал.

Бабушка нарочито спросила меня:

— А кто такой Путин?

— Он — президент России.

— А кто у нас президент?

— Нурсултан Назарбаев.

— Правильно!

— В садике всему нас учат. Мы знаем всех главных президентов.

— Плохо, что вы, дети, узнали про скинхедов, это вам ни к чему. Молодцы, что решили написать президенту письмо! Я с твоим дедушкой много



раз была в Москве. Она была главным городом нашей страны! В Москве есть что посмотреть, где отдохнуть: Кремль, Красная площадь, собор Василия Блаженного, Третьяковская галерея, Мавзолей, где похоронен дедушка Ленин, много музеев и театров. Плохо, что сейчас опасно туда ездить. Раньше в Москву уезжала молодёжь учиться, как в Париж или Нью-Йорк. Там учились твои родители.

А скинхедов я не боюсь! Они неудачники, живут чужим умом. Кто поверит, что их врагом оказалась несчастная таджикская девочка? Что плохого она могла сделать этим оболтусам? Я думаю, им сейчас стыдно и жаль её. Возможно, они каются. Ты думаешь, что в тюрьме на них смотрят как на героев? Их презирают и над ними смеются. А их родственники сгорают от стыда. Может, в эти минуты им нужно сорвать было на ком-то свою злость. Или им заплатили большие деньги.

— Бабушка, неужели за деньги убивают человека?

— Ой, внучек, не задавай мне такие вопросы.

— А кто же объяснит мне, если не ты?

— Лучше не думай о них.

Мне захотелось помочь бабушке, и я спросил её:

— Что ты будешь делать с открытками, где изображены герои?

— Отдам их в школу, если возьмут. На их подвигах воспитывалось наше поколение. А вы про них забудете.

— Бабушка, героев никто никогда не забудет!

— Было время, когда народ не только героев, но и Бога забыл!

Я взял из шкафа несколько тяжёлых альбомов и нечаянно их выронил, оттуда выпало много фотографий. Я спросил:

— Это мамыны и папины фотографии?

— Нет, — призналась бабушка. — Это фотографии твоего дедушки и мои.

Мне стыдно признаться, что я их не узнал! Оказывается, они тоже были детьми и учились в школе. Потом поженились, и у них родилась дочь, моя мама.

— А ты думал, что бабушками и дедушками рождаются? Мы тоже были детьми, я была хулиганкой, а дедушка — хорошим спокойным мальчишкой. Посмотри, какими красивыми мы были и тоже не хотели стареть.

Я был удивлён: дедушка на фотографиях был обыкновенным мальчишкой, а бабушка — девочкой с косичкой. Я страшно испугался. Неужели и я стану, как они, старым и больным!

Бабушка стала утешать меня: “Когда ты вырастешь, настанут другие времена. Люди перестанут стареть. В мире тысячи учёных ищут лекарство от старости. Когда его найдут, человеку дадут таблетку или сделают укол, и он перестанет стареть. Вы будете молодыми и красивыми. А нам с дедом осталось недолго жить”.

Я испугался, как мы будем жить без них, и предложил им пока не умирать: “Подождите немного, скоро я вырасту и придумаю новое лекарство, которое сделает вас бессмертными!”.

Она засмеялась: “Спасибо, внучек, за такие слова! Я знаю, ты любишь свою бабушку. В последнее время я часто болею и боюсь, что не доживу до этого дня! Я хорошо пожила и на старость не обижаюсь! И не хочу быть бессмертной! Жить надо по законам природы! Если люди станут бессмертными, то мир перестанет обновляться, воцарится хаос в природе.

Старость нужна и людям, и природе! Каждый год на дереве обновляется листва, но от этого оно не становится моложе”.

— Бабушка, недавно я узнал, что не стану космонавтом, мои уши не поместятся в скафандр.

— Кто тебе сказал такую глупость? Посмотри, какие чудеса происходят на земле. Неужели учёным тяжело сделать скафандр под твои уши?

— Я всё равно передумал. Стану врачом и придумаю лекарство от старости и болезни, не умирай, пожалуйста. Подожди немного!

— Ерке, ты думаешь, легко придумать такое лекарство? Легче придумать новый компьютер!

— Бабушка, почему Бог не сделает бессмертными хороших людей? Я думаю, плохие испугаются смерти и перестанут совершать плохие поступки.

— Ерке, есть люди, которые ничего не боятся: ни смерти, ни ада. Они никогда не исправятся, их ничем не напугаешь. Нет, внушек, бессмертие ни хорошим, ни плохим людям не нужно! Жизнь станет неинтересной. Люди устанут жить!

О невежестве взрослых

Почему-то взрослые считают, что только детей надо воспитывать. И не замечают, как сами плохо воспитаны. На мамин юбилей пришло много гостей, её подруги и знакомые. Нам накрыли стол в детской, мы играли и смотрели телевизор. Когда я пошёл в кладовку за новыми игрушками, из туалета вышла подруга моей мамы Айман. Не помыв руки, она вернулась в гостиную.

Я догнал и спросил её: “Почему вы не вымыли руки? Вы ведь заходили в туалет!”. Она прошипела: “Замолчи, глупец!”.

Но я не успокоился, пошёл за ней и в присутствии гостей громко сказал: “Эта тётя вышла из туалета и не вымыла руки!”. Папа за шкуру затолкнул меня в детскую, а тётя Айман заплакала от обиды и ушла домой.

Мои родители потом меня ругали, что я неправильно поступил и не имел права позорить мамину подругу. Гости спрашивали меня: может, ты не заметил, как она вымыла руки? После этого случая мамыны подруги стали называть меня Кошмариком. Это прозвище навсегда приклеилось ко мне. При мне они демонстративно шли мыть руки в ванную. А родители после ухода гостей спорили между собой, кто прав. Лица у них были весёлые. Потом они признались, что я был прав, а тётя Айман была расстроена и просто забыла помыть руки. Я хорошо помню, как наши гости постоянно веселились, а она больше всех смеялась, но никто не хотел меня слушать. Взрослые всегда считают себя правыми!

Некоторые взрослые люди говорят в присутствии детей плохие слова и при этом даже не извиняются. Значит, они плохо воспитаны. Взрослые — страшные лгуны, даже мои родители. Я это заметил давно, но молчу и никому не рассказываю. Даже воспитательницы в садике, переговариваясь между собой, говорили: “Ерке — умный ребёнок, отец у него профессор, а мать умная женщина, она родила его поздно, а поздние дети рождаются умными и талантливыми”.

Недавно у меня зашатался зуб, я весь день его крутил и вырвал. До этого меня водили к врачам, они вырывали у меня зубы. Бабушка обрадовалась и сказала моим родителям:



— Надо устроить той, потому что Ерке вырос и стал взрослым.

Я подошёл и сравнил себя с отметинами, которые делал мой папа, но ничего не изменилось: я каким был, таким и остался. Из зеркала на меня смотрел удивлённый беззубый мальчик с оттопыренными ушами. Я разозлился, взял скотч и приклеил их.

Когда я утром проснулся, почувствовал, что щёки у меня стали колючими. Я решил, что за ночь у меня выросла борода, и страшно расстроился. Я пошёл в ванную и стал намыливать щёки, они снова стали гладкими.

Я от радости засмеялся, мама испуганно вошла в ванную и спросила, что случилось. Я рассказал ей честно про бороду, и мы вместе стали смеяться.

Потом я решил спросить её, может ли человек снова превратиться в обезьяну?

Мама спросила:

— Это ты про себя спрашиваешь?

— А что, я становлюсь похожим на обезьяну?

— Иногда своим поведением ты сильно напоминаешь наших предков. Но могу обрадовать тебя. В науке нет доказательств об обратном превращении. Жаль, что ты родился поздно и тебе скучно среди взрослых, поэтому ты задаёшь глупые вопросы.

Тогда я предложил:

— Роди мне щенка, и мне не будет скучно.

— Ты таким непорядочным образом выпрашиваешь у меня собаку? Ты прекрасно знаешь, что женщина не может родить щенка, для этого достаточно у нас в городе собак.

— Извини, мама, я просто не знал, как начать разговор, чтобы выпросить у тебя собаку.

Ссора с отцом

Однажды, когда я один слонялся во дворе, ко мне подошли мальчишки и спросили, хочу ли я поиграть в войну? Я обрадовался и предложил им своё оружие. Они сказали: твои игрушки нам не нужны. Чтобы играть в настоящую войну, принеси коробок спичек. Родители не разрешали мне брать спички, но в тот момент я так обрадовался, что забыл об их запрете. Они стали поджигать пух, он мгновенно вспыхивал, взрывался, как порох, и перемещался по периметру детской площадки. Наш двор засажен огромными тополями. Они выше наших домов, каждый год роняют пух и застилают пуховым ковром весь двор. Из окон стали кричать люди, они требовали немедленно прекратить безобразие. Я испугался, впечатление было ужасное, как в военных фильмах. Вдруг я почувствовал, как кто-то схватил меня за шкуру. Это была мама, она потащила меня домой.

Я обратился к мальчишкам:

— Отдайте мои спички!

— Ах, значит, ты и спички взял без разрешения! Сейчас придём домой, я всё расскажу отцу. Хватит! Пора признать, что наш сын хулиган! Пусть отец возьмёт ремень и накажет тебя, я в этот раз заступаться не буду!

У меня было хорошее настроение, и я сказал своей опешившей маме: “Давай поспорим! Папа наказывать ремнём меня не будет! Это не его метод! Потому что когда он смотрит на меня, у него счастливые глаза от радости, что я на старости лет у него родился!”.

Когда мы пришли домой, мама отправила меня в ванную привести себя в порядок. А потом пригласила к отцу в кабинет.

Отец был расстроенный. Он сказал: “Я страшно мечтал о сыне. Но с каждым годом я разочаровываюсь в тебе. Пока то, что ты родился у нас на старости лет, кроме неприятностей нам ничего не приносит!”

Я думал, что ты будешь опорой нашей семьи. А вместо этого позоришь меня. Тебя прозвали Кошмариком! Вдумайся, какое это ужасное слово! Я не буду тебя бить, ты правильно мыслишь — это не мой метод! Я со страхом думаю о твоём будущем! Ничего хорошего от тебя я не жду! Ты наш крест! Прочь с моих глаз!”.

Я, как побитый щенок, вернулся в детскую. Вот и доигрался. Как я докатился до такой жизни! Передо мной появилось лицо моей бабушки. Вот кто меня любит! Вот кому я нужен! Снова и снова я мысленно возвращался в кабинет отца. Он никогда не был таким разъярённым. Я потерял его уважение. Представляю, как сестра будет радоваться, что я свалился с пьедестала, куда поставили меня мама с бабушкой.

Я завыл, как щенок, слёз не было, хотелось лаять, гавкать, я хотел превратиться в собаку. Никто не заходил в мою комнату, даже мама!

Я хотел умереть. Представил себя, как лежу мёртвый и надо мной плачут мама, бабушка и дедушка. А Жанна стоит с отцом и улыбается. Она снова станет их любимицей! Ах, если бы понарошку умереть! Или совершить какой-нибудь поступок! Если бы случился ночью пожар, я бы всех разбудил и спас. Нет, только не пожар! Мама говорила: страшнее пожара ничего нет! А если спасти какого-нибудь ребёнка? Откуда? Рядом ни речки, ни лужи нет! “Как жить?” — восклицал я. Безысходность и безразличие охватили меня, я устал от своей фантазии. И уснул на полу возле кровати, как положено щенку.

Я проснулся оттого, что кто-то меня раздевал. Я глазам не поверил. Это была Жанна! Я сделал вид, что сплю, она целовала меня и говорила ласковые слова. Я обнял сестру, слёзы катились из моих глаз. Я прижимался к сестре, рыдал, всхлипывал то ли от радости, то ли от горя. Я и сам не мог понять. Моя сестра — обидчица и насмешница Жанна плакала вместе со мной.

Потом она, как всегда, грубо сказала: “Хватит, Чебурашка! Чего расплакался, как девочка! Как будто я поверю, что ты такой несчастный. Уж я тебя хорошо знаю, братец!”. Я был счастлив.

Чудо

Первый раз в жизни я шёл с большой радостью в садик. Мама со мной разговаривала сухо. Видимо, они устали от меня. Им, наверное, хочется избавиться от меня. А если попроситься в детский дом? Сказать: “Не хочу позорить родителей!”. Я недавно смотрел большую передачу, где все присутствующие говорили: если ребёнок плохо воспитан, виновны родители. И они должны отвечать за своих детей! А если узнают обо мне журналисты, они начнут позорить моих родителей. А родители им скажут: “Мы не виноваты, что он родился хулиганом!”. Мне стало их жаль. Они даже не смогут от меня отказаться. Бедный отец, он мечтал о хорошем благородном сыне. А родился моральный урод — так однажды меня обозвала соседка. Мне хотелось остаться в садике наедине со своими мыслями. Только чудо могло спасти меня. Как выпросить у отца прощение? Это тебе не мама, которая всё прощает. Сегодня и мамино поведение не давало мне иллюзий, что у меня всё хорошо закончится.



В нашу группу пришёл новый мальчик, он недавно переехал из аула. Он плохо говорил и читал по-русски, его передразнивали дети, смеялись над ним, когда он коверкал слова. Воспитательницы успокаивали детей и возмущались, почему его приняли в выпускающую группу. Как-то за обедом он опрокинул стакан с компотом, нянечка обозвала его недотёпой. Дети подхватили и стали так его дразнить.

Я заступился за него и сказал няне: “Вы не имеете права так обзывать Данияра. Никто, даже родители, не имеют права оскорблять своего ребёнка! Есть закон, который защищает права детей”.

И тут она зашипела: “Ишь, законник нашёлся! Я знаю от знакомых, тебя называют Кошмариком! Потому что ты не ребёнок, а настоящий чертёнок, лезешь везде, куда тебе не положено! У тебя есть бабушка, почему твой отец не разрешает ей заняться твоим воспитанием? Она была лучшей учительницей в нашем городе! Твои родители разбаловали тебя! По выходным они на работе, а ты смотришь разные передачи и чепухой забиваешь свою голову. Какие права ребёнка? Наши права надо защищать! Я этого ребёнка не била, он в твоей защите не нуждается! Сейчас рождаются такие дети, что их в зоопарке вместо зверей держать надо! Приходят к нам ваши родители со своими амбициями и начинают качать права: “Я бизнесмен, я крутой, я богатый!”. Если ты такой богатый, найми гувернантку! И не води своего детёныша в наш сад!”.

Я равнодушно выслушал воспитательницу, она права — я слишком много смотрю телевизор, и голова моя забита всякой чепухой. Когда я пойду в школу, то у меня не будет времени смотреть телевизор.

Весь день я молчал и раздумывал, как бы мне заслужить уважение отца. После обеда сразу уснул, чем удивил воспитательниц. И с нетерпением и горечью ждал возвращения домой. Отец будет ходить по квартире и не замечать меня. Так он поступает с мамой, когда с ней поссорится. Наступил вечер, родители забирали своих детей. За мной пришла мама, я неторопливо поменял одежду, глаза мамы были строги. Когда мы вышли из садика, я увидел нашу машину. Отец разговаривал с незнакомой женщиной. Это была мама Данияра. Она подошла ко мне, обняла и сказала им спасибо.

— С первых дней он стал защитником моего Данияра. Спасибо вам, что воспитали такого доброго, хорошего мальчика! Я боюсь представить, как плохо было бы моему сыну, если бы рядом не оказался Ерке!

Отец не смотрел на меня, но лицо у него подобрело.

А мама светилась от счастья: “Молодец, сынок, я горжусь тобой!”. Это было чудо, я был спасён.

О насекомых

Моя бабушка страшно разозлилась, когда увидела, как я затапываю гусениц.

— Кто дал тебе право их затапывать, лишать жизни? Кто тебя научил? — ругалась она.

— Бабушка, ты что, не знаешь? Гусеницы, кроме вреда, ничего не приносят. Есть каналы, где показывают фильмы только о животных. В джунглях, в океане, на земле — все поедают друг друга. Даже муравьи, которых ты обожаешь, являются хищниками. Это называется законом природы. Гусениц поедают птицы, а этих птиц ловят орлы, а их ещё кто-нибудь. И мы, люди, уничтожаем домашних животных.

— О, боже, что говорит этот малыш!

— Так устроен мир, — убеждал я бабушку.

Эта стрекоза влетела к нам в машину. Я поймал и положил её в коробку, решил отнести в садик. После обеда, когда все дети легли спать, я выпустил стрекозу на кровать Зарины. Она испугалась и стала кричать. Воспитательница спросила: кто её принес? Я сказал, возможно, она залетела в окно. Мадина закричала: «Я видела в его руках коробку, — и показала на меня: — Он постоянно туда заглядывал. Кроме Ерке никто не догадался бы её принести в садик». Мне пришлось признаться. Воспитательница с нянечкой решили меня наказать. Они поставили меня в угол. Постепенно всё затихло, дети уснули.

Из угла я наблюдал за лучами солнца: вначале они освещали игровую комнату, а потом постепенно переместились в спальню. Они скользили по лицам детей. Я про себя называл имена моих врагов, они послушно задерживались на их лицах, как бы играя со мной в мою игру.

— Если смотреть с педагогической точки, Ерке ничего страшного не сделал, — убеждала няня нашу молодую воспитательницу.

— Ему не надо было отпускать стрекозу во время тихого часа.

Они не догадывались, что мои уши наострились, как локаторы. Я стоял и бесовестно подслушивал их разговор. Недаром я имел абсолютный слух!

— Прозвище у него Ерке, он это сделал нарочно, — сказала воспитательница.

Няня предложила: «Может, отпустим Ерке, он хоть баловник, но является лидером в группе. Если бы в садике не было таких детей, то наша работа была бы скучной».

Они решили спросить меня, зачем я принёс стрекозу. Решил напугать девочек?

Я признался, что хотел показать её детям. Раньше никогда их не ловил. А эта сама влетела в нашу машину. Я думаю, детям необходимо поближе с ней познакомиться. Стрекозы приносят людям пользу, они питаются комарами, и мой папа говорит: «Нужно благодарить их за то, что этим летом стало меньше комаров». Няня удивилась, она не знала, что эти насекомые приносят такую пользу людям: «Весь мир страдает от комаров, и я считаю, что детям нужно рассказать о стрекозах, чтобы дети не уничтожали их». После полдника воспитательницы попросили меня рассказать детям, какую пользу приносят эти насекомые. Дети обрадовались и попросили ещё что-нибудь рассказать. Я рассказал им про муравьиное государство. Муравьи хоть трудолюбивые и полезные насекомые, но тоже являются хищниками. У каждого муравья расписан день, что он должен сделать. Одни делают запасы на зиму, а другие занимаются обустройством муравейника. Они хорошие воины, могут защитить муравейник от врагов.

Родители Зарины пожаловалась методисту, что я приношу насекомых, пугаю детей перед сном, а воспитательницы меня защищают. Старая воспитательница пожаловалась моей маме, что на меня плохое влияние оказывает бабушка: «Она неправильно воспитывает вашего ребёнка. Ваш сын — грубиян и не хочет помогать воспитательнице. Он хвастается тем, что ваш муж не помогает вам! И вообще ваш ребёнок — лентяй и бездельник. Он не захотел собрать бумажки на детской площадке и заявил мне, что он не побирушка! Вы представляете, в его возрасте быть таким невоспитанным!».



Перед мамой оправдываться было бесполезно. Мне стало обидно, Сара Ахметовна, взрослая женщина, решила опозорить меня перед семьёй. Я никогда не думал, что воспитательницы могут так бессовестно обманывать. Оказывается, наша воспитательница тоже лунья.

После завтрака, когда мы вышли на прогулку, я отпросился в туалет, а сам пошёл на второй этаж к заведующей. Я долго стоял у двери. Все меня спрашивали, почему я не играю. А я молчал и ждал, когда Мира Ильясовна вернётся.

Она пришла и пригласила меня в свой кабинет. Вызвала повара и сказала, что хочет со мной попить чаю. Мы пили чай, она расспрашивала меня, в какие игры мы играем, какие выучили стихи. После осторожно спросила, какая причина привела меня к ней.

Я решил ей обо всём рассказывать. О том, как воспитательница ругает и наказывает нас за то, что мы не можем вовремя уснуть. А как можно уснуть с полным желудком? Врачи не советуют спать после приёма пищи. Но взрослые беспокоятся о своём здоровье, им наплевать на детей. Заведующая засмеялась: “Сколько раз воспитательницы жаловались на тебя, что ты смотришь по телевизору взрослые программы, споришь с ними. У меня не было времени с тобой пообщаться. Ты говоришь интересные вещи, и в какой-то степени ты прав. Этим нужно заняться и повоевать с заведёнными правилами. Я думаю, дошкольным учреждениям нужно оспорить эти вопросы”.

Я пожаловался на то, что воспитательница неправильно меня поняла и обозвала хулиганом, и при детях возмущалась, что мой папа не помогает моей маме. Я предложил уволить нашу воспитательницу, или пусть она сама напишет заявление. Заведующая опять засмеялась и сказала: “Как я могу уволить человека, не разобравшись, виноват он или прав? У вашей воспитательницы нет мужа, если я уволю её, как она будет жить, у неё двое детей. Она является хорошим специалистом, окончила пединститут. Я проверяла тебя и рада отметить: ты в садике многому научился, знаешь много стихов, песен, значит наши воспитатели — неплохие специалисты. В наше время тяжело найти хорошего работника, зарплата у воспитательниц небольшая, и воспитателями идут работать те люди, которые по-настоящему любят детей. Скажи честно, откуда ты знаешь, что ей нужно вначале написать заявление?”.

Я признался, что смотрю взрослые передачи и знаю, что плохого работника нужно уволить с работы. Дать ему выговор или предложить написать ему заявление. Заведующая возразила: “Её не назовёшь плохим работником. До этого вы с ней ссорились? Ты сколько лет ходишь в её группу?”. Я признался, что одно время даже любил её, а потом пришла молодая воспитательница, и я влюбился в неё.

— Ваша Сара Ахметовна устала, уже много лет она не берёт отпуск. Я уверена, всё у тебя будет хорошо. Ты обязательно помирись с воспитательницей. Взрослые передачи ничего кроме разочарования тебе не дадут.

Заведующая пообещала разобраться и поговорить с воспитательницей, а мне посоветовала: раз я младший в семье, помогать своей маме. Например, её дети любят пылесосить квартиру.

— Для тебя это сделать несложно, мужчины должны работать с техникой, а твоей маме будет приятно.

Она рассказала мне о своих сыновьях, которые помогают ей, убираются в квартире и жалеют её, так как она целый день на работе, а папа у них умер.

Я спросил, а почему она не выйдет замуж за кого-нибудь?

Мира Ильясовна серьёзно посмотрела на меня и призналась: “Если я выйду замуж, это будет предательством по отношению к моей семье. А за кого-нибудь — это неуважение к тому человеку и к себе. Замуж надо выходить по любви”.

Никто никогда по-взрослому так со мной не разговаривал. Я понял, что она самая лучшая заведующая. Мне стало легко и жаль нашу воспитательницу.

На прощание Мира Ильясовна сказала: “Ты — представитель нового поколения. Сейчас во многих семьях жёны зарабатывают больше и содержат семью. Мужья понимают это, стараются им помочь и не делают работу на мужскую и женскую. На дворе XXI век, бабушка твоя этого не понимает, ты поговори с ней и убеди её. У тебя хорошая взрослая речь. О тебе ходят слухи в садике, что ты обучаешь взрослых”.

На следующий день в группе мы долгое время были одни, воспитательницы не было. Я испугался, вдруг её уволят, а другие не придут работать воспитателями, незаметно вышел и пошёл к заведующей. Дверь была открыта, воспитательница была заплаканной. Мира Ильясовна долго с ней говорила, и та призналась: “Вы не поверите. Я люблю этого мальчика, и все его любят, он не по годам умный. Я с первого дня поняла, что это непростой ребёнок! Когда впервые Ерке пришёл в садик, у одного из наших мальчиков был день рождения. Его мама принесла торт и конфеты, все дети с нетерпением ждали, когда она станет их угощать. Мама именинника вместе с нянечкой разрезала торт и разложила по тарелкам. Все дети с жадностью накинулись и стали его поглощать. Один Ерке сидел и не притрагивался. Я спросила его: “А почему ты не ешь?”. Он ответил: “У меня нет ложечки, я не привык кушать руками”. Нянечка подала ему ложку. Съев свой кусок торта, он не побежал с детьми играть. Я спросила его: “Почему ты не играешься?”. Он ответил: “Вначале нужно вымыть руки, а я не знаю, где?”. Это была моя вина. Я не успела ему показать, где дети моют руки. Меня поразило, с каким достоинством он отвечал. Он посещает мою группу больше трёх лет. Никогда я не замечала, чтобы он с жадностью накидывался на еду. В этом ребёнке сочетается всё: интеллект, аристократизм, достоинство, мудрость, ну и хулиганство — качества, которым может позавидовать даже взрослый человек. Но важно то, что это врождённое, подаренное им природой. Конечно, немаловажный фактор, что он рос в окружении взрослых образованных людей.

В своей семье он чувствует себя личностью, а не избалованным ребёнком. Чего не скажешь о других детях. В группе есть дети, которых опекали гувернантки. С крахом отцовского бизнеса они тоже посещают наш садик, они тоже воспитаны в аристократическом духе, но природного интеллекта у них нет. Возможно, здесь свою роль сыграло и то, что папа у Ерке — известный учёный, мама — умная женщина. В этой семье конфликт между тётцей и зятем мальчик понимает и всей душой хочет их помирить, но ему не удаётся и он страдает. Мама, интеллигентная женщина, находится меж двух огней. Он не по годам чуткий, но принципиальный ребёнок. То, что Ерке приходил и требовал моего увольнения, меня обижает, но он прав. В последнее время я чувствую себя уставшей. Мне как женщине хочется семейного счастья. Я стала завидовать замужним женщинам, которые не мучаются, как я, на двух работах. Я подрабатываю техничкой в строительном управлении. После работы бегу с дочкой мыть полы, стала нервной, может, мне уволиться, с такими нагрузками мне нельзя работать с детьми?”.



Я вбежал и закричал: “Нет, я не хочу, чтобы вас увольняли, я люблю вас и хочу, чтобы остались нашим воспитателем”. Она погладила меня по голове, поцеловала и сказала: “Я никуда от вас не уйду, пусть мне платят копейки. Спасибо, что ты прибежал защищать меня. Это стоит больше денег. — Она взяла меня за руку и сказала: — Прости меня, Ерке, если я тебя обидела!”.

О чём говорят воспитательницы?

Зачем я вмешиваюсь не в свои дела? Меня возмущает, когда взрослые пугают детей. На прогулку с нами одновременно выходит младшая группа. Мальчик Олжас постоянно ссорится со всеми, он не любит ходить в садик. Однажды, когда он плевался, к нему подошла методист и стала пугать его: “Если ты не прекратишь плеваться, то превратишься в верблюда”. Он испугался и расплакался, я подошёл, успокоил его и объяснил: “Запомни! Дети в животных не превращаются!”.

Олжас обрадовался и повеселел. А методиста я решил пристыдить:

“Я недавно смотрел по телевизору передачу, где говорили, что нельзя детей пугать и ругать, а нужно чаще хвалить, тогда ребёнок не станет совершать плохие поступки”.

Она ответила: “Как мне жаль тебя, ты смотришь взрослые передачи! Если бы твой папа разрешил твоей бабушке тебя воспитывать, ты был бы занят полезным делом. Твоя бабушка — заслуженный педагог Казахстана, а твой отец отстранил её от твоего воспитания. Она была моей учительницей и завучем в нашей школе, мы помним и любим её”. Я не знал, что моя бабушка была такой знаменитой. Мне обязательно нужно рассказать об этом отцу, возможно, он этого не знает.

Когда все уснули, а я сделал вид, что сплю, наша воспитательница в разговоре с нянечкой призналась: “Мне сегодня впервые было стыдно за методиста, я ещё раз убедилась, что детей надо рожать в позднем возрасте, как мама Ерке, она родила умного сына.”

Жаль, что не все дети могут посещать детские сады, не хватает всем мест. Они вынуждены одни сидеть дома и смотреть взрослые передачи. Мне стыдно за наше телевидение. Если бы телевидение посвятило один канал детям, у которых нет возможности посещать садик, они могли бы в домашних условиях выучить алфавит и научиться читать. В раннем возрасте у детей хорошая память, их можно обучить и иностранным языкам. Дети до пяти лет обладают хорошими способностями. Они легко всё запоминают и усваивают. Почему Ерке раньше времени повзрослел? Потому что он часто остаётся один. Его родители даже в выходные работают. Он вынужден смотреть взрослые передачи. Когда он подросток, его отец перестал доверять мальчику бабушке. А она была лучшим педагогом нашего города. Конечно, она разбаловала его, но после перенесённого ими горя — их старший сын был убит бандитами, всю свою любовь отдала внуку. Он стал для них лучиком и согревал её с мужем. Они помолодели, в их глазах появилась радость, но отец Ерке грубо и непорядочно поступил с ними. Он не позволяет им чаще видеться с ним”.

На днях я распрощаюсь с садиком и поеду с бабушкой в аул. Она заявила: “Пусть ребёнок перед школой отдохнёт, подышит чистым воздухом, попьёт кумыс. В школе учиться трудно. Вначале надо набраться сил. —

Она посмотрела на мои руки и сказала: — Разве это мужские руки? Они пухлые и нежные, как у девочки. В ауле ты будешь помогать пасти овец, взбивать кумыс, окрепнешь, и у тебя появятся настоящие мускулы”. Я обрадовался — давно хочу стать мускулистым, как Шварценеггер, и ловким, как Джеки Чан.

Прощание с садиком

Сегодня я в последний раз пойду в садик. Мои родители отправятся вместе со мной. Мы приготовили для них концерт. Все дети участвуют в нём. Папа взял видеокамеру, будет нас снимать. Всё лето я буду гулять, а после обеда могу не спать.

Все дети пришли с родителями, мы радовались, что пойдём в школу, а воспитательницы плакали, им было жаль с нами расставаться. Мне тоже стало немного грустно, я не девочка, потому не плакал. Потом мы пили чай, я удивился, когда мама одного мальчика сказала: “Какое хорошее было время, когда мой ребёнок ходил в садик! Я была спокойна, что он накормлен и присмотрен. А школы я боюсь!”.

Я не удержался и спросил у неё: “Вы хотите, чтобы ваш сын не вырос и навсегда остался малышом? Чтоб он не служил в армии и не защищал свою Родину?”. Она разозлилась: “Кажется, это тебя зовут Кошмариком, вот пойдёшь в школу, посмотрю, как от тебя взвоют учителя. И Родину будет защищать мой сын, а не ты, сын академика! От армии отец тебя точно отмажет!”.

Мама моя рассердилась и пристыдила её: “Как вам не стыдно ссориться с ребёнком?”. Женщина сказала: “Ваш ребёнок — настоящий чертёнок. Вы родили его на старости, носите с ним, слишком много ваш сын знает, что ему не положено!”.

Мои родители встали и ушли домой. Мама была расстроена и спросила: “Кто так ославил нашего сына?”. Папа сказал: “Я думаю, что эта женщина была права. Это ты и твоя мать виноваты, вы неправильно воспитали ребёнка”.

Я не выдержал и вмешался: “Это ты, папа, виноват! Воспитательницы всегда тебя ругают: “Если бы отец Ерке доверил внука бабушке, то он не говорил бы глупостей”. Она сорок лет проработала учительницей и была очень знаменитой. Её все знают и любят, один ты её ненавидишь!”.

Отец покраснел и ничего не сказал.

— Я люблю бабушку и уйду к ней жить!

Он возмутился и воскликнул:

— Можешь хоть сейчас отправляться!

Мама разозлилась: “После рождения сына ты стал невозможным. Почему обижаешь моих родителей? Все возмущаются твоим поведением. Она воспитала нашу дочь, Жанна с первого класса стала отличницей, а сына ты ей не доверяешь! Плохому она его не научит! Они завтра уезжают в аул и забирают Ерке. Если ты устроишь скандал, я подам на развод! Хватит, из-за тебя страдает ребёнок”.

Ерке едет в аул

Днём бабушка сказала моей маме: “Собирай внука, мы уезжаем втроём в аул”. Мама не хотела отпускать меня, а бабушка рассердилась: “Почему не отпускаете ребёнка? Он уже взрослый и пусть привыкает к



самостоятельности. Скоро Ерке пойдёт в школу, потом в армию. Время летит быстро, ты что, и в армию его непустишь?”. А дедушка признался: “Боюсь, что к тому времени его поколение пойдёт служить вместе с родителями”. Рано утром нас разбудила бабушка, она заставила меня выпить молока, и мы на старой дедушкиной “Волге” выехали в аул.

Вечером, когда я собирал игрушки, Жанна стала надо мной смеяться: “Ты что, все игрушки увезти хочешь? Там тебе их сломают, а половину украдут. Возьми необходимое: пистолеты, автоматы и солдатики”.

Я впервые в жизни выехал путешествовать на машине. Обычно в отпуск мы летим на самолёте или едем на поезде. По дороге бабушка хвалила меня: “Ерке — взрослый мальчик. В ауле ему понравится, он там познакомится с родственниками и с детишками. Домой вернётся настоящим мужчиной”. Всю дорогу мы разговаривали, бабушка сравнивала детей с новорождёнными животными, и оказалось, сравнение не в пользу детей. Детёныши животных, родившись, встают на ноги и через некоторое время самостоятельно сосут молоко своей матери. Наши дети неприспособленные и слабее их.

Мне хотелось в ауле всё увидеть своими глазами. Потому что коров и лошадей я видел только по телевизору и на картинках. Дедушка обещал научить меня кататься на лошади: “Какой ты мужчина, если не можешь скакать на лошади?”.

Я лежал и представлял себя, как подъезжаю в детский сад верхом на коне. Дети будут на прогулке и воспитательницы скажут: “Вот, полюбуйтесь — приехал Ерке. Он раньше ходил в наш садик, а теперь стал настоящим батыром! Смотрите, как он красиво сидит на лошади!”. А дети будут кричать: “Ерке, прокати нас!”.

А я им отвечаю, что прокачу самого послушного мальчика. Тогда воспитатели скажут: “Вспомни, Ерке, а ты сам был послушным?”. Нет, лучше я никого катать не буду, хлестну коня и перепрыгну через забор. Пусть все завидуют мне!

Тут машина как прыгнет, оказывается, дедушка не заметил овраг, и мы чуть не перевернулись. Бабушка стала его ругать: “Почему ты не наденешь очки? Ты погубишь нас и единственного внука, которого так долго все ждали!”. Дедушке было неудобно, я заступился за него и сказал: “Женщина не должна говорить, когда мужчина за рулём”. Они засмеялись и я вместе с ними.

Летом в степи красиво! Поляны как большие одеяла из разноцветных лоскутков. Всюду цветы. У обочины красные тюльпаны, в середине серебристый ковыль шелестит своими кружевами, на весёлых лугах звенел смех белоснежных ромашек, жёлтые цветочки иван-чая разнообразили пейзаж, а вокруг островки сочной травы, которая своим зелёным бархатным ковром создавала уют и приглашала путников остановиться, отдохнуть.

Я подумал: если собрать все корпёшки-одеяла, раздаренные моей бабушкой, какое пространство они могли бы покрыть? Долгими зимними вечерами она их шила и раздаривала своим родным и знакомым. Её одеяла были мягкими, яркими, уютными, я любил на них поваляться. У подножия гор паслись табуны лошадей, гуртами бродили овцы. В небе летел беркут, и мне захотелось взлететь, неизвестные чувства переполняли меня — хотелось выйти из машины, кричать, бежать по зелёным лугам и радоваться великолепию, которое окружает нас.

В городе я не видел ни коров, ни лошадей, здесь я убедился, что это разные животные. Мы открыли окно в машине, ветер-проказник

забрался под мою рубашку и щекотал меня, я засмеялся. Бабушка с тревогоу спросила меня, что случилось.

— Ветер щекочет, играется со мной.

Она добавила:

— Вот приедешь в аул, там увидишь настоящие чудеса.

Мы проезжали мимо множества одноэтажных домиков, типа дачных, бабушка сказала: “Это аулы, в них живут люди”. Я удивился: как можно жить в дачных домиках? Она ответила: “Не всем нравятся бетонные многоэтажные дома. В этих домах летом прохладно, а зимой теплее, чем в вашей квартире. В ауле люди не ждут, как в городе, когда им включают отопление, они сами топят печь. Не то что вы, городские, ни к чему не приспособленные”.

А потом пожалела меня: “Бедный ребёнок — он ничего кроме асфальта в жизни не видел!”.

Мы проезжали мимо странных сооружений.

“Это древнее кладбище твоих предков. Ему несколько веков. Каждый мусульманин обязан, проезжая, помолиться, и твоя молитва дойдёт до родственников, которые похоронены далеко отсюда”.

Я спросил: “А как она дойдёт?”. Бабушка ответила: “Ветер донесёт”. Я не знал, что ветер общается с усопшими. Впереди у меня были удивительные встречи.

Я многое в первый раз узнал и услышал. В душе я радовался своей поездке. По дороге мы заехали в небольшой лесок, решили там отдохнуть. Вокруг росли ёлки и сосны, эти деревья были мне знакомы. Обычно папа устанавливает ёлку в зале, мама говорит, что ель пахнет лучше сосны, её запах распространялся по всей квартире. Когда я был малышом, родители просили меня закрыть глаза и приводили в зал, где стояла разукрашенная ёлка. Я всегда восхищался её украшениями и мечтал сам её наряжать.

Когда я вырос, мы вместе с сестрой стали украшать её. Отец помогает нам, развешивает на ней электрические гирлянды. Мы выключаем свет, они красиво загораются разноцветными огоньками. Бабушка при въезде стала возмущаться: “Таких красавиц народ безжалостно губит, вырубает на продажу. Это преступление перед природой, и твои родители тоже виновны: если бы они их не покупали, их перестали бы рубить!”. Она сказала, что результат один — потом их выбрасывают на помойку.

Если постоянно рубить деревья, то все звери погибнут, потому что многие из них выживают за счёт этих деревьев, питаются их корой и шишками, живут в их дуплах. Бабушка спросила, что мы делаем с ёлкой после празднования Нового года? Я признался, что мы стараемся подольше её поддержать в квартире, а потом с отцом относим в мусорку.

“Дай слово отказаться от ёлки на Новый год”. Я возразил: “Разве плохо, что люди её украшают игрушками и гирляндами, в квартире становится красиво и нарядно? Разве это преступление?”.

Вдали мы увидели странный дом, круглый, белый, вокруг которого паслись овцы. Бабушка попросила дедушку подъехать к нему поближе. Он спросил, зачем туда ехать, удлинять дорогу. Она потребовала подъехать туда поближе, чтобы показать внуку: “В таких жилищах наши предки жили веками”, — задумчиво сказала она. Мы подъехали к круглому домику — это была казахская юрта. Бабушка с восхищением сказала: “Учёные всего мира признают, что казахскую юрту можно назвать восьмым чудом света. Её конструкция поражает учёных. Не зная ни геометрии, ни математики, наши



предки придали ей форму круга. Она легко перевозится, ставится и убирается в степи. Из всех жилищ казахская юрта выделяется изяществом, простотой и надёжностью. Зимой она сохраняет тепло, летом в ней прохладно”.

Из домика вышли мужчина и женщина, они поздоровались с нами и предложили зайти к ним и попить кумыса. Они разговаривали с нами, как будто были давно знакомы с моими родственниками. Внутри юрта была белая, сверху через шанырак — отверстие в куполе — виднелось голубое небо, по периметру она была украшена вышивками и кисточками, на стенах висели многочисленные фотографии детей и внуков, на полу были расстелены кошмы, а сверху на них лежали ковры, во всю её окружность были развешены шкуры волка и лисицы. Красивый кованый сундук был украшен серебряными полосками, где искусным мастером были выбиты сценки охоты с ловчими птицами и казахскими собаками — тобетами, сверху он был заложен одеялами и подушками. На полу стояли маленькие табуретки, тоже ручной работы.

Вдоль стены висели домбра и кобыз. Впервые я увидел этот инструмент вблизи. Он выглядел древним и таинственным.

Мне хотелось взять его в руки и слиться с ним в едином звуке. Я постеснялся это сделать, а только подошёл и стал его рассматривать, стараясь запомнить его очертания. Я впервые сидел за низким круглым столом. Мой дедушка удобно расположился, и я решил последовать его примеру. Мягкая кошма, сверху застланная ковром, была нежесткой, а мягкие подушки создавали комфорт, который я никогда не чувствовал у себя в доме. Всё это было экзотикой для меня, городского жителя.

Мы пили кумыс, хозяйка разливала его деревянным половником. Кумыс не был кислым, как у нас в городе, на столе лежали пышные баурсаки, холодное баранье мясо было нарезано толстыми кусками, а сверху тонкими пластинками на нём лежал курдюк, я проголодался и налёг на пищу.

Хозяин взял домбру и заиграл на ней. Я видел домбру в квартире у дедушки, но никогда не видел, как он играет. Немного поиграв, он предложил дедушке сыграть на домбре.

Свежий ветер ворвался к нам, запахло степными травами и цветами. Этот күй называется “Сары-Арка”, автор его — знаменитый күйши Курмангазы. Он был храбрым человеком и хотел свободы своему народу. Его күйи отличаются воинственностью, он призывал свой народ не мириться с унижениями, которым они подвергались. Его называли казахским бунтарём, он сидел в тюрьме и дружил с русскими большевиками.

Дедушка заиграл, лицо его преобразилось: помолодело, морщины разгладились, глаза загорелись огнём, он стал как будто выше и моложе и смотрел куда-то вдаль, будто был далеко от нас. Меня охватил дух и героизм моего народа, величие и простор степи, я мчался по раздолью вместе со всадниками на лошадях одной лавиной, не замечая ни расстояния, ни препятствий. Мы гоним врагов, а над нами голубое небо, а под ногами зелёная бескрайняя степь, покрытая серебряной скатертью ковья.

Дедушка закончил играть и долго не мог прийти в себя. Его глаза повлажнели, он беспричинно улыбался, как будто не мог вернуться в юрту и был далеко за её пределами.

Я был ошеломлён. Над нами витал дух бунтаря Курмангазы. Я рассказал об этом бабушке, она сказала: “Правы оказались музыканты, когда

сказали, что ты обладаешь абсолютным слухом. Только настоящий музыкант может так услышать великого кюйши. Ты станешь великим, мой мальчик! Не каждый человек может так почувствовать эту музыку! Учись на домбре, на любом инструменте, ты должен стать музыкантом, это твоё призвание!”

Мне стало стыдно. Я не знал, что мой дедушка так хорошо играет на домбре. Хозяин похвалил: “Вы хорошо играете на домбре, а внука научили?”. И тут бабушка призналась: “Его родители до сих пор не решили, на каком инструменте будет играть их сын. Городские казахи хотят, чтобы их дети играли на современных инструментах”. Я перебил её: “Бабушка, почему я ни разу не слышал, как дедушка играет на домбре?”.

— Много лет назад мы похоронили единственного своего сына, твоего дядю, он тоже великолепно играл на домбре. Его убили преступники, он был милиционером. После его смерти твой дедушка перестал играть на домбре, чтобы не стереть следы пальцев своего сына. Прошло много времени, и вот он впервые взял в руки домбру, не удержался и стал играть. Он дал клятву не брать домбру, сколько я ни умоляла, он стоял на своём. Двадцать лет длился его траур по сыну, он болел без домбры, я умоляла его, предлагала купить ему новую, но он отказывался, говорил, что без сына не хочет жить. Теперь он перестанет болеть.

Когда твой дедушка играл на домбре, никогда не жаловался на здоровье, а горе сделало его больным, кюи теперь его излечат. Страшным наказанием считается для музыканта, если лишить его возможности играть на любимом инструменте. Ты заметил, как мы все слушали домбру, даже ветер притих и остановился у порога, источая запах степных трав и цветов. Хороший музыкант заставит и горы заплакать!

В детстве я слышала легенду о ловком конокраде, которого долго не могли поймать, он был прекрасным домбристом. Его посадили в зиндан-тюрьму, отобрали у него домбру. Он начал сходить с ума, тогда ему в яму положили палку, он сделал струны из своих волос и играл на ней не хуже, чем на настоящей домбре. По вечерам возле ямы собирался народ, восхищённые его мастерством и мужеством, люди выпустили его на свободу. Настоящий музыкант заставит звучать даже палку! Освободившись, он отказался от воровства и стал музыкантом.

— Бабушка, я хочу научиться играть на домбре, как наш дедушка!

Хозяевам жилось скучно — их юрта была одна на большом пространстве степи. Им не хотелось нас отпускать, они были рады нашему приезду, им понравилась игра моего деда, они готовы были слушать его без перерыва. Они предложили нам остаться на несколько дней, заколоть в честь нас барашка. Бабушка сказала:

— Вот так раньше жили казахи, приглашали к себе путников, оставляли ночевать и всю ночь пели и играли на домбре.

Она хотела заплатить за кумыс, хозяева обиделись и сказали: “Это вы, городские, забыли наши обычаи. Казахи никогда у путников не брали денег. Это изобилие даёт нам Аллах, и мы должны делиться с людьми. Если мы начнем жадничать и продавать, то исчезнет наше благополучие”.

В нашей машине были гостинцы, ими бабушка поделилась с нашими новыми знакомыми. Во дворе играли дети, я познакомился с ними, мне захотелось у них остаться.

Бабушка восхищалась новыми знакомыми: “Вот настоящие казахи! Не то что наши, городские, которые готовы продавать даже воздух, чтобы



заработать деньги. Наш народ испортился, забыл свои обычаи и не хочет жить по старым канонам. Жаль, что только такие, как мы, ещё придерживаются, а после нас всё забудется”.

Я стал успокаивать её, что когда вырасту, тоже буду жить в таком домике и приглашать к себе гостей. Она сказала: “Спасибо, дорогой, что меня успокаиваешь. Уж ты точно не будешь жить в ауле, на отгонном участке”.

Дорога оказалась долгой, и я уснул. Проснулся оттого, что меня стали будить: “Внучек, просыпайся, сейчас увидишь сурков, их здесь много. У них целая колония. Они живут, как люди, семьями, говорят, раньше они были людьми, но провинились перед Богом, и он их превратил в зверей. С каждым годом всё меньше становится этих несчастных зверьков, главный враг для них — человек. В настоящее время их колонии охраняются, за каждого убитого сурка браконьеры платят большие штрафы, но их ничем не остановишь”.

Я стал смотреть по сторонам и увидел на возвышенности много маленьких зверьков, которые стояли на задних лапах и зорко охраняли своих соплеменников. Они чем-то были похожи на людей, их дети веселились и не замечали, что их покой охраняется взрослыми сурками. Они не боялись машин, но вдруг заматались и быстро скрылись. Над их поселением кружила птица. Это был беркут. Внезапно он свернул крылья и камнем упал на землю. Он увидел одного зазевавшегося сурка и схватил его. Мне стало жаль сурков. Какие они несчастные, не имеют возможности, как люди, свободно гулять у себя в степи. Их жизнь полна опасностей.

Беркут улетел, и они вновь выскочили из норок, никто не плакал и не искал несчастного, как будто он не был их родственником. Как хорошо, что я рождён человеком! Я не хотел быть несчастным зверьком. Всё это я выпалил своим родственникам, и дедушка сказал, жаль не только сурков, но сайгаков и куланов.

Эти красивейшие животные раньше заселяли просторы Казахстана. Их тоже стали истреблять и погубили. В последнее время их поголовье стало увеличиваться. Я спросил его, как называется кюй, который он напоследок сыграл? Он сказал: “Этот знаменитый кюй называется “Аксак-кулан”. Это очень древний кюй, основанный на легенде. Много веков назад жил хан Жоши, у него было огромное ханство, его многочисленные жёны рожали ему только девочек. Наконец у него родился сын, хан страшно любил своего единственного сына.

Тогда были другие времена, не было ни школ, ни институтов, молодёжи нечем было заняться, ханский сын любил охотиться со свитой и друзьями. Однажды он один погнался за стадом куланов, свита потеряла его из виду. Когда нашли его, он лежал убитый на земле. Его окружение испугалось и разбежалось. Хан объявил: за хорошую весть о моём сыне я подарю полханства, за плохую залью глотку расплавленным свинцом! Никто не хотел сообщать хану о страшном горе, они попросили известного кюйши сообщить ему об этом. Он тоже боялся хана, поэтому сыграл кюй, который назвал “Аксак-кулан”, где рассказал о куланах, как им хорошо жилось раньше на просторах Сары-Арки. Они паслись на сочных пастбищах, пили серебряную воду из родника и резвились на изумрудной траве. Они никого и ничего не боялись.

Однажды появились люди, которые стали их безжалостно истреблять. И тогда молодой вожак, чтобы выжить, научил своё стадо отбиваться от охотников, закалывать их рогами и затаптывать. В одной из таких битв их вожак стал хромым. Он был храбрым и бесстрашным, и горе было тому,

кто оказывался на его пути. Его стали бояться люди и прозвали Аксак-куланом — Хромым куланом.

Молодой султан не знал об этом, увидев стадо, он увлёкся и отстал от своих нукеров, решив поохотиться в одиночку, показать свою удаль. Вожак не хотел его убивать. Он уводил своё стадо, но молодой султан не отставал, преследовал их, забрасывая стрелами, тогда вожак повернул стадо, накинулся и затоптал его. О гибели сына хану рассказала домбра кюйши. Хан рассердился и приказал свинцом залить рот кюйши, но старейшины заступились за него и сказали, что старик не виноват, виновата домбра, и её надо наказать. Так появилось отверстие в домбре”.

Мне тоже захотелось стать кюйши и сочинять такие кюи, которые передавались бы музыкантами веками. Я решил, как только научусь играть на домбре, первый свой күй посвящу маме с бабушкой и признаюсь им в своей любви. А другой күй посвящу дяде, брату моей мамы, и расскажу, как наш дедушка не играл на домбре, двадцать лет горя о своём единственном сыне. Это будет күй об отцовской любви к сыну. А следующий күй будет об Аксак-кулане, которого люди сделали хромым и злым, о жестокости людей, которые не имеют права истреблять ни сусликов, ни куланов, ни губить красавиц-ёлок.

Мне вдруг стало грустно: что сейчас делает мама? Как отец, сестра, не скучают ли обо мне, или без меня им хорошо? Вдруг машина остановилась. Бабушка решила нас накормить, она вытаскивала обед из баночек и кастрюлек. Мы остановились у дороги, где стояли стол и стулья. Всё оказалось железным, вбитым в землю. Я спросил: зачем их прибили? Дедушка ответил, что народ пошёл вороватый, всё, что видит, тащит домой.

Иногда я плохо понимаю взрослых. Как может быть народ вороватым? Рядом с местом отдыха текла маленькая речка, в ней плавали маленькие рыбки. Я спросил дедушку, как называются эти рыбки, он ответил: это мальки. Они, как люди-лилипуты, которых я видел в цирке, навсегда остаются маленькими.

Мы с дедушкой вместе прогулялись, сходили в туалет. И я сказал себе: “Ерке, ты взрослеешь, сегодня ты на равных ушёл с дедушкой. Обычно мама водила меня в туалет”. Я понял, что теперь не имею права быть прежним Ерке. Пора вести так себя, чтобы меня уважали и называли полным именем Еркегали, которое неплохо звучит. Перекусив, я решил помочь бабушке убраться.

Она сказала: “Ты мужчина, иди, поговори с дедушкой, а я сама управлюсь”. Я понял, что быть взрослым почётно. Мы стояли на холме, перед нами расстилалась степь, воспетая кюйши, которые на таком простеньком инструменте могли воспроизводить звуки бегущих стад куланов или битву казахов за свою землю.

Бабушка рассказала, что в ауле дети просыпаются под пенье петухов, наслаждаются чудесной природой и едят экологически чистую пищу. Я почувствовал себя несчастным, и мне стало жаль всех городских детей и мою семью. Я вновь уснул, а когда проснулся, мне стало стыдно, что я постоянно сплю, а бабушка объяснила: “Бедный ребёнок, от чистого воздуха он постоянно засыпает”. Солнце уходило за горизонт. Заря огненной птицей нависла над степью. Её огненно-красные крылья отсвечивали червонным золотом и поражали своим размахом.

Я понял, что наша поездка завершается и мы добрались до аула. Перед нами расстилалась серая дорога в колдобинах. По сторонам дороги



росли маленькие рощи. Всю поездку мне казалось, что деревья бегут за нами, чтобы перегнать нас и перегородить дорогу. А дальше виднелись маленькие домики, фигуры людей. На душе становилось веселее. Вот, оказывается, какой аул!

Мы выехали на асфальт, машина стала ехать медленнее, сбавила скорость. Бабушка сказала: “Сейчас мы повернём направо и подъедем прямо к дому наших родственников”.

Навстречу нам бежали собаки, они гнались за нами и лаяли. В их лае много было недовольства, мол, приезжают к нам всякие и мешают. Мы свернули с дороги и поехали по степи, по зелёной траве, которую мне жаль было переезжать на машине. Подъехали к большому дому. На улице была выложена печь, на которой в большом казане варился бесбармак, запах которого известен каждому казаху, в том числе и городскому.

Навстречу нам вышла толпа, среди них было много стариков. Они обнимали и целовали нас. В том числе и со мной здоровались, как со взрослым человеком. У казахов есть пословица: “Даже пятилетнего малыша приветствуют аксакалы, если он приехал издалека”. Женщины обнимали и целовали меня, все радовались нашему приезду.

В ауле

Откуда-то появилось много мальчишек, они с любопытством смотрели на меня. Бабушка сказала: “Вот твои родственники, иди играй с ними!”. Мальчишки позвали меня, и я побежал за ними. Вдруг большая странная птица вытянула шею и кинулась за мной. Я остановился, все смотрели на меня с любопытством. Один из них сказал: “Гусак понял, что ты чужой, и хочет тебя ущипнуть”. Следом за ней и другие птицы, вытянув шеи, собрались на меня напасть. А маленький рыжий мальчуган посоветовал: “Не показывай вида, что боишься, гони их”. Я схватил валявшуюся на земле палку и бросился навстречу, они погоготали и неторопливо пошли на другую сторону. А один из мальчишек с уважением сказал: “Смотри, смелый! В прошлом году приезжал мальчишка постарше тебя, просидел целый день дома, боялся выйти на улицу”. Я понял, это было проверка, и я её выдержал. Меня всё удивляло в ауле. Вокруг дома разгуливали телята и овцы, в будке лежала собака, которая не прекращала лаять, недовольная нашим приездом. Возле дома бегали собаки, которых я тоже побаивался.

Мы с мальчишками оказались в степи. Стояла пронзительная тишина, которую мы нарушили. Голубое небо постепенно начало темнеть, исчезли весёлые облака, похожие на барашков, солнце собиралось уйти на покой. Оно превратилось в красный шар и медленно катилось вниз.

Наступил вечер, слышались крики людей, лай собак, мычание коров, мальчишки спросили, почему мы так долго добирались. Я рассказал им, как мы останавливались в степи у одинокой юрты.

— А это юрта Сансызбая! — сказал один из них.

— А как ты узнал?

— Только он может напоить путника бесплатным кумысом, таких людей сейчас нигде не сыщешь.

Мы стали знакомиться, они называли свои имена, а я испугался, что никогда их не запомню и не смогу отличить их. Двое из мальчишек были близнецами, их можно было запомнить — Канат и Марат, очень распространённые имена среди городских мальчишек. А оставшиеся называли

имена, но я не мог запомнить их лица. Все старались показать себя взрослее. Один из них поставил мне подножку, я понял его намерение и ловко от неё отскочил. Мальчишки стали дурачиться, а я показал им свои приёмы, которым меня обучал отец.

— Ты младше нас, а оказался самым ловким и вёртким, — удивлялись мальчишки.

Мечты мальчишек

Мы падали, ставили друг другу подножки, смеялись, кувыркалились на зелёном ковре и не чувствовали боли, не было ссадин. Мальчишки задавали много вопросов о компьютерах. Правда ли, спрашивали они, у вас можно заплатить пятьдесят тенге и поиграть на компьютере в игры до ночи? Я признался, что туда не хожу, а по словам мальчишек знаю, что в компьютерных салонах играть — дорогое удовольствие. Я объяснил, что у нас дома есть компьютер и мне разрешают в день играть на нём только один час. Они просили подробно рассказать о компьютерных играх. Я намного младше был их, но мы, городские, более продвинутые и в компьютерных играх разбираемся лучше. Они с уважением слушали меня, игры на компьютерах были для них недостижимы, у них компьютеры стояли в основном только в школе, но они почти все были поломаны.

Каждый из этих мальчишек мечтал о собственном компьютере, пусть самой старой модели. У них в ауле есть семьи, которые имеют хорошие компьютеры. Но многим они недоступны. Мальчишки интересовались: правда ли, что в городе даже маленькие дети имеют сотовые телефоны? Я ответил, что сотовые телефоны выгодны родителям, чтобы знать местонахождение ребёнка, в некоторых семьях ими пользуются, чтобы родители имели возможность контролировать и общаться с ребёнком, когда он гуляет. Я объяснил им, что в городе телефон — не роскошь, а необходимость. Иногда и мне родители отдают свой сотовый, когда я нахожусь на тренировке. Общаясь по телефону, я ставлю их в известность, что свободен, и они могут меня забрать домой. Наш гараж находится далеко от дома, мы с отцом возвращаемся оттуда пешком. Отец по дороге рассказывает мне о машинах, со временем мы придумали игру — кто быстрее отгадает марку машины.

Он выписывает журнал для автомобилистов, где подробно описаны марки машин. Мальчишки сразу меня зауважали, им понравилось, что я честно всё им рассказываю и не хвастаюсь.

— До этого к нам приезжал тоже родственник из города, он старше тебя, но оказался хвастуном, он утверждал, что является знатоком машин, а оказался настоящим луном, — рассказывали мне мальчишки. — Мы каждый день спрашивали его, проверяли, какой марки машина твоего отца? Он каждый раз называл разную, в конце концов запутался. А мы все над ним посмеялись.

Я понял, что каждое моё слово перепроверяется, так как многие из них знали о машинах не меньше, чем я. Мы все мечтали вырасти и иметь собственную машину, эта мечта всех современных мальчишек. Я рассказал, что в некоторых странах детям рано выдают права. В Европе их выдают в шестнадцать лет. Не потому что машина в их странах — роскошь, а это главное средство передвижения. Каждому члену семьи в этих странах покупают машину, потому что у них не принято ездить на общественном транспорте. Это было для них открытием. Многие мальчишки были начитанными и знали не меньше меня, но притворялись, задавая мне лукавые вопросы.



Мы о многом говорили, их интересовало, на какой машине ездит мой отец. Могу ли я отличить “Ауди” от “Мерседеса?”. Я ответил, что у “Ауди” стоит знак в виде четырёх колец, а у “Мерседеса” кружок и внутри треугольник. Они спрашивали, правда ли, что в нашем городе ездят “Ягуары” и “Лексусы”?

Я ответил, что Караганду не удивишь дорогими машинами. У нашего знакомого есть “Лексус”, он пригнал его из Германии, он не является новым. В городе есть владельцы “Ягуаров”. Это очень дорогие машины, которые изготавливаются по индивидуальному заказу. А длинные лимузины используются в свадебных кортежах, по выходным молодожёнов катают по городу. А недавно я смотрел по телевизору передачу, где любителей хороших машин знакомили с новинкой — джипом, который вместо топлива использует водород. Я перечислил им много марок машин, о которых они и не слышали. Один из мальчишек заинтересовался, видел ли я “Кабриолет”? Я объяснил, что так называют машину, у которой верх салона не закрывается.

Мальчишки восхищались иностранными автомобилями, и в душе каждый мечтал на них покататься. Нам было обидно за наш Казахстан, который никак не может создать свою машину, которую можно было бы назвать “Тулпаром”, а мы, казахстанцы, могли бы ею гордиться. Мы говорили и о военной технике, здесь я тоже показал свои знания, приобретённые благодаря нашей спутниковой “тарелке”.

Многие горожане имеют возможность смотреть передачи со всего мира с её помощью. Мальчишек интересовало всё! Я делился тем, что знал от отца или слышал по телевизору.

Все учёные мира работают над новым топливом, которое будет экологически чистым и не станет загрязнять воздух. Его назовут биотопливом. Это точно, что оно не будет похоже на бензин. А также появились электро-мобили, которые ездят на батарейках, днём их подзаряжают солнечной энергией. Только эти машины способны передвигаться пока на небольшие расстояния. Весь мир обеспокоен глобальным потеплением. Есть предположение, что Европа может исчезнуть под водой.

А главное событие, которого ждёт весь мир, — посещение инопланетянами Земли.

Я тоже задавал вопросы. Например, за какой промежуток времени я могу научиться скакать на лошади. В этом они разбирались лучше меня. Я много узнал полезного о лошадях, их повадках. Они пообещали за небольшой срок обучить меня кататься на лошади. Я совсем забыл о своей семье и своих родных. Мы не заметили, как стемнело. На тёмно-синем небе звёзды горели, как огни, они были крупнее, чем в городе, и казались дорогими алмазами, я постеснялся сказать об этом, мальчишки сами подсказали мне и объяснили это тем, что у нас в городе большая загазованность. А здесь чистый воздух и звёзды горят и светят ярче, чем в городе. Здесь всё было лучше, я сам в этом убедился.

Мне стыдно было признаться, что я боюсь волков, и не знал, водятся ли они здесь и не бродят ли по вечерам по аулу как собаки. Мне хотелось узнать, как отличить волка от собаки. Я не хотел признаваться, что мне страшно оставаться с ними в степи без взрослых. Когда за нами на велосипеде приехал мальчишка и сообщил, что нас ждёт ужин, я обрадовался. Он предложил мне сесть на его велосипед, я с удовольствием согласился. Хотелось оказаться рядом с родными, к этому времени я почувствовал, что проголодался. Бабушка встретила меня на улице и повела к умывальнику,



который я впервые увидел в мультфильме “Мойдодыр”. Она была права, в ауле было много такого, чего я не видел в городе. Над домом горели лампы, мы ужинали во дворе за большим столом, который использовали для торжественных случаев. Я не помню, как оказался в постели и уснул.

Знакомство с животными

Утром я проснулся от крика. Это кричал петух, я много раз видел и слышал в кино и мультфильмах, как кричат петухи. Я вышел на улицу. Собака, лежавшая у двери, увидев, что я выскочил из дома, отбежала и легла, немного полаяв. Большой петух при приезде поразил меня нарядным оперением: его гребешок был сдвинут набекрень, как крошечная красная фуражка. Он стоял высоко на заборе и кукарекал. Увидев меня, он замолчал, посмотрел на меня, как бы спрашивая, пришёл послушать или научиться кукарекать. С первого дня он меня невзлюбил. Глядя на меня, злобно вращал глазами, стучал крыльями, хотел меня напугать. Я подошёл к нему и спросил: “За что ты меня ненавидишь?”. И смело посмотрел ему в глаза, не отводя взгляда. И победил. Петух отлетел и больше не пытался напугать. Раньше я не знал, что гуси и утки — разные птицы. Они ходят небольшими стайками, переваливаясь, как наша соседка. Одна из гусынь подошла и схватила меня за штанину, хотела клюнуть, я быстро сориентировался, нашёл палку и отогнал, больше никто из птиц не пытался меня клюнуть.

Бабушка вышла за мной. Было очень рано и прохладно, от холодного и чистого воздуха у меня защипало в носу. Она обняла меня, я прижался к ней. Я был счастлив и признателен ей за эту поездку. У неё на глазах появились слёзы: “Это мой родной аул. В этом доме я родилась и была счастливым ребёнком. Он построен моим отцом. Сейчас здесь живёт мой племянник с семьёй. Он мне близок, и я хочу, чтобы ты почувствовал дух моей семьи. Мы были маленькими детьми, когда отец начал строить дом, мы, дети, по мере возможности помогали. Крыша здесь камышовая, стены из самана. Мы помогали ему делать саманные кирпичи. Для этого отец вырыл большую яму, заполнял её глиной и конским навозом. Всё перемешивалось и заливалось водой, а мы босыми ногами местили, потом всё это перемещалось в специальные деревянные формы и сушилось.

В последнее время в доме протекает крыша, мы с дедом хотим помочь моим родственникам отремонтировать её. У моего племянника много детей и маленькая зарплата. Иногда я помогаю ему, даю немного денег.

Летом все люди с самого утра находятся в поле. У каждого дома небольшой огород, люди сажают картофель и овощи, здесь нет таких магазинов, как в городе. Каждый делает запасы, без них не проживёшь. Молодёжь уезжает, не хочет жить в ауле, здесь нет работы, негде развлечься. Тем, кто родился в городе, не понять психологию сельского жителя, нелёгким трудом зарабатывающего себе на жизнь”.

Я предложил: “Бабушка, может, ты хочешь, чтоб я вернулся в аул и стал жить в твоём доме?”. Она рассмеялась: “Этот дом ты не унаследуешь, у него есть свои наследники. А в аул ты никогда не переедешь потому, что тебе кажется, что здесь всегда хорошо. Скоро тебе, городскому жителю, станет здесь скучно. Ты привык к комфорту, спутниковому телевидению, ванной, где постоянно горячая и холодная вода, к мороженому и другим развлечениям. Всем в городе жить нельзя, кто-то должен выращивать пшеницу и овощи, пасти коров и овец. Не у всех это получается, тот, кто



по-настоящему любит свою землю, никогда её не бросит и не уедет в город. Зимой здесь сильные морозы, таких не бывает в городе. По ночам воют волки, иногда залезают в овчарню. Наметает много снега, и люди откапывают свои жилища. Людям здесь некогда болеть — больница находится далеко. Это твоя бабушка бежит по врачам, потому что она на пенсии”.

Хозяйка дома пошла доить корову, бабушка спросила, хочу ли я увидеть, как доят корову? Майра — так звали нашу родственницу — села под корову и, как дождик, забрызгала струи молока.

— Сейчас ты выпьешь парного молока, которого в городе не купишь.

Оно было тёплым и не очень приятным на вкус. Бабушка сокрушалась: “Бедные городские дети, они не знают, что корова даёт молоко, что куры несут яйца. От чистого воздуха у них болит голова. Технический прогресс, кроме вреда, ничего им не приносит”. Ах, если бы знала моя бабушка, как мне завидуют аульные дети, я в их глазах похож на живой компьютер, который многие из них не видели.

Мы стояли с бабушкой на улице, хозяйки выгоняли коров, скоро они слились в одно стадо и пошли на пастбище. Я спросил: а как они найдут свой дом? Она ответила: “Это умные и мудрые животные”. Я знал, что мудрыми бывают люди, а про коров узнал впервые. После обеда во дворе стало весело, дети стали баловаться, садиться на баранов, которые разгуливали по двору. Я тоже хотел сесть, но упал, они надо мной стали смеяться. Мне стало неприятно. Я несколько раз ещё падал, но всё же научился держаться. И тут понял, что на лошади кататься ещё сложнее, и я обязан всему научиться.

Моя мечта стать ковбоем не может так легко осуществиться, для этого нужны время и терпение. Времени у меня мало, а терпения и настойчивости хватит.

Дедушка обратился к родственникам найти для меня послушную лошадь, чтобы я научился на ней ездить. Хозяин предложил выехать на пастбище вечером, чтобы найти табун. Обычно утром лошади спят в лощине или прячутся у подножия гор от солнца. В табуне есть смиренная лошадка, на которой учились ездить его дети. Мы сели в машину и поехали искать табун. Я впервые увидел близко пасущихся лошадей. Дедушка хвастался: “С каждым годом в Казахстане улучшается жизнь, некоторые фермеры имеют несколько табунов лошадей, количество которых исчисляется тысячами”. Они неторопливо бродили по степи, искали вкусную траву и под звон уздечек неторопливо её пережёвывали. Высокие, стройные, длинноногие, очень грациозные, они поражали красотой, их взгляд светился умом. Ими я был очарован и завидовал аульным мальчишкам, которые имеют возможность каждый день любоваться этими животными. Мне захотелось остаться в ауле и жить рядом с ними. Мальчишки знали масти лошадей, а мне казалось, что я никогда их не смогу запомнить. Этот конь пегий, этот вороной, а этот серый в яблоках — называли они мне лошадей. Один жеребец поражал красотой, он был красновато-золотистого цвета, его хвост и грива отливали золотом, он казался мне сказочным тулпаром.

Ветер игрался с ними, гладил им гривы, трепал хвосты, издевался и проказничал. А они, не обращая внимания, лениво передвигались, уставшие от жаркого дня и солнца, хвостом отгоняли мух, шли навстречу вечернему закату, который окрашивал их в розовый цвет, превращал в красных коней. Красивее этих животных я никогда ничего не видел! Моя мечта — вырасти и купить себе лошадь, которая была бы собственной, как автомобиль!

Я знал, что в Америке диких лошадей называют мустангами. Дедушка объяснил: “Эти лошади не дикие, у них есть хозяева, которые оплачивают труд табунщика, чтобы он присматривал за ними”. Я решил вырасти, вернуться в аул и стать табунщиком.

Как я катался на лошади

Вскоре мне подвели лошадь. Она ждала, когда меня посадят на неё. Я удивился её терпению, а дедушка заявил: “Все лошади такие умные! Главное, не бойся, подожми ноги, она сама пойдёт. Вначале нужно научиться правильно сидеть на лошади, потом мы научим тебя на ней кататься. Для этого нужно потренироваться два-три дня”. Как только я сел на лошадь, меня окружили мальчишки, они подсказывали мне, как с ней надо обращаться. Может, мы испугали её, лошадь вдруг понеслась. А возможно, ей надоело плестись подо мной. Передо мной мелькнула полянка, мы домчались до отары овец, собаки, увидев нас, залаяли, лошадь понеслась ещё быстрее. Я кричал, никто меня не слышал. Я испугался, что упаду, но помнил, что нужно управлять поводьями, и крепко их натянул, прижимая ноги к её туловищу, и почувствовал, что она стала меня слушаться. Я натянул поводья и чуть-чуть их тряхнул, лошадь остановилась и пошла медленнее. Сердце моё радостно стучало, мне было стыдно, ноги мои дрожали от страха, не даром говорят, что лошади — умные животные. Она понимала, что я ребёнок и боюсь, и обратно привезла меня к дедушке.

Первое испытание я выдержал. Дедушка поднял меня и поцеловал, он был горд, что его внук не опозорился. Хорошо что рядом никого не оказалось, никто не слышал, как вначале я испугался и кричал, умоляя вытащить меня из седла, клялся и божился, что больше не поеду кататься. Теперь я чувствовал себя победителем. О моём позоре никто не знал, кроме лошади.

Как я пас лошадей

В ауле я хорошо научился говорить на родном языке. Вначале дети посмеивались надо мной. Время летело быстро, я загорел, возмужал и радовал бабушку своим аппетитом, домой не просился и не вспоминал родителей, словно забыл о их существовании. Один наш родственник предложил пасти с ним лошадей. Родные не хотели меня отпускать, а хозяйка стала пугать волками, которые бродят стаями и могут напасть. Дедушка отругал её и сказал: “Пусть едет, он приехал, чтобы увидеть всё своими глазами. Летом волки не нападают на табуны, от звёзд в степи светло, не то что в городе. Здесь небо никогда не чернеет, потому что нет дыма и копоти. Еркегали — взрослый мальчик, скоро пойдёт в школу, ему будет что рассказать городским детям, может похвастаться, что был на джайляу, пас лошадей”.

Я не мог дождаться вечера, мне не сиделось дома. Я в первый раз выехал самостоятельно в степь на лошади. И чувствовал уважение своих родных. Бабушка собирала мне “тормозок”, а дедушка давал ценные советы. Свысока я смотрел на детей, которые почему-то не стремились на пастбище. Возможно, там было не всё так романтично, как казалось мне.

Аульчане каждый день пасли своих лошадей, менялись или отправляли своих детей. Я был счастлив. Весь аул был у меня как на ладони, он вначале казался мне большим, но выяснилось, что просто здесь дома отдалены друг от друга.



Мы подъехали к подножию гор, где паслись лошади, оттуда повели их на водопой. К вечеру похолодало. Небо стало бархатисто-синим, крупные звёзды казались бриллиантами на бархатной подушке, сверкали разноцветными огнями. У реки вожак стоял отдельно и ждал отставших подруг, ветер игрался с их шелковистыми гривами. Кобылки — грациозные, как танцовщицы, заполонили речку. Они одна за другой входили в неё, уступали дорогу, чтобы дать возможность всем охладиться и испить водички, вели себя интеллигентно, как хорошо воспитанные люди.

Лошади фыркали, прикасаясь губами к воде. Громко квакали лягушки, требуя освободить их территорию, шелестел камыш, лошади пили воду неторопливо, с достоинством, как японцы во время чайной церемонии. Они мотали головами, отбиваясь от хулиганистой мошкары, соблюдали все традиции лошадиного водопоя. Среди них были дойные кобылицы, рядом бегали жеребята с чёлками, как у малышей, они резвились и мешали своим матерям.

Меня поражали их глаза, немного грустные. Я бы исправил известное выражение: на грустные глаза как у лошади. Меня поражали их степенность и величавость. Взрослые лошади с любовью смотрели на жеребят, опекали их. На небе заря оставила свой розовый шлейф, который постепенно поблёк и исчез, небо окрасилось в тёмно-синий цвет сапфира. По краям и в середине небольшими золотыми полосками и блёстками сверкали последние лучики солнца, не успевшие спрятаться.

Я с табунщиком Толепом погнал лошадей. Они шли лавиной, мы следили за вожак, который иногда пугал нас, меняя курс. Табунщику помогали собаки, лошадки их слушались, а молодые жеребцы старались увильнуть с дороги, показывая свою удаль и храбрость молодым кобылкам. Собаки упрямо возвращали их назад, выполняя приказ хозяина. В степи любое зрелище вызывало мой восторг, а её величие — трепет. Мы с табуном оставились у подножия гор. Ночью решили их здесь покормить. Всю ночь мы просидели у костра. Толеп разговаривал со мной и подпаском, рассказывал страшные истории о буранах, которые неделями метут, превращая степь в большие холмы. О морозах, которые не дают плевку упасть на землю, моментально превращая его в лёд. О том, как однажды с вожак отбивался от волчьей стаи. И о бесстрашном волке — помеси собаки с волком, который воспитывался у людей и хорошо знал психологию человека. Человек неразумно поступил, оставив его у себя, он стал вожак стаи и год наводил ужас на аульчан своей жестокостью, за ночь волки могли уничтожить отару овец. Однажды Толеп чуть не замёрз. Я мечтал скорее вырасти, приехать в аул и стать табунщиком. Это самая романтическая профессия. Табунщики — сильные и храбрые люди. Когда Толеп уснул, мы с подпаском стали пугаться теней, которые наводнили пространство. Благо летом быстро рассветает, алая заря розами закидала голубое небо.

А утром мы решили вернуться в лошину. Впереди шёл вожак — изумительной красоты жеребец. Он был тонкий, стройный, чёрный, на лбу у него было белое пятно в виде звезды, на груди белая манишка. От первых выглянувших лучей солнца кожа его переливалась, он был похож на артиста или дирижёра.

Когда мы вернулись к подножию горы, лошади отправились в лошину, куда не проникали жаркие лучи солнца. Толеп вынес из пещеры несколько старых одеял и подушек. Всё расстелил и предложил мне поспать: “Такого сна у тебя никогда не будет, достаточно поспать десять-пятнадцать минут,

а бодрости получишь на весь день. Здесь целебный воздух от лечебных трав. Я много лет пасу здесь лошадей. Они — умнейшие животные, никуда не уйдут, а ты можешь поспать, для тебя непривычно рано вставать”.

Я не хотел спать, свежий воздух охлаждал ноздри, я замёрз, высокая ярко-зелёная трава источала неведомый мне аромат. Я знал от бабушки названия многих цветов, жёлтые — мать-и-мачеха, сиреневые и синие — васильки, белые — кашки, голубые — колокольчики, казавшиеся вышивками чудесных мастериц на зелёном ковре, серебристый ковыль пушистой бахромой украшал его. Рядом небольшая роща, молодые берёзки, как девчонки-подростки в коротких зелёных платяцах, стояли стайками, щебетали о своих секретках и звенели серёжками. Я пошёл туда, откуда доносилось птичье пенье: “фью-фью”. Я попробовал повторить. Фью-фью — воспроизвёл я их звук, и с ветки мне ответила маленькая птичка. Я пошёл туда, откуда доносилось пение, в гущу рощи, из-под ног моих выскочили куропатки. Моя бабушка всегда восхищалась спутниковым телевидением, которое сделало меня знатоком лесных птиц, оно знакомило нас с природой всего мира. Оттуда я почерпнул много хороших сведений, но ничто не сравнится с тем, что увидел наяву.

Конечно, мне хотелось, чтобы здесь бегали обезьяны, но меня атаковали белки, они бросались в меня шишками и прыгали с деревьев. Я был ошеломлён увиденным. Большая птица пролетела надо мной, издавая угрожающие звуки. Это был филин. Видно, что мы его потревожили, и он, ухая и пыхтя, отлетел от меня. Днём эти птицы не видят. Слышался стук дятла, он ни на минуту не прекращал стучать, извлекая из дерева новые звуки. Мне не хотелось уходить: роща, казавшаяся маленькой, расширялась вдоль и поперёк, и чем дальше я уходил, тем больше встречались незнакомые деревья. В гуще росли сосны, ели и малознакомые кустарники, белки, как любопытные соседи, выскочили, чтобы увидеть меня и предупредить окружающих.

“Мальчик, здесь тебе делать нечего”, — хотелось им сказать мне.

Это я понял, когда получил шишкой по голове. А в сказках они такие добренькие.

Толеп искал, кричал, звал меня, он пришёл за мной. И попросил меня остаться здесь ненадолго, подпасок уехал домой, а ему надо было возвратиться в аул. Я обрадовался, что останусь один. Он попросил в его отсутствие никуда не уходить, можешь заблудиться — предупредил он меня. Лесок кажется небольшим, а тянется длиной в несколько десятков километров. Для меня Толеп соорудил лёгкое жилище, где можно было укрыться от солнца. Когда табунщик уехал, наступила тишина. Такую пронзительную тишину никогда не услышишь в городе. В воздухе слышалось жужжанье и треск крыльев. Миллионы кусачих тварей появились откуда-то, они старались укусить, ужалить меня. Надо мной близко пролетел орёл. Я сжался, мне вспомнились рассказы, что они воруют ягнят, могут не побрезговать ребёнком. Ужас и отчаяние охватили меня. Рядом — пещера, почему-то приходили на память сказки про троллей и леших. Стало казаться, что рядом кто-то смеётся, потом я вспомнил: такой хохот слышится из лесу, где живут филины. Где-то стучало, ухало, надо мной летали мухи, которые тоже оказались кусачими. Я был испуган и жалел, что согласился сюда приехать.

Мне захотелось есть, и я вспомнил, что бабушка передала со мной большую сумку, куда предусмотрительно положила много еды и мазь от комаров. Моя умная и лучшая в мире бабушка! Я хочу сделать для тебя лекарство, чтобы ты была бессмертной. Мне захотелось увидеть её и



прижаться к её большому телу. Когда я был маленьким, я обратился к ней с просьбой: “Бабушка, ты не можешь похудеть, чтобы я мог тебя всю обнять?”. Прилив нежности я испытывал ко всем родственникам. Как здорово, что они живут в этом ауле, без них я сюда бы не приехал. Я поел с жадностью, потом остановился, никогда еда для меня не была такой вкусной. Я проглотил положенные для меня булочки и яйца и чувствовал, что всё могу съесть в один присест. Если бы она увидела меня, пожирающего с такой жадностью еду, как она обрадовалась бы.

Во всём виноват я, почему не послушался её? К приезду Толепа я умру от жары или меня слопают мухи и комары. Мне стало стыдно: ноешь, а как живут в ауле? Всё лето дети работают с отцами-табунщиками. Они никогда не выезжали за пределы аула, у них фактически нет каникул. С утра до вечера они выполняют домашнюю работу. Я вернулся к лошадям, они мирно паслись, уступая мне место — мол, можешь присоединиться, тут так вкусно, трава сочная, пить не хочется. Я слышал громкий хруст лошадей, они, как и я, с аппетитом поедали свой завтрак. Я решил понаблюдать, какую траву они любят, они щипали всю подряд и цветы тоже. Я обратился к ним: “Будьте милосердны, ешьте траву, а цветы не трогайте!”. И вновь почувствовал себя увереннее, потому что слышал, что лошади не дают в обиду своих хозяев, затаптывают волков, как непрошенных гостей.

“Эх, признайся, Ерке, ты — трус. Вспомни, как ты кричал от страха, впервые катаясь на лошади. И здесь они чувствуют, что с ними остался мальчик-трус, которому просто везёт”. Я не мог спокойно сидеть на одном месте, пошёл в пещеру, там стоял леденящий холод.

Мне хотелось проникнуть туда, но я боялся пойти один. Эх, надо было пригласить мальчишек, кстати, они вчера не горели желанием поехать с тобой, потому что знали, как жарко и как страшно оставаться с табуном. Я корил себя и заставил вспомнить, сколько раз оказывался виновным в подобных ситуациях. Меня предупреждали, бабушка тоже. Да и дедушка не был в восторге. Но я их не послушался. А вдруг волки нападут на табун? У меня даже нет палки, чтобы их отогнать. Я нашёл причину отойти от табуна. Мне нужна палка.

Постепенно я привыкал, найденную ветку обработал перочинным ножом. Прислушивался к тишине, кроме звона уздечек и жужжания мух и комаров ничего не было слышно. Я с нежностью стал думать о бабушке. Когда вернусь, поцелую её и скажу, что счастлив. Интересно, что делают мои родители? Скорее всего, отдыхают от меня, а может, хотят, чтобы я вовсе не возвращался. Им лучше будет без меня. Представляю, как отцу стыдно за меня. Профессорский сын оказался хулиганом. А если у меня родится сын, похожий на меня? Я тоже буду мучиться? Нет, я лучше не женюсь, разве может родиться у меня нормальный ребёнок? Можно всю жизнь прожить без жены, как родственник отца. А если честно, мне нравится одна девочка, я её защищаю, а она и не догадывается о моих чувствах. А что такое любовь? Это когда хочешь постоянно видеть любимую. А она и не знает о твоих чувствах. Что ты, Ерке, о любви думаешь, думай о родителях. Почему у таких хороших интеллигентных родителей родился ты? Мог бы Бог им дать другого достойного ребёнка. Как-то бабушка отругала меня: “Глупышка, когда прекратишь баловаться? Ты позоришь своего отца”.

Возможно, я впервые ощутил, оставшись один, как я нужен отцу, а он — мне. И дал себе слово не позорить больше его.

Как я стал героем

Утром мы с мальчишками уходили купаться на речку. Нас сопровождали малыши. Дно у реки было илистое, скользкое. Местами она была глубокая и течение было там быстрое. Мы не разрешали малышам заходить далеко. Я со старшими мальчишками купался отдельно, они восхищались мной, я среди них был лучшим пловцом. Однажды, когда я учил их плавать кролем, мы услышали душераздирающий крик.

Один из малышей, поскользнувшись, упал, старших не оказалось рядом, оставшиеся малыши испугались и не оказали ему помощь. Потом один из них признался, что родители предупреждали его: если кто-то станет тонуть, не лезь, сам утонешь. Хорошо что родители не научили их молчать, когда кто-то тонет, они стали кричать, звать взрослых. Я первым бросился ему на помощь. Остальные мальчишки подросли чуть позже. Из всех сил я поплыл к малышу, его уносило течение, я схватил его за волосы, как нас учил тренер, и стал вытаскивать из воды. Подросшие мальчишки взяли его на руки. Мы положили его на песок, я стал делать ему искусственное дыхание, как нас учили в плавательном бассейне. Малыш наглотался воды, рядом стояли испуганные мальчишки. Они помогали мне, через некоторое время изо рта у него полилась вода, он стал дышать. В глазах мальчишек стоял страх, его брат плакал, боялся за его жизнь. Все были потрясены и безропотно выполняли мои команды. Я быстро уставал и просил их помочь мне.

Кто-то из мальчишек успел сбегать в аул и позвать взрослых. Испуганная мама тонувшего ребёнка бежала впереди и страшно кричала. Все были удивлены, когда узнали, что я его спас и сделал ему искусственное дыхание. Никто из родственников уже не верил, что увидит его живым. Их счастью не было конца. Все меня целовали и обнимали. Никто из них не знал, что роды у моей мамы происходили в воде, что я с рождения отлично плаваю. С первых дней моего рождения родители возили меня в детскую поликлинику в бассейн. А в маленьком ауле нет ни бассейна, ни поликлиники. Мне приходилось рассказывать каждому, как я его спас, потому что всем хотели услышать именно от меня. Мальчишки завидовали мне, что я имею возможность в городе посещать бассейн. А их родители чуть ли не умоляли научить их детей плавать и делать искусственное дыхание. До этого, когда я объяснял им, что они неправильно дышат, не экономят свои силы, когда плавают в воде, они смеялись надо мной. Они не хотели признаваться в том, что я, моложе их по возрасту, могу чему-то их обучить. Все аульчане радовались и восхищались мной. Меня стали называть маленьким героем.

Впервые за свои шесть лет Ерке удостоился восхищения и был признан героем. Честно говоря, я так и не понял, что совершил героический поступок. Просто я испугался, что мальчишка утонет, и поспешил ему на помощь. Если это подвиг, то его может совершить каждый. Героем стать не сложно! Главное — хорошо уметь плавать.

Мне стыдно было выходить на улицу, каждый подходил, благодаря меня. Я решил попросить бабушку скрыть это от моих родителей. Если об этом узнает отец, он страшно разозлится. И никогда не отпустит меня с бабушкой. С другой стороны, мне было приятно, что мною все восхищаются, взрослые мужчины и аксакалы здороваются за руку. Я признался бабушке, что ничего не соображал: моя задача была доплыть до мальчика, вытащить его из воды. Окажись этот мальчик старше меня, я мог с ним вместе утонуть. Моя бабушка была счастлива, а потом испугалась и заплакала: «А если бы ты не смог его



вытащить, мог с ним вместе утонуть. Что я сказала бы твоим родителям? Аллах спас тебя и меня от такого позора. Завтра поедем домой, я боюсь, что ты ещё что-нибудь натворишь!”. Я разозлился: “Спаси малыша ты считаешь позором?”. Она призналась: “Я только сейчас поняла, чем могло это закончиться”. Вечером нас пригласили на ужин. Меня называли уважительно Еркегали, и имя моё звучало красиво. Я видел, как мальчишки восхищаются и завидуют мне. Нас вкусно накормили, а потом в дедушкину машину положили барашка: “Это подарок для Еркегали. Пусть его родители едят на здоровье, они воспитали достойного сына”.

Приезд родителей

Мне хотелось и не хотелось, чтобы об этом узнали мои родители, я боялся, что они станут меня ругать. Когда мы вернулись к родственникам, во дворе стоял наш джип. Никому из мальчишек я не говорил, что у моего отца джип, не хотел выглядеть в их глазах хвастуном. Мои родители светились от счастья. Они соскучились и приехали за мной. Отец обнял меня и впервые поцеловал, а мама не могла налюбоваться мной, говорила, что я страшно загорел и похож на негритёнка, возмужал и вырос. А отец подошёл к бабушке, поцеловал её и сказал: “Если можете, простите меня! Спасибо, что вы повезли Ерке в аул. Мой сын повзрослел и прославился, это ваша заслуга”. Исполнилась моя мечта, как будто Всевышний хотел сам отблагодарить меня за мой поступок, прислав моих родителей. Они гордились мною, впервые им не было стыдно за меня, и услышали обо мне столько хорошего, сколько не слышали за всю мою жизнь. Мама тут же вспомнила, что встретила заведующую, Миру Ильясовну, и та призналась: “Как мы скучаем без Ерке”.

А мама сказала: “Разве вы не рады, что на одного “Кошмарика” у вас стало меньше?”.

“Это прозвище неправильное. У вас умный мальчик, у него неординарное мышление. Я завидую школе, где он будет учиться, и была бы не прочь, если бы у меня была группа таких “Кошмариков”.

Мама радовалась: “Наконец ты избавишься от этого прозвища. Из района приехала корреспондент, расспрашивала про твоё детство, хочет написать о тебе в газету. Скоро все узнают о тебе!”. Я спросил, как корреспондент узнала про меня. Мама ответила: “Хорошая новость быстро распространяется”. А главным в моей истории я считаю то, что мои родственники помирились. Папа постоянно приглашает мою бабушку и дедушку к нам в гости. Дедушка играет на домбре. А мама с бабушкой поют песни. Если бы спросили меня: “Ты счастлив, Ерке?”. Я бы ответил: “Да, я счастлив, наконец в нашей семье воцарились мир и взаимопонимание”.

Ерке пошёл в школу

Когда я вернулся из аула, все заметили, что я подрос и даже уши уменьшились. Возможно, повлиял чистый воздух. А может, помогли мои молитвы, с которыми я обращался к Богу с просьбой уменьшить их.

В школу я пошёл знаменитым. Директор объявила всем, что в их школе будет учиться мальчик, который летом совершил героический поступок — спас тонувшего ребёнка.

В школе мне не понравилось. Каждый день я вставал рано, меня отводили в школу. Мне стыдно было за таких ребят, которые приходили в сопровождении своих бабушек. Таких было много. Мальчишки с завистью

смотрели на меня. Когда они просили меня рассказать о своём поступке, я говорил, что каждый из них, если хорошо плавает, может стать героем. Главное — не думать о героизме, лишь тогда можно прославиться. Я не чувствовал себя героем, мне не нравилось писать буквы, в доме было по-прежнему, о моём поступке быстро забыли. И мама каждый день ругала меня за грязь в тетрадке.

Однажды один из мальчишек стал приставать ко мне: “Скажи честно, что не было героического поступка, ты просто договорился с тем малышом? Если честно признаешься, что схитрил, договорился, я стану тебя больше уважать”.

Я не выдержал, повалил его на землю и сел на него. Он испачкался, заплакал. Утром меня ждала его бабушка: “Вот он, полюбуйтесь, “Кошмарик”! Героем объявили! По телевизору показывали, а он как был хулиганом, так и остался! Я приложу все силы, чтобы узнать правду, внук говорит, что ты договорился с мальчиком перед школой. Говорят, директор школы не хотел брать тебя в свою школу. А ты заплатил ему, чтобы не позорить своих родителей. Перед школой героем захотел стать! Я не позволю тебе бить моего внука. Пойду к директору и добьюсь, чтобы тебя выгнали из школы!”.

Директор пригласила меня в кабинет и спросила, — почему я побил своего одноклассника. Его бабушка даже слова не дала мне сказать. Я предложил директору: “Пусть он сам расскажет!”. И тут этот мальчик стал передразнивать меня, рассказывать, как Ерке хвастается перед всеми, что он герой, и бьёт каждого, кто ему не верит. Моя учительница привела техничку, которая мыла в коридоре пол и слышала наш разговор. Она подтвердила, что я не виновен. И рассказала, как этот мальчик оскорблял меня. Я молчал и был расстроен: прозвище “Кошмарик”, наверное, будет всю жизнь меня преследовать. Дома я сказал: “Зачем вы отдали меня в школу? Вы лишили меня детства”. Папа рассмеялся: “Наш сын, хоть и стал героем, но остался “Кошмариком”!

Я закончил свою книгу, и мне стыдно стало перед родными. Сколько неприятностей и огорчений я им принёс! Прошу простить меня! Вы — самые лучшие родители и сестра! Вы — самые лучшие бабушка и дедушка! Моя бедная мама изнывала от любопытства, отец спрашивал её: “Ерке разве на осень оставили, что он там пишет?”. Мама успокаивала его: “Подожди немного, я всё тебе расскажу!”.

Утром, когда отец ушёл на работу, я положил рукопись на стол, а сам отправился к бабушке — она просила помочь ей убрать в кладовке.

Весь день я помогал бабушке. Домой возвращался расстроенный. Я не знал, как мама отреагирует на мою исповедь. Дверь мне открыл отец: “Писатель вернулся!”. Он обнял меня. “Я даже не знал, что мой сын обладает таким талантом”.

Я утонул в объятиях сестры и мамы, они обнимали и целовали меня, как будто я стал Нобелевским лауреатом. За время моего отсутствия они прочитали мою книгу и ничуть не обиделись.

Моя книга была признана лучшей в классе. Родители обещали её издать. Я благодарен учительнице за предоставленную возможность исправить оценку по русскому языку.

Я хочу, чтобы каждый человек, независимо от таланта, попробовал написать свою книгу. Это, в первую очередь, нужно ему!

г. Караганда.



Пётр ЗАБОЛОТСКИХ

Этюды

В ловушке

Бушевавшему бурану, казалось, не будет конца. Снег ошалело метался, бил в ставни, которые сильно ударялись о рамы. Гудели провода, но с каждым мощным порывом ветра их заглушал сиреноподобный вой в трубе.

Когда буран стих, я направился в соседнее село. Шёл, спрямляя путь, через сопки. Заметно подмораживало, и лыжи легко скользили по снегу. Плотнo утрамбованный наст, не выдерживая нагрузки, с глухим звуком, похожим на вздох, оседал подо мной: о-у-х...

Новых следов зайцы проложить не успели, а иногда встречались старые, вокруг них снег выветрился, и образовались такие гипсовые фигурки, будто кем-то вылепленные. Кажется, что фигурки эти готовы сорваться с места и поскакать, вот только задует сильнее ветер...

Останавливаюсь на краю обрыва. Откосы крутые и глубина порядочная — метра три. Чуть не угодил я в эту ловушку. Но что это? Жалобные, невнятные звуки откуда-то снизу, со дна котлована. Не человек ли угодил туда в буран? А может, зверь? Осторожно подвигаюсь поближе к кромке обрыва, долго вглядываюсь и наконец различаю: уши торчат заячьи, сеют, а сам-то слился со снегом — шкурка белая, да и та припорошена. Как он попал сюда? Конечно, по неопытности. Может, для него это была первая зима. Может, удирал от охотника или от лисы, вот и свалился в глубокую ловушку, она его и пленила.

Надо спасать бедолагу, — другого решения у меня не было. Выбрав более-менее пологий склон, лыжами я стал устраивать себе "лесенку", и так, по ступенькам, спустился вниз.

Заяц, как ошпаренный, заметался у моих ног, прыгал на стенку, и с каждым прыжком заметно слабел.

Вскоре косой присмирел, сжался в комочек, уши прижал к спинке. До слёз стало жаль бедолагу. Аккуратно взял его обеими руками и сильно подбросил вверх, к краю обрыва.



**Пётр
Михайлович
ЗАБОЛОТСКИХ**

родился в 1935 году в Кировской области.

Закончив школу, работал в колхозе прицепщиком. Служил на Северном флоте, здесь начал сотрудничать в газете "На страже Заполярья".

По образованию лесовод, был сплавщиком леса, строителем.

Начиная с 1967 года, более четверти века проработал в районных газетах Целиноградской области.

Член Союза журналистов Казахстана.

В "Ниве" печатался неоднократно.

Выбираюсь из ямы сам и вижу — убегает. Вот он остановился, пристал на задние лапы и смотрит на меня — прощается, значит. Отдал мне честь и поскакал дальше.

И до того хорошо на душе стало, словно лучшему другу помог.

Зверь в беде, птицы голодны, рыба задыхается подо льдом — не проходи мимо, сделай то, что тебе по силам, прояви милосердие. Нашёл летом птенца — водвори его обратно в гнездо. Кругом у них много врагов, а друг только один — человек.

Грибная пора

Наступил август. Прошли благодатные “грибные” дожди. Стали прохладнее ночи и обильнее роса по утрам. Дымка испарений надолго задерживается в лесу, накапливается в низинах, пока солнце не поднимется выше и не поборет утреннюю прохладу.

Тишина. Лес стоит, словно заворожённый. Изредка пронесётся на бреющем полёте ястреб-перепелятник, потревоженная, перелетит в глубь леса сова.

Вот и берёзовая роща в трёх километрах от Новорыбинки. Снежной белизной отливают стволы на солнце. Милая сердцу берёзка. То она печальная, когда тихо вокруг и кажется, что плачут низко опущенные ветки, то при малейшем дуновении ветра смеётся всей своей трепещущей листвой.

Иду по грибы. В первозданной чистоте стоит умытый лес. Воздух, настоящий на душистых травах, придаёт лёгкость телу и успокаивает.

Иду медленно, поглядывая по сторонам, под ноги. Что за красные фонари зажглись в траве? Это шляпки мухомора! Встретились тебе мухоморы — будь внимателен: где-то поблизости съедобные грибы. Так оно и есть. Почти рядом с мухомором нахожу большой белый гриб. Ну, думаю, и выбрал же соседа. А белый хорош — шляпка диаметром с фарфоровую чашку. Сегодня мне везёт. Вот уже десяток белых грибов лежит в корзине. Собираю быстро, с каким-то вдохновением, радуюсь от души, словно ребёнок новым игрушкам...

Стали попадаться грузди. Эти растут семейками, так что в урожайный год корзину можно быстро набрать. В алексеевских лесах грибники их, помню, тоннами сдавали в заготконтору райпотребсоюза, да и стоили то грузди недорого, не как сейчас.

В дождливую осень груздей бывает столько, что уходят даже под снег — ядрёные, без червей.

Старый груздь всегда на виду, белая его шляпа воронкообразной выемкой, заполненной водой, манит к себе. Опустись на колени, припадешь к ней, сделаешь глоток-другой чуть горьковатой дождевой водицы.

Не хочется расставаться с лесом, хотя корзина твоя уже полна с верхом.

Ну, здравствуй, дружок!

Долго в тот год лютовал март, весь месяц властвовала зима. Верной оказалась народная примета: “Если первого марта петух с крыльца не напьётся, не видать тепла”.

В начале апреля, наконец, повеяло теплом. Появились первые зеркальные плешины луж. Небо было в сплошных облачках. Туманы быстро “съели” снег. Но настоящую весну принесли на крыльях вслед за грачами скворцы, особо у нас почитаемые.

Ожила природа. Звучат по утрам птичьи концерты. Воробьям, завладевшим на время скворечниками, приходится туго. Скворцы по-хозяйски смело их атакуют, дерутся за гнездовья решительно, до победы. Так вцепятся друг в друга, что одним комочком падают вниз, на землю. “Караул!” — кричит бедный воробышек, теряя пёрышки и уносясь прочь.

Прогонит непрошеного гостя скворец и тут уж принимается распевать на все лады. Заслушаешься, остановишься и про себя попривечаешь певца: “Здравствуй-здравствуй, дружок!”.

Надо видеть, как радуются прилёту птиц люди, как добреют душой. 80-летний старик, бывает, и тот с какой-то теплотой и облегчением молвит: “Глянь-ко, скворцы прилетели”... Скупые слова прозвучат как откровение. Чувство новизны и непрерывности жизни приходит к человеку. Вот и ещё одна зима позади, думает он. И веселее бьётся сердце, хочется жить и жить.

Как-то на территории Приреченской школы встретил я мальчишку с портфелем. По виду первоклассник, он остановился возле тополя, на котором висел новенький птичий домик, и замер, слушая трели скворца с колёнами. Птаха часто взмахивала крылышками, вертела головкой, будто желая лишний раз удостовериться: все ли меня слышат?..

А утреннее солнце, рассеяв туман и разогнав облачка, переливалось в оперении скворца. Мальчик попробовал ему подсвистывать, но ничего у него не получилось. Думаю, не сильно-то он и огорчился. Пусть каждый блещет своими талантами.

Незадача

Вот уже два месяца стояла жара. Рыба на Селетинском водохранилище клевала как-то вяло, словно ждала перемены погоды. Спиннингисты досадовали: “Не берёт щука, хоть ты лопни”.

С места на место переходили рыбаки, а толку всё не было. Разъезжались по домам не солоно хлебавши. Но выпадали и удачные денёчки. Как-то поднялся ветер. Дул он с берега, блёсны улетали далеко, и щуки “исправились”, хватали крючок, наполняя рыбацкие рюкзаки.

Везло и мне. За какой-то час вытащил я двух рыбин, поместил в матерчатую сумку, а сумку опустил, как обычно, в воду, стянув верх верёвочкой и прижав к берегу камнем на манер якоря. “Щучки не особо большие, никуда не денутся”, — рассудил я и снова стал забрасывать блесну: обязательно третью вытащу! Азарт меня взял.

Прошло больше часа. Стало вечереть. Постепенно стих ветер, успокоился водоём. Клёва как не бывало...

Из зарослей камыша, что окружали здешние острова, не опасаясь человека, выплывали утки с утятами. Нырjali, хлопая крыльями, привставая над водой. Красиво! Смотрел бы и смотрел. Природа успокаивала, лечила лучше всяких лекарств. После таких вот вылазок на природу работается мне легко, поднимается настроение.

Хорошее настроение было у меня в тот выходной день. Как-то свежо думалось, выстраивались планы на предстоящую неделю, рождались, анализировались варианты.

Но пора и домой. Подхожу к тому месту, где оставил улов. Всё вроде бы на месте: сумка, камень... Никакого подвоха не жду. Дай, думаю, ещё раз гляну на добычу. И немало удивился, когда вместо двух обнаружил всего одну рыбку. Вот незадача! Лиса вытащить не могла, чайки не подлетали. Оставалось одно: щучка сама рыбака обманула. Выскользнула из сумки — и до свидания!

Простые радости

Раннее утро. В голубоватой дымке тонет ближний лес. Я иду к нему напрямик, без лыж, по мягкой свежей пороше. За спиной у меня ружьё, взятое просто так, для вида.

А вот и лес. Узнаю его заново, останавливаюсь и разглядываю. Ещё не все берёзки успели сбросить листву. Жёлтые листья тихо шуршат, трепещут на ветках. Кажется, что каждый листик до сих пор отдаёт накопленное за лето тепло. Поэтому в лесу по-прежнему уютно.

Очарователен лес, присыпанный искристым снежком. Теперь каждая сосенка надёжно защищена от зимней стужи. Как хлопьями ваты, укутал снег каждую ветку.

Обманчива лесная тишина. Вот где-то сварливо застрекотала сойка — подаёт лесным обитателям сигнал опасности. Над головой пронеслась стайка шустрых синиц и присела на куст шиповника. Попискивая и заглядывая под каждую почку, под сухой свернувшийся лист, они выискивают пищу. Лес оживает...

Кругом следы, много следов: от кустика к кустику, от дерева к дереву ровная мелкая строчка — тут пробежала мышь; как заправский телеграфист, отстукал по снегу тире и точки заяц; след в след, мягко ступая, прошла лиса.

С деревьев сеется мелкий снежок и, как чистой родниковой водой, освежает лицо.

Идёшь по лесу, будто самую интересную книгу читаешь. И словно уносишься в мир первых открытий, в колыбель своего детства.

Возвращаясь домой, не чувствую никакой усталости. Ватага ребятшек встречает меня вопросом: “Дяденька, кого убили?”. Это они ружьё увидели. Сказать им: “Время и ноги убил” — не подходит, неправда! А правда в том, что убил скуку и праздность, а обрёл же бодрость и порадовался, как дитя.

Берёзы в полушалках

Климат в Северном Казахстане резко континентальный: зимой бывают морозы под сорок, летом — сушь, от жары не знаешь куда прятаться. Даже в мае может вернуться снег, а заморозки повреждают первые всходы картошки и высаженную в грунт рассаду...

Серьёзное испытание выдержали той весной и берёзы. Раскрылись почки, распустились листочки в середине мая, а мороз возьми да и прихвати их. “Пропадут берёзы, посохнут все”, — говорили люди, видя к концу мая деревья без листьев. Особенно беспокоились лесоводы.

На берёзе бородавчатой листочки каким-то чудом выжили, но ветер их после пообрывал. Покуражился уж над красотой! Но так в жизни водится: кто зла другим желает, тот рано или поздно расплачивается за это. Не хватило ветру раздолья. Засеяли люди поля. Там, где эрозия властвовала, пошли в рост хлеба и травы. Улетел ветер дальше на север и унёс с собой холод.

Брызнуло майское солнце из-за туч — и заиграло, засверкало всё вокруг. Побежали по стволам деревьев животворящие соки.

Напрасно тревожились лесоводы. Набухли оставшиеся в резерве спящие почки и в зелёную кипень оделись через пару недель берёзы, переболев, так дружно зазеленели, будто все разом полушалки на плечи накинули!

Стоят до того пригожие, что не насмотришься, не налюбишься ими.

Я видел, как лесоводы трогали нежные клейкие листочки и радовались. А народ в округе говорил о белоствольных красавицах, точно о героинях каких: “Смотри-ка, растут, милые. Вот она — воля к жизни. Нам у них учиться да учиться. Пример брать”.

Воробей и колодец

Однажды давний мой знакомый Володя рассказал любопытную историю. Она мне крепко запомнилась, хотя прошло с тех пор лет тридцать. История про то, насколько птицы бывают изобретательны.

Как-то утром, рассказывал приятель, прихожу к колодцу, что рядом с домом, открываю крышку, чтобы набрать воды, а оттуда воробышка — фр-р! Даже ветерком лицо обдало! На второй день всё повторилось. “Что он там делает? Напиться залетает? Или ночует?”.

Стал вечером наблюдать. Только начнёт темнеть и перестанут ходить к колодцу, воробей тут как тут. Юркнет в щель и нет его до утра.

Воробышку, думаю, и там холодно, но всё же теплей, чем на улице. Родниковая вода парит, не замерзает, ветер не дует. Так и перезимовал, хитрец...

Интересно, что и летом воробей не забывал про своё убежище. Налетел однажды кобчик на стаю воробьёв, они кто куда врассыпную, а мой знакомый уже над колодцем. Был и нет его! Не утонул ли, думаю, со страху. Иду к колодцу, заглядываю, а он сидит на замшелом выступе, как ни в чём не бывало и головкой только туда-сюда крутит. А кончилась тревога, выглянул, вспорхнул на край сруба: “Чив-чив, чив-чив”, — перекликается со своими собратьями, как будто говорит им: “Цел я, братцы, цел!”.

В общем, в трудную минуту выручал воробья колодец. Смекаливый оказался. Совсем как человек. Тот ведь тоже из любого положения выход находит!

**село Приречное
Целиноградского района
Акмолинской области.**

Наш общий дом

Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики. Послание Главы

государства народу Казахстана. № 4

Гундарев Владимир. Земля обетованная в отеческих пределах. № 5

Минин Виктор. Нечего нам делить. № 12

“Мы верили в тебя, солдат 41-го, верим в тебя, сарбаз”. Беседа с генералом армии С. Нурмагамбетовым. № 9

Поминов Юрий. Павлодарская область: прошлое, настоящее, будущее. № 7

Токаев Касым-Жомарт. Президентская дипломатия. Глава из новой книги “Свет и Тень”. №№ 1-3

Журнал “Радуга” — в “Ниве”

Билыч Клавдия. “Жизнь проходит — поцелуй меня...”. Стихи. № 8

Ковальский Юрий. Многоцветье русского слова. № 8

Комова Елена. Одна собачья жизнь; Почему носки полосатые. Рассказы. № 8

Крым Анатолий. Последнее слово убийцы. Рассказ. № 8

Лукьяненко Сергей. Поезд в Тёплый Край. Рассказ. № 8

Смирнов Лев. “Постоим перед вечной дорогой...”. Стихи. № 8

Проза

Агарков Антон Забияки. Рассказ. № 12

Бударагин Сергей. Прелюдии любви. Повесть. № 4

Верёвочкин Николай. Легенда о слепо-м лосе. Повесть. № 9

Гаврилко Вера Два рассказа (Как я была ведьмой; Моя нежная смерть). № 11

Дегтярёв Владимир. Супротивцы. Документальный роман. №№ 1-4

Зайцев Николай. Так сказал Моисей. Рассказ. № 11

Канапьянов Бахытжан. Летний кино-театр (рассказ), Светлячки (повесть). № 2

Кубанская Рита. Три рассказа (Бабий век — не сорок лет; Ну здравствуй, Дима; А жизнь идёт). № 6

Кулакова Светлана. В плену у жизни. Роман. №№ 7-11

Масалин Марат. Необычный пассажир. Повесть-диалог об Арале. №№ 7-8

Немцев Михаил. Ну, народ! Бергальские байки. № 6

Омар Асель. Пять рассказов (Плаукар-тный романс; Французский берет; Три клинка; Красавица; Махаон). № 3

Пахомов Дмитрий. Дар. Урок палеон-тологии. Рассказы. № 5

Пройдаков Алексей. Целитель. По-весть. Часть первая. № 12

Серкова Милетта. Этюды. № 5

Смирнов Александр. Миниатюры. № 10

Убаськин Александр. Евангелие от Каина. Рассказ. № 6

Поэзия

Арип Галым. “Моя мечта живёт всегда со мной...”. Стихи. № 6

Барлыбаев Турсун. “Родину любят молча...”. Стихи. № 10

Бектемирова Марфуга. “И любовь, и весна — всё у нас впереди!...”. Стихи. № 9

Брейдо Иосиф. “Еще не всё изveda-но...”. Стихи. № 7

Василенко Вера. “Во мне живёт моя тревога...”. Стихи. № 5

Гарипов Талгат. Кирпичики. Стихи. № 8

Гундарев Владимир. “Всем по-детски верил и всему...”. Стихи. № 7

Денисова Светлана. “Какой простор на белом свете!...”. Стихи. № 3

Зеликова Светлана. “Хочу я жизни долгой и весёлой!...”. Стихи. № 4

Иванов Николай. “Жизнь, что испы-тывала нас...”. Стихи. № 12

Кан Диана. “Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка...”. Стихи. № 8

Кдралина Зайтуна. “Я ориентируюсь по звёздам...”. Стихи. № 6

Колесников Александр. До полного накала. Стихи. № 2

Комракова Светлана. “Я сегодня лета-ла во сне...”. Стихи. № 11

Лукин Борис. “Путь земной и путь небесный...”. Стихи. № 7

Лумпов Евгений. “Сбудутся все меч-ты...”. Стихи. № 8

Мартынова Лариса. “Живое имеет ко-роткую память...”. Стихи. № 3

Мельникова Людмила. “Мне хочется порой побыть наедине...”. Стихи. № 1

Менсеитов Рафхат. “Но всего прекра-снее — вершины...”. Стихи. № 4



Нечаева Тамара. Вновь мной услышана стихия... К другим мирам. Поэмы. № 1

Овсянникова Елена. "Ты меня не меняй...". Стихи. № 10

Оразалин Нурлан. "Клокочет сердце, возрождаясь вновь...". Стихи. № 5

Орехов Анатолий. "Великий Боже, не покинь народ...". Стихи. № 2

Осадчий Станислав. "Как нежно пахнут травы...". Стихи. № 9

Поминов Александр. От первого лица. Стихи. № 11

Поэтическая мозаика. Стихи Ворохова Владимира, Зеленского Сергея, Ким Ольги, Ким Светланы, Матросова Геннадия, Медовой Лидии, Онайбековой Гульсим, Сараева Ивана. № 6

Поэтическая мозаика. Стихи Демидовой (Елецкой) Екатерины, Игнатовской Елены, Исакова Марата, Кохновича Михаила, Устьянцевой Натальи. № 12

Салыков Какимбек. На родине Рудак; Строки, написанные в Москве. Стихи. № 2

Семичев Евгений. "Полыхает костром заревым небосвод...". Стихи. № 9

Сербин Михаил. "Наворожи мне долго жить...". Стихи. № 10

Ударцев Геннадий. "Потомки, помните о нас...". Стихи. № 12

Феофанова Любовь. "Упрямо жизни подставляю лоб...". Стихи. № 4

Чередник Владимир. Дачный калейдоскоп. Стихи. № 8

Шеметова Ольга. "Разлука является тайной...". Стихи. № 12

Шершнёва Людмила. "Душа моя — вольная птица...". Стихи. № 3

Шиманович Галина. "Помню радости звонкий и солнечный день...". Стихи. № 5

Штемпель Виталий. Неприличные корабли. Стихи. № 11

Поэтический венок

Золотцев Станислав. Зов Азии. Стихи. № 6

Матвеева Ирина. Свет над судьбой. № 4

Щукин Владимир. "Хорошо бы всё начать сначала...". Стихи. № 4

Документальная проза

Ахундова Эльмира. Алиев "без галстука". Глава из книги. № 5

Винтер Ирина. Ангел в белом. Повесть. № 5

Гандилов Ляtif. Великий сын великого народа. № 5

Жагипаров Сапаргали. "Стёрлось детство с веснушчатых лиц...". № 11

Матвеюк Василий. По волнам моей памяти. № 9

Культура. Общество.

Личность

Бельгер Герольд. Плетенье чепухи. №№ 8-10

Владимиров Владислав. Три лиры генерала Перовского. Курмангазы * Даль * Пушкин. Полемиические эскизы. №№ 4-6

Владимиров Владислав. Возвращение к истокам. № 12

Горбунов Сергей. Зов далёких предков. № 10

Григорьева Ольга. "Была б жива Цветаева...". № 2

Заболотских Пётр. К 80-летию со дня рождения Рысты Шотбаевой. Незаходящее солнце в душе. № 6

Курпякова Наталья. Подлинно народный артист. № 7

Литературная жизнь России. Полвека служения Родине (к 50-летию Союза писателей России). № 7

Матвеев Александр. К 80-летию со дня рождения Калтая Мухамеджанова. Да святится имя твоё. № 11

Могильницкий Валерий. Приоритеты Людмилы Мельниковой. № 1

Петров Константин. Литературная премия — О. Григорьевой. № 10

Попов Юрий. Встречи с Сапаргали Бегалиным. № 8

Романов Владимир. Потенциал гуманитарной сферы. № 1

Сеитов Норлан. Мой Григ. № 10

Сон Владимир. Легенда земли целинной. № 12

Тулебаев Райс. Очарование скрипкой. № 2

Тулебаев Райс. Мои учителя. № 9

Шашкова Любовь. Не жить друг без друга. № 3



Публицистика

Жуковский Пётр. Время собирать камни. Письмо министру здравоохранения РК с комментариями и отступлениями. № 6

Жуковский Пётр. Собаки на сене. № 9
Коптева Людмила. Жизнь в разрезе. № 8
Могильницкий Валерий. Пусть всем достанет мудрости отца. № 10

Актуальный диалог

Далёкая Куба Казахстану близка. Беседа главного редактора «Нивы» с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Куба в Республике Казахстан Тереситой Камачо. № 4

Критика и литературоведение

Брейдо Иосиф. Хотя намеренья благие, но.. (комментарий). № 8

Гайворонский Константин. Этическая невменяемость. Неполемиические заметки. № 1

Гундарев Владимир. К сведению читателей. Комментарий к заметкам К. Гайворонского. № 1

Гундарев Владимир. Радости и горести земного бытия. № 4

Иванов Николай. Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане не планируется. № 8.

Мартынова Лариса. Особое чувство свободы. № 7

Могильницкий Валерий. Паустовский в стране звёзд и пустынь. № 7

Могильницкий Валерий. Милостью божьей, упорством своим. № 9

Муканова Гюльнар. Волшебное слово поэта. № 5

Невзорова Ирина. Из Казахстана в Казахстан... (Кто ведёт по жизни Птицу Певчую). № 3

Фогельзанг Лиля. Милый доктор Хармс... Фрагмент романа. № 3

Шевченко Сергей. Нелогичный реализм. № 2

Шухов Илья. В кривом зеркале энциклопедии. № 4

Наследие

Биданова Айгуль. Почтение к поэту — для народа честь. № 12

Канапьянов Бахытжан. Юсуф Баласагуни и его город. № 9

История без купюр

Какен Амантай. «Будут стихи мои жить без меня...». №№ 5-7

Могильницкий Валерий. Чёрные розы маршала. № 12

Муканова Гюльнар. Казахстанский Киров. № 8

Далёкое — близкое

Ахетова Алия. Степные легенды. № 7
Звёзды в аду. (Публикация Надежды Черновой). № 3

Кудайберген Галим. Его Величество Случай (Армянские невестки Казахстана: Герой и его Вера; Светла судьба Ерлана и Назгуль; Сват). № 10-12

Муканова Гюльнар. Героиня ненаписанного романа. № 1

Силин Михаил. Сиротское детство. Быль. № 1

Шафер Наум. Второй филфак. Фрагмент мемуарной повести «День Брусиловского». № 2

Параллели и меридианы

Бакытгова Асемгуль. Соседи по планете. Филадельфийская хроника. № 11

Никитина Татьяна. Вива, Варадеро! № 3

Саенко Валентина и Виктор. На донской земле. № 2

На житейских перекрёстках

Вервекин Александр. «По морям, по волнам...». Рассказы деда Дорошенко. № 4

Дьяченко Сергей. Вперёд, абитуриенты! № 1

Жагипаров Сапаргали. Выпавший из гнезда (быль); Прерванная любовь (быль). № 6

Кравченко Галина. Случайная встреча. № 10

Слепцов Николай. Дорожные истории. (Эх, путь-дорожка...; Под стук колёс). № 4

В семейном кругу

Баймухаметов Ерлан. Сказки для взрослых. № 5

Барышникова Тамара. Солнышка ладони. № 3

Гегер Владимир. Новеллы в стиле эссе. № 4



Дайлидко Елена. Даша. Рассказ. № 10
Джумагельдинова Дария. Джамиля-апа, Легенда об озере Шайтан-коль. № 2

Джумагельдинова Дария. Еркегали по прозвищу “Кошмарик” (повесть). № 11-12

Муканов Серик. Невыдуманные сюжеты. № 7

Осипов Валентин. Орлик. *Непридуманная повесть из военного детства.* № 10

Поэтический “Родник”. № 2

Родичева Нина. Коза. № 4

Силявина Ольга. Папа. Рассказ. № 3

Искусство

Алдабергенова Б. Носитель народной культуры. № 4

Алексеев Николай. Поэзия в живописи. № 6

Беккулова Сауле. “Писать, проверяя вечностью...”. № 1

Беккулова Сауле. Аристократ духа, или Три встречи с Акрапом Жубановым. № 7

Бочарова Юлия. На солнечной стороне жизни. № 11

Буйнова Елена. Всеобъемлющее чувство любви. № 9

Дубовая Елена. Ключевые фигуры андеграунда. № 8

Иванина Наталия. Абстракция — как вечность. № 5

Кадыров Бектур. Шагал к Шагалу, но был самым собой... № 5

Кадыров Бектур. Немеркнувшие краски акварели. № 10

Кадыров Бектур. Языком плаката. № 12

Пашко Ольга. Фантазии на тему жизни. № 3

Хасенова Багдат. Театр сквозь призму живописи. № 2

Природа и мы

Заболотских Пётр. Этюды. (В ловушке; Грибная пора; Ну, здравствуй, дружок!; Незадача; Простые радости; Берёзы в полушалках; Воробьи и колодец). № 12

Из почты “Нивы”

Голубов Борис. № 12

Онайбекова Гульсим. Так трудно выбрать по душе. № 5

Приключения. Детектив. Фантастика

Громыко Ольга. Человекопризнаки; Эти облака напоминают горы. Рассказы. № 11

Паламарчук Виктор. Под кольцами Сатурна навсегда? № 10

Третьяков Владимир. Блуждающий форвард. Повесть. №№ 5-6

Шмигалёв Николай. Бирюзовая юрта. Рассказ. № 7

Сатира и юмор

Кулатаев Марат. Сельские истории. № 7

Пройдаков Алексей. Литературные пародии. № 6

Пройдаков Алексей. Литературные пародии. № 8

Шухов Илья. Пародии и эпиграммы. № 1

Изоальбом “Нивы”

Из работ художника **Гаврилко Веры.** № 11

Из работ художника **Джунусова Марата.** № 5

Из работ художника **Ерашова Александра.** № 3

Из работ художника **Касымовой Дарияш.** № 2

Из работ художника **Крестникова Валерия.** № 9

Из работ художника **Мукатова Табылды.** № 4

Из работ художников **Овчинниковых Вадима и Александра.** № 8

Из работ художника **Порунина Николая.** № 6

Из работ художника **Сариева Шаймардана.** № 1

Из работ художника **Шапошникова Александра.** № 10

Репродукции из альбома “Киноплакат Казахстана”. № 12

Фотоиллюстрации к материалу “Павлодарская область: прошлое, настоящее, будущее”. № 7

«НИВА»



Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Г. К. Байзакова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.10.2008 г.

Подписано к печати 10.11.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 5459.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.